

ВЕСТНИК МГПУ.

СЕРИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ».

**MCU JOURNAL
OF LEGAL SCIENCES**

№ 4 (52)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ / SCIENTIFIC JOURNAL

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Published since 2008
Quarterly**

**Москва
2023**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И. М. председатель	ректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации, член-корреспондент РАО
Рябов В. В. заместитель председателя	президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
Геворкян Е. Н. заместитель председателя	первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО
Агранат Д. Л. заместитель председателя	проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ, доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Пашенцев Д. А. главный редактор	доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ (МГПУ)
Северухин В. А. зам. главного редактора	кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист РСФСР (МГПУ)
Беляева О. А.	доктор юридических наук, профессор РАН (ИЗиСП)
Борисова Н. Е.	доктор юридических наук, профессор (МГПУ)
Диноршоев А. М.	доктор юридических наук, профессор (Таджикский национальный университет)
Дорская А. А.	доктор юридических наук, профессор (РГПУ им. А. И. Герцена)
Ефимова О. В.	кандидат юридических наук, доцент (МГПУ)
Иларию Претелли	доктор права (Швейцарский институт сравнительного права)
Мартыненко И. Э.	доктор юридических наук, профессор (Гродненский государственный университет им. Я. Купалы)
Мкртумян А. Ю.	доктор юридических наук, заслуженный юрист Республики Армения (Кассационный суд Республики Армения)
Ростокинский А. В.	доктор юридических наук, профессор (МГПУ)
Рыбаков О. Ю.	доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор (МГЮУ им. О. Е. Кутафина)
Сауляк О. П.	доктор юридических наук, профессор (МГПУ)
Серова О. А.	доктор юридических наук, профессор (Псковский государственный университет)
Смирнов Л. Б.	доктор юридических наук, профессор (РГПУ им. А. И. Герцена)
Черногор Н. Н.	доктор юридических наук, профессор РАН (ИЗиСП)
Честнов И. Л.	доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (СПбЮИ(ф)АГП)
Чурилов С. Н.	доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (МГПУ)
Шевелева С. В.	доктор юридических наук, профессор (ЮЗГУ)
Безносикова О. И. ответственный редактор	

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

ISSN 2076-9113

© ГАОУ ВО МГПУ, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Государство и право: теоретические и исторические аспекты

- Абрамов Р. А., Пашенцев Д. А.* Развитие цифровой экономики как фактор динамики правового регулирования общественных отношений..... 7
- Дудин П. Н., Хусаинов З. Ф.* Государственная система Японии, ее ключевые институты и их модернизация накануне нового регионального правопорядка в Восточной Азии (1860–1930)..... 15
- Журавлев В. А., Потапов Ю. А.* Мировая юстиция в России: историко-правовые проблемы становления и развития (вторая половина XIX – начало XXI века)..... 30
- Львов А. В.* Формирование чиновничьего аппарата Российской империи в XIX – начале XX века (гражданская служба) 43
- Звонарев А. В.* Июньский Пленум ЦК РКП(б) 1923 года и его роль в создании Конституции СССР 1924 года 55

Публичное право

- Борисова Н. Е., Гаврилова Ю. В., Корчагина Т. В., Пономарев М. В.* Роль правовой социализации и формирования конституционной культуры в системе патриотического воспитания студенческой молодежи..... 64
- Зайцев О. А., Нудель С. Л., Семькина О. И.* Особенности расследования экономических преступлений на объектах транспортного комплекса (на примере опыта юрисдикции зарубежных стран)..... 77
- Чурилов С. Н.* О некоторых обвинительных юридико-психологических факторах, преобладающих в уголовно-процессуальной деятельности 89

Права человека

- Бурьянов С. А., Кривенький А. И.* Теоретические и методологические проблемы защиты прав детей иностранных граждан в России..... 100

Трибуна молодых ученых

Гребенькова Л. А., Захарова Е. Р. Проблемы уголовно-правового регулирования искусственного интеллекта и пути их решения 108

Научная жизнь

Крупеня Е. М. Комплексные отрасли законодательства: проблемы теории и практики в национальных правовых порядках (обзор круглого стола с международным участием (Минск, 17 марта 2023 г.)) 121

Авторы «Вестника МГПУ. Серия «Юридические науки», 2023, № 4 (52)» 128

Требования к оформлению статей 133

C O N T E N T S

State and Law: Theoretical and Historical Aspects

- Abramov R. A., Pashentsev D. A.* The Development of the Digital Economy as a Factor in the Dynamics of Legal Regulation of Public Relations 7
- Dudin P. N., Khusainov Z. F.* The State System of Japan, its Key Institutions and Their Modernization on the Eve of a New Regional Legal Order in East Asia (1860–1930) 15
- Zhuravlev V. A., Potapov Yu. A.* World Justice in Russia: Historical and Legal Problems of Formation and Development (the Second Half of the XIX – Beginning of the XXI Century) 30
- Lvov A. V.* Formation of the official apparatus of the Russian Empire in the XIX – Early XX Century (Civil Service)..... 43
- Zvonarev A. V.* The June Plenum of the Central Committee of the Russian Communist Party(b) in 1923 and Its Role in the Creation of the Constitution of the USSR in 1924 55

Public Law

- Borisova N. E., Gavrilova Yu. V., Korchagina T. V., Ponomarev M. V.* The Role of Legal Socialization and the Formation of Constitutional Culture in the System of Patriotic Students' Education 64
- Zaytsev O. A., Nudel S. L., Semykina O. I.* Features of the Investigation of Economic Crimes at the Facilities of the Transport Complex (Based on the Experience of the Jurisdiction of Foreign Countries) 77
- Churilov S. N.* About Some Accusatory Legal and Psychological Factors Prevailing in Criminal Procedural Activity 89

Human Rights

- Buryanov S. A., Krivenkiy A. I.* Theoretical and Methodological Problems of Protection of the Rights of Children of Foreign Citizens in Russia 100

Tribune of Young Scientists

Grebenkova L. A., Zakharova E. R. Problems of Criminal Law
Regulation of Artificial Intelligence and Ways to Solve Them..... 108

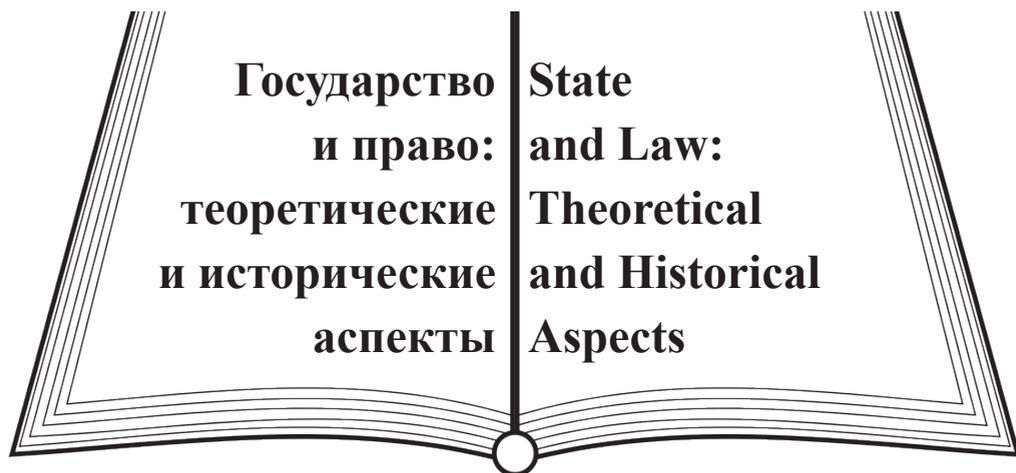
Scientific Life

Krupenya E. M. Complex Branches of Legislation:
Problems of Theory and Practice in National Legal Systems
(Review of the Round Table with International Participation
(Minsk, March 17, 2023))..... 121

Authors of the MCU Journal of Legal Sciences,

2023, № 4 (52)..... 128

Requirements for Style Articles..... 133

УДК 340.112

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.52.4.01

Р. А. Абрамов

Московский городской педагогический университет,
Москва, Российская Федерация,
abramovra@mgpu.ru

Д. А. Пашенцев

Московский городской педагогический университет,
Москва, Российская Федерация,
pashencevda@mgpu.ru

РАЗВИТИЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ КАК ФАКТОР ДИНАМИКИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ¹

Аннотация. Смена технологического уклада ведет к формированию цифровой экономики, что, в свою очередь, становится важным фактором динамики правового регулирования. В статье поставлена и решена задача выявить основные направления влияния отношений в сфере цифровой экономики на развитие права. С помощью системно-структурного метода обоснованы изменения в системе права, происходящие под влиянием цифровой экономики. Сделан вывод, что под воздействием цифровизации появляются проблемы в правовом регулировании экономических отношений, увеличивается роль подзаконного нормативного регулирования при снижении эффективности закона, происходит нарастание правового массива. Для решения конкретных

---

¹ При написании статьи использованы материалы СПС «КонсультантПлюс».

правовых проблем, порождаемых процессом формирования цифровой экономики, требуются скоординированные усилия юридического сообщества.

Ключевые слова: цифровая экономика; цифровые технологии; правовое регулирование; законодательство; система права.

UDC 340.112

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.52.4.01

R. A. Abramov

Moscow City University,
Moscow, Russian Federation,
abramovra@mgpu.ru

D. A. Pashentsev

Moscow City University,
Moscow, Russian Federation,
pashencevda@mgpu.ru

THE DEVELOPMENT OF THE DIGITAL ECONOMY AS A FACTOR IN THE DYNAMICS OF LEGAL REGULATION OF PUBLIC RELATIONS

Abstract. The change of technological structure leads to the formation of the digital economy, which, in turn, becomes an important factor in the dynamics of legal regulation. The task is set and solved to identify the main directions of the influence of relations in the field of digital economy on the development of law. With the help of the system-structural method, the changes in the legal system that occur under the influence of the digital economy are substantiated. It is concluded that under the influence of digitalization, problems appear in the legal regulation of economic relations, the role of subordinate regulatory regulation increases with a decrease in the effectiveness of the law, there is an increase in the legal array. Coordinated efforts of the legal community are required to solve specific legal problems generated by the process of formation of the digital economy.

Keywords: digital economy; digital technologies; legal regulation; legislation; legal system.

Введение

Формирование цифровой реальности существенно меняет целый ряд параметров системы общественных отношений, включая правовую сферу общества. Цифровая реальность связана с виртуализацией производства и потребления, развитием рынка товаров, работ и услуг в сети Интернет, активным внедрением новых цифровых технологий в производство, повышением роли информации и интеллектуальной собственности. В этих условиях требуется серьезная модернизация источников нормативного правового регулирования экономических отношений. Необходимо принятие новых норм,

отвечающих вызовам времени. Совершенствование законодательства и правоприменительной практики должно опираться на результаты научно-теоретического исследования происходящих в современной правовой системе процессов. Новые вызовы времени предъявляют повышенные требования к развитию теории права, которой предстоит переосмыслить многие устоявшиеся понятия с учетом новой реальности. Следует понять, как цифровая реальность влияет на развитие права, эволюцию его форм и источников, динамику системы права, изменение форм систематизации правовых норм. На этой основе станет возможным предложить новые решения, направленные на повышение эффективности правового регулирования экономических и связанных с ними отношений, на преодоление пробелов в праве.

Методы

Методологическую основу исследования определило понимание соотношения экономики и права как базиса и надстройки, в силу которого развитие производительных сил и производственных отношений инициирует новации в правовом регулировании экономической сферы общества. Использованы положения теории технологических укладов, согласно которым смена такого уклада влечет за собой трансформацию не только экономической, но и правовой сферы общества. Также использованы специальные юридические методы: формально-юридический и системно-структурный.

Основное исследование

Экономика и право тесно взаимосвязаны и взаимозависимы. В этой связке именно экономике принадлежит роль лидера, так как существенные сдвиги в экономическом развитии неизбежно влекут за собой изменения в правовом регулировании общественных отношений. В современных условиях весомым объяснительным потенциалом обладает теория технологических укладов. В ее основе лежит анализ социально-экономических процессов на базе творческой интерпретации теории длинных волн Н. Д. Кондратьева. Серьезный вклад в конструирование этой теории внесли отечественные и зарубежные экономисты: Д. С. Львов, С. Ю. Глазьев, К. Фримэн, Й. Шумпетер, Г. Менш и др. Данная теория исходит из обусловленности «периодически возникающих структурных кризисов мировой экономики глубокими технологическими сдвигами, кардинально изменяющими ее структуру, состав и соотношение факторов экономического роста...» [3, с. 10].

Смена технологического уклада, как правило, обусловлена развитием определенной группы сопряженных между собой технологий, и эта группа оказывает наиболее сильное воздействие на общественные отношения, определяя

их качественную и даже скачкообразную динамику. В настоящее время ученые пишут о переходе к шестому технологическому укладу. «В его основе лежат новые современные технологии, которые способны изменить (и уже меняют) практически все сферы экономики и социальной жизни. Прежде всего, речь идет о так называемой большой четверке, в которую входят цифровые технологии, биотехнологии, нанотехнологии и когнитивные технологии» [5, с. 24].

Все указанные технологии тесно взаимосвязаны, они усиливают друг друга в контексте воздействия на общественные отношения, способствуя формированию новой социальной и правовой реальности.

На современном этапе лидирующее место среди названных технологий занимают цифровые, присутствие которых уже сказывается практически во всех сферах жизни, меняет и ускоряет многие процессы и требует адекватной реакции со стороны права. Эти процессы позволяют говорить о формировании цифровой экономики, для которой характерны сдвиги как в развитии производительных сил, так и в динамике производственных отношений.

В Российской Федерации действует национальная программа «Цифровая экономика» (<https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/>), рассчитанная на период с 2017 по 2024 год и имеющая статус национального проекта, направленного на ускоренное внедрение цифровых технологий в экономику и социальную сферу, что должно повлечь за собой существенный рост качественных показателей, отражающих поступательное развитие экономики. В настоящее время уже прослеживаются первые результаты реализации этого проекта, в том числе наблюдаются существенные сдвиги в оказании государственных услуг предпринимателям в цифровой форме, в развитии цифровых сервисов и платформ [2, с. 48–49].

Цифровизация призвана повысить качество работы государственных органов, осуществляющих управление в экономической сфере. В то же время сохраняется потребность в модернизации правовой системы, качественного повышения эффективности правового регулирования экономических отношений, порождаемых цифровизацией.

Внедрение цифровых инструментов формирует новые группы отношений в самых разных областях экономической сферы общества. В числе тех, в которых данное влияние сказывается наиболее сильно, отметим следующие: публичные финансы, включая криптовалюты и цифровые деньги; информационные отношения, включая защиту информации и персональных данных; предпринимательство в сети Интернет; бюджетные отношения, включая налоги и финансовый контроль; гражданско-правовые сделки, в том числе заключение смарт-контрактов на основе технологии блокчейн [7, с. 15]. Во всех указанных и иных сферах требуется постоянное совершенствование законодательной базы, всего механизма правового регулирования вслед за возникающими новыми группами общественных отношений.

Представляется, что в условиях нового технологического уклада и развития цифровой экономики наибольшее значение имеет развитие следующих

отраслей права, в рамках которых наиболее активно внедряются цифровые инструменты: гражданское право, финансовое право, трудовое право. Сказанное не означает, что в иных отраслях права не происходят соответствующие процессы, меняется правовое регулирование. Но не везде в настоящий момент времени изменения настолько масштабны и заметны. Например, в гражданско-правовой сфере изменения требуют нормы, связанные с интеллектуальными правами и их защитой, с правовым статусом искусственного интеллекта, с оборотом информации, с деятельностью цифровых объектов в виртуальном пространстве, включая интернет вещей, с появлением цифровой личности. В финансовой сфере внимание широкой общественности сегодня приковано к криптовалютам, а также к такой новации, какой является для России цифровой рубль. Вызывают интерес проблемы налогообложения деятельности, осуществляемой исключительно в виртуальном пространстве. В сфере труда серьезные изменения связаны с удаленной работой, рабочим местом и временем, с появлением новых профессий в цифровой среде, с повышением квалификации работников.

В силу сказанного представляется возможным выделить несколько важных тенденций в развитии отечественного законодательства, вызванных сменой технологического уклада.

Первая тенденция состоит в том, что развитие общественных отношений под влиянием их цифровизации настолько ускоряется, что законодательство неизбежно отстает от них, приобретает догоняющий характер. Существующий порядок подготовки, обсуждения, принятия законов не обеспечивает их своевременного воздействия на развитие экономических и иных отношений, связанных с новыми технологиями [4, с. 33]. Поэтому увеличивается значение подзаконного регулирования, которое играет огромную роль в российской правовой системе. Кроме того, актуализируются дискуссии о возможном изменении формы закона, превращению его в цифровой акт. Учитывая, что первый электронный нормативный акт уже принят, можно ожидать и появления в перспективе цифрового закона, хотя сегодня и недостаточно понятно, каким именно он может быть.

Вторая тенденция заключается в том, что появляются новые группы общественных отношений, не только не урегулированные правом, но и не требующие такого регулирования. Речь идет, например, о самоисполняемых смарт-контрактах², заключаемых на основе технологии блокчейн, причем исполнение их также обеспечивается самой технологией. В результате можно

---

² Смарт-контракт — это любое цифровое соглашение (технология цифровой оболочки существующего контракта), которое записано в компьютерном коде, работает (хранится) в блокчейне или подобных распределенных технологиях книги (децентрализованно) и ни одна из сторон которого не способна его заменить или переделать. Такое цифровое соглашение представляет собой перечень компьютерных операций, автоматически выполняющих юридически значимые действия (условия сделки) без дальнейшего участия со стороны контрагентов и без необходимости вмешательства человека.

констатировать возникновение в экономических отношениях таких сфер, пусть пока и небольших, которые могут существовать вне правового регулирования. Парадокс состоит в том, что эти сферы оказываются свободны от коррупционных проявлений, иных неправомερных действий и злоупотреблений. Данная тенденция позволяет высказать предположение, что в будущем роль права может серьезно измениться либо наряду с правом возникнет некий новый, пока неизвестный регулятор.

Переход экономических отношений в цифровую среду не позволяет в полной мере применять к ним имеющееся правовое регулирование, которое рассчитано на традиционные отношения, развивающиеся в реальной жизни, а не в виртуальном пространстве. Это влечет за собой необходимость пересмотра целого ряда действующих правовых режимов, в том числе режима оборота информации, режима охраны тайны различного вида, режима электронного документооборота и т. д.

Третья тенденция состоит в постепенном стирании граней между традиционно выделяемыми отраслями права, а также между публичным и частным правом. Наблюдается взаимопроникновение норм, формирование циклических правовых массивов, пронизывающих все отрасли права [6]. Само количество отраслей права и законодательства, выделяемых современными исследователями, постоянно возрастает. Отмечается подвижность применяемых при определении новых отраслей критериев. В перспективе можно ожидать значительного изменения существующего правоотраслевого деления и его критериев, складывания новых подходов к пониманию системы права и ее элементов. Важную роль в этом процессе играет развитие цифровой экономики, порождающей новые группы общественных отношений, получающих стремление к правовому обособлению. Речь идет о праве интеллектуальной собственности, робототехнике, беспилотных транспортных системах, искусственном интеллекте, киберспорте, обороте больших данных, цифровых реестрах и т. д.

Цифровая экономика влияет и на динамику социальной сферы, способствует преодолению бедности, снижению диспропорции в развитии регионов [1]. Это происходит за счет совершенствования государственного управления, предоставления государственных услуг в цифровой форме, расширения доступности образования вне зависимости от места проживания, снижения уровня безработицы благодаря удаленной занятости. Но все эти направления могут успешно развиваться только при условии надлежащего правового регулирования. Поэтому цифровая экономика инициирует развитие не только отраслей права, непосредственно связанных с экономическими отношениями, но и социального законодательства.

Представляется возможным обозначить задачи общего характера, стоящие перед юридическим сообществом в условиях формирования цифровой экономики. Среди них отметим следующие: выявление норм и институтов, сдерживающих формирование цифровой экономики; выявление пробелов в праве, коллизий и противоречий в законодательстве, возникающих в связи

с развитием цифровой экономики; устранение выявленных правовых проблем; формирование оптимальных правовых условий для развития цифровой экономики, включая необходимую корректировку законодательства. Конкретные направления совершенствования правового регулирования в сфере цифровой экономики предстоит определить представителям каждого конкретного научного направления, согласовав их с общей линией экономико-правового развития.

Вывод

В современных условиях смена технологического уклада инициирует формирование цифровой экономики как нового типа организации экономических отношений, которая, в свою очередь, порождает новые тенденции в правовом регулировании. Во-первых, появляются новые группы отношений, что требует принятия соответствующих норм, в силу чего правовой массив увеличивается. Во-вторых, скорость развития общественных отношений под влиянием цифровизации приводит к недостаточной эффективности регулирования данных отношений с помощью закона, поэтому возрастает роль подзаконного регулирования. В-третьих, цифровая экономика порождает сферы, в которых правового регулирования не требуется, что в перспективе может повлиять на само понимание роли права в обществе. В-четвертых, развитие цифровой экономики приводит к возникновению пробелов в праве, требующих преодоления. Совокупными усилиями юридического сообщества, направленными на выработку и реализацию конкретных мер по правовому обеспечению отношений, складывающихся в цифровой среде, предстоит создать условия для дальнейшего поступательного развития цифровой экономики.

Список источников

1. Абрамов Р. А. Управленческие аспекты стратегического развития территорий. М.: National Research, 2023. 108 с.
2. Бабаева Ю. Г. Цифровизация и роботизация в фокусе права // Вестник Университета Правительства Москвы. 2022. № 1. С. 47–52.
3. Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике: монография / под ред. С. Ю. Глазьева, В. В. Харитоновой. М.: Тривант, 2009. 304 с.
4. Пашенцев Д. А. Основные направления и особенности развития законодательства в условиях цифровизации и перехода к новому технологическому укладу // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2021. № 3 (43). С. 31–39.
5. Пашенцев Д. А., Залоило М. В., Дорская А. А. Смена технологических укладов и правовое развитие России: монография. М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2021. 184 с.
6. Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования: научно-практическое пособие / под ред. И. И. Кучерова, С. А. Синицына. М.: Норма: ИЗиСП, 2022. 376 с.
7. Хабриева Т. Я. Циклические нормативные массивы в праве // Журнал российского права. 2019. № 12. С. 5–19.

References

1. Abramov R. A. *Upravlencheskie aspekty` strategicheskogo razvitiya territorij*. M.: National Research, 2023. 108 s.
2. Babaeva Yu. G. *Cifrovizaciya i robotizaciya v fokuse prava* // *Vestnik Universiteta Pravitel`stva Moskvy`*. 2022. № 1. S. 47–52.
3. *Nanotexnologii kak klyuchevoj faktor novogo texnologicheskogo uklada v e`konomie: monografiya* / pod red. S. Yu. Glaz`eva, V. V. Haritonova. M.: Trovant, 2009. 304 s.
4. Pashencev D. A. *Osnovny`e napravleniya i osobennosti razvitiya zakonodatel`stva v usloviyax cifrovizacii i perexoda k novomu texnologicheskomu ukladu* // *Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki»*. 2021. № 3. S. 31–39.
5. Pashencev D. A., Zaloilo M. V., Dorskaya A. A. *Smena texnologicheskix ukladov i pravovoe razvitie Rossii: monografiya*. M.: IZiSP: Norma: INFRA-M, 2021. 184 s.
6. *Cifrovaya e`konomika: aktual`ny`e napravleniya pravovogo regulirovaniya: nauchno-prakticheskoe posobie* / pod red. I. I. Kucherova, S. A. Sinicya. M.: Norma: IZiSP, 2022. 376 s.
7. Xabrieva T. Ya. *Ciklicheskie normativny`e massivy` v prave* // *Zhurnal rossijskogo prava*. 2019. № 12. S. 5–19.

Статья поступила в редакцию: 15.07.2023;
одобрена после рецензирования: 25.07.2023;
принята к публикации: 01.08.2023.

The article was submitted: 15.07.2023;
approved after reviewing: 25.07.2023;
accepted for publication: 01.08.2023.

УДК 340.12, 340.152, 340.153, 340.155

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.52.4.02

П. Н. Дудин

Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления,
Улан-Удэ, Российская Федерация,
dudin2pavel@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-9407-8436>

З. Ф. Хусаинов

Казанский федеральный университет,
Казань, Российская Федерация,
husainovzufar@mail.ru

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИСТЕМА ЯПОНИИ, ЕЕ КЛЮЧЕВЫЕ ИНСТИТУТЫ И ИХ МОДЕРНИЗАЦИЯ НАКАНУНЕ НОВОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ПРАВОПОРЯДКА В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ (1860–1930)

Аннотация. Цель статьи — дать комплексный анализ состояния ключевых государственных институтов Японии накануне и в ходе реформ Мэйдзи и доказать преемственность системы государственной власти этой страны. В рамках междисциплинарного подхода были использованы: метод аналогии и периодизации; идеографический и сравнительно-правовой методы; ретроспективный метод и метод реконструкции; структурный метод и нарративный подход; догматический метод и метод юридической герменевтики. В результате авторы исследуют и характеризуют процесс трансформации традиционных государственных институтов Японии в 1860–1880-е годы в современные органы государственной власти: парламент, кабинет министров и др. Сделан вывод об институциональной преемственности государственно-правового механизма, благодаря которой страна в первой половине XX века вошла в разряд ведущих мировых держав.

Ключевые слова: государственная система; институты публичной власти; государственно-правовые институты; региональный правопорядок; Япония; Восточная Азия; реформы Мэйдзи; рецепция права.

UDC 340.12, 340.152, 340.153, 340.155

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.52.4.02

P. N. Dudin

East Siberia State University of Technology and Management,
Ulan-Ude, Russian Federation,
dudin2pavel@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-9407-8436>

Z. F. Khusainov

Kazan Federal University,
Kazan, Russian Federation,
husainovzufar@mail.ru

THE STATE SYSTEM OF JAPAN, ITS KEY INSTITUTIONS AND THEIR MODERNIZATION ON THE EVE OF A NEW REGIONAL LEGAL ORDER IN EAST ASIA (1860–1930)

Abstract. The purpose of the article is to provide a comprehensive analysis of the state of Japan's key state institutions on the eve and during the Meiji Reforms and to prove the continuity of the system of state power in this country. Within the framework of the interdisciplinary approach, the method of analogy and periodization, the ideographic and comparative legal method, the retrospective method and the method of reconstruction, the structural method and the narrative approach, the dogmatic method and the method of legal hermeneutics were used. As a result, the authors explore and characterize the process of transformation of the traditional state institutions of Japan in the 1860–1880s. into modern government bodies: the parliament, the cabinet of ministers, etc. The conclusion is made about the institutional continuity of the state-legal mechanism, thanks to which the country in the first half of the 20th century. entered the ranks of the world's leading powers.

Keywords: state system; institutions of public authority; state-legal institutions; regional legal order; Japan; East Asia; Meiji reforms; reception of law.

Введение и актуальность исследования

В конце XIX – первой половине XX века Япония представляла собой одну из ведущих мировых держав, определяющих региональный правопорядок для значительной части Восточной Азии, пространства Малайского архипелага и Океании. Во многом этому способствовали реформы, проведенные в 1860–1880-е годы и вошедшие в историю под названием «Реформы Мэйдзи». Значительная их часть была посвящена преобразованиям государственно-правовых институтов, реципированных по образцам западных держав. Ранее, в VIII веке, аналогичным образом руководством страны и политической элитой правовые нормы и основы государственной организации были реципированы от империи Тан и просуществовали до 1860–1880-х годов. Как следствие, наблюдалась преемственность государственно-правовой традиции

внутри страны, что сплотило японский социум и позволило избежать локальных и глобальных политических кризисов, потрясших и разрушивших европейские империи и империю Цин. Добавим к этому, что традиционность в подходах к государственному управлению и правовому регулированию, преобразованная под реалии и потребности современного мира, создала условия для эффективной внутренней и внешней политики и распространения своего влияния далеко за пределы государства, чего не удалось сделать республиканскому Китаю, с которым у Японии шла и идет борьба за доминирование в Восточной Азии.

Экстраполируя ситуацию полуторавековой давности на современные события в регионе, отметим, что актуальность проведенного нами исследования вытекает из того положения, которое современная Япония готовит себе в формируемом региональном восточноазиатском порядке и обновляемом международном порядке: положение «миролюбивой страны с растущим глобальным влиянием»¹. Поскольку названное государство уже имело подобный опыт в 1860–1930-х годах и он показал чрезвычайную значимость эффективности государственных институтов в проведенных реформах и заявляемых претензиях на господство, именно государственные институты в сочетании с обновляемым национальным правом нуждаются в пристальном академическом исследовании и научной оценке.

Цель и задачи, научная новизна и значимость

Цель статьи — дать комплексный анализ состояния ключевых государственных институтов Японии накануне и в ходе реформ Мэйдзи и доказать преемственность системы государственной власти этой страны. Исходя из этого, ставятся следующие задачи: а) выявить ключевые государственные институты Японии по состоянию на 1868 год, сохранив традиционные названия, охарактеризовав круг полномочий, обозначив место каждого из них в иерархии высших органов публичной власти и соотнеся их с аналогичными органами имперского Китая, государств Корейского полуострова и Вьетнама; б) рассмотреть особенности трансформации государственного механизма Японии в условиях реформ Мэйдзи; в) охарактеризовать систему высших органов государственной власти после завершения реформ Мэйдзи и накануне перехода Японии к активным действиям по установлению в Восточной Азии собственного регионального правопорядка в 1930-е годы.

Научная новизна заключается в том, что впервые в современной отечественной науке реконструирована система ключевых традиционных государственных институтов Японии накануне модернизации 1860–1880-х годов в контексте их преемственности с высшими органами государственной власти

¹ Саммит G7 и амбиции Японии. Sohu: саммит G7 в Японии усилил конфликты и принесет миру новые бедствия [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20230523/g7-263135423.html> (дата обращения: 10.07.2023).

этой страны, функционирующими и в настоящее время. Показана связь с аналогичными китайскими, корейскими и вьетнамскими институтами.

Значимость результатов нашей работы заключается в выявлении и описании новых направлений государственно-правовых исследований в заявленном регионе; проведенная работа может послужить основой для пересмотра сложившихся в юридической науке критериев и характеристик сопоставимости права и правовых систем государств Восточной Азии друг с другом и корректности именованной их совокупности дальневосточной правовой семьей, или семьей дальневосточного права.

Степень научной разработанности и источники

В западном научном сообществе важное место занимают исследования Г. С. Квигли о преобразовании государственного аппарата Японии в период реформ Мэйдзи и его состоянии в середине 1930-х годов [3] и Р. Д. Миллера об управлении государством в Японии с VI по IX век [26]. Значимые аспекты реформы государственного аппарата в ракурсе фигуры императора нашли свое отражение в полубиографических работах «Дворец и политика в довоенной истории Японии» (Д. А. Тайтус) [28] и «Император Хирохито и эпоха “Сева” в Японии. Политическая биография» (С. Лардж) [25]. О государственных институтах переходного периода повествует и работа «Правовая система Японии: тексты, детали, материалы» (М. Дин) [17]. Также значительный вклад в понимание многих государственных процессов, их взаимосвязи и влияния на будущее страны вносит шеститомное издание «Кембриджская история Японии» [27]. В отечественной дореволюционной академической печати вышла знаковая двухтомная работа В. М. Мендрина об истории самурайских родов и сегунских династий [4], открывающая некоторые новые данные по старинному государственному устройству Японии. Уникальным можно считать издание «Японцы о Японии...» [16], в котором ценные сведения о создаваемых и модернизируемых государственно-правовых учреждениях Японии второй половины XIX века приведены от лица видных государственных деятелей эпохи. Среди современных исследователей нельзя обойти вниманием труды исследователей-японистов М. В. Воробьева [1], А. Н. Мещерякова [5] и М. В. Грачева [15].

В числе источников: переводы на русский язык первого в истории Японии кодифицированного свода [7, 9–11] и его китайского образца [14], а также издание о танской бюрократии [8], в которых можно проследить логику конструирования государственного аппарата и к которым обращаются отечественные ученые-японисты [12; 13]. Опираясь на позицию профессора Рюсуке Исии (Ryosuke Ishii) [24] о средневековом периоде (967–1467) и периоде раннего Нового времени (1467–1858), следует также упомянуть о таких обеспечивших культурную преемственность в праве источниках, как «Госэбай Сикимоку» (1232) [19], «Кэмму Сикимоку» (1336) [20] или установления сегуната

Токугава [21; 22], и их редких переводах [25], изученных некоторыми отечественными [26] и западными исследователями [18; 23].

Подходы к исследованию и методология

Авторы указанных выше трудов, вне зависимости от того, представителями какой страны, какой науки (история, востоковедение и т. д.) и какой школы они являются, в своем трактовании государственно-правовых процессов опирались на западно-центристский подход с его терминами и категориями (министры, канцлеры, цензоры и т. д.), в результате чего мы были вынуждены подбирать более обтекаемые формулировки для передачи духа и смысла государственных институтов и органов, следуя логике, заложенной В. М. Рыбаковым, стремящимся обрисовать смысл того или иного учреждения, даже если его название и казалось непривычным, чрезвычайно длинным или даже нелепым [8, с. 12–13]. В целом же мы ориентировались на междисциплинарный подход, который позволил прибегнуть к методам аналогии и периодизации, идеографическому и сравнительно-правовому методу, ретроспективному методу в сочетании с методом реконструкции, структурному методу и нарративному подходу, а при обращении к переведенным текстам основными стали догматический метод и метод юридической герменевтики.

Основная часть

Итак, ко времени начала реформ Мэйдзи высшим государственным институтом Японии, уникальным для этой страны и не имевшим аналогов в Китае, Корее и Вьетнаме, начиная с VIII века был Дзингикан, или Камидукаса/Кандзукаса, отвечавший за имперские ритуалы, контроль над отправлением культа Синто и государственными святынями, а также за связь с божественным миром в целом и миссионерской деятельностью. В «Своде Тайхо» 702 года нормы о всех высших государственных учреждениях содержались в Законе II «Штаты Ведомств» [10, с. 21–49] (ниже мы приводим статьи данного закона), а положения о Дзингикане были помещены в статью 1 «Совет по делам религии Синто» [10, с. 22–23]. К. А. Попов в комментарии указывает на его главенствующее положение в государственной системе [10, с. 191]. При этом крупный отечественный исследователь, японист А. Н. Мещеряков, упоминает о Дзингикане как о «придворном синтоистском ведомстве» [5, с. 154], равно как и до него другой ученый, М. В. Воробьев, называет его Советом по делам культа, впервые упоминаемым в летописях в 644 и 692 годах. [1, с. 199]. В свою очередь, М. В. Грачев называет этот институт Палатой небесных и земных божеств [15, с. 219], помещая выше других органов центрального аппарата управления [15, с. 293]. Как высший государственный институт, восстановленный

в феврале 1868 года в своем функционале, он сохранил ключевое положение, но путем нескольких административных преобразований был упразднен в 1872 году, его полномочия переданы Ведомству церемоний, а контроль над миссионерской деятельностью — новому Ведомству образования, Кебу-сё (упразднено в 1877 году).

Вторым по значимости институтом был Дайдзёкан, или Ой-Мацури-гото-но цукаса, нормы о котором содержались в ст. 2 Закона II [10, с. 23–24]. К. А. Попов называет его Великим государственным советом, или Государственным советом [10, с. 193], М. В. Грачев — Палатой Большого государственного совета [15, с. 219], а М. В. Воробьев пишет о назначении «трех министров: левого (садайдзин), правого (удайдзин) и внутреннего, или министра двора (найдайдзин)» [1, с. 199]. Далее он указывает, что в 649 году формируются шесть палат, именуемых «сё», без подробностей их институционализации, предполагая, что это Палата придворных церемоний и гражданских чинов (Сикибу-сё), Палата по делам знати и государственного церемониала (Дзибу-сё), Палата народных дел (Мимбу-сё), Палата военных дел (Хебу-сё), Уголовная палата (Гебу-сё), Палата казны (Окура-сё), а также Палата императорских дел (Накацукаса-сё) и Палата императорской казны (Кунай-сё), отмечая, что «две последние палаты были добавлены позднее» [1, с. 199], и констатируя: «Очень важно, что в Японии в то время не появилось органа, управляющего этими палатами» [1, с. 199]. Действительно, Дайдзёкан возникает немного позднее, в эпоху Нара, как своеобразный аналог уже существующего в Китае Правительствующего шэна (надзора) — Шаншушэна эпохи Тан [8, с. 209–216] и более позднего китайского института — Дорги ямунь (эпохи Мин и Цин). Управление Дайдзёканом осуществлял дайздедайдзин, должность которого с усилением власти сегунов становится почетной. Координация же ведомств осуществлялась упомянутыми выше левым (садайдзин) и правым (удайдзин) руководителями, главным из которых был садайдзин. При этом с установлением власти сегунов те не стремились ликвидировать прежнюю систему, позволяя ей функционировать и даже ограждая ее от участия в ней самурайского корпуса. Так, сам сегун мог претендовать только на пост удайдзина, лишь один из клана Токугава (третий сегун — Иэмицу) смог стать садайдзином, и только троим его родичам было позволено занять пост дайздедайдзина (первому — Иэясу, второму — Хидэтаде и одиннадцатому — Иэнари, которому не выказывалось при этом полагающихся для данной должности почестей).

В подчинении садайдзина находились четыре ведомства:

- 1) Ведомство внутренних, или главных дел, Накацука-сё, или Нака-но-мацури-гото-но цукаса, упоминается в ст. 3 Закона II [10, с. 24–25], а К. А. Попов именуется его Министерством центральных дел, Тюму-сё [10, с. 195]. Ведомство считалось самым важным среди других, поскольку занималось вопросами, связанными с императорским двором. Начиная с периода Хэйан его глава назначался исключительно из высшей знати и принцев крови, а в основной круг его полномочий входил контроль за исполнением императорских указов.

2) Ведомство церемоний, Сикибу-сё, или Нори-но цукаса, упоминается в ст. 13 Закона II [10, с. 29]. К. А. Попов называет его одноименным министерством [10, с. 199]. В его ведении находились отбор должностных лиц, организация экзаменов, а также обучение различным предметам, связанным с несением государственной службы и каллиграфии. С 758 по 764 год оно именуется Ведомством знаний (просвещения), или Монбу-сё, и отныне считается вторым по важности среди государственных органов в дореформенный период. В эпоху Тан создается и существует до начала XX в. аналогичное ведомство под названием Ведомства должностных лиц, Ли бу; в X веке оно возникает в государстве Корё, а позднее — во Вьетнаме (Дайковьет);

3) Ведомство по делам населения, Дзибу-сё, или Осамуру цукаса, упоминаемое в ст. 16 Закона II [10, с. 30], именуется К. А. Поповым Министерством гражданской администрации [10, с. 201], в ведении которого находилось взаимодействие с иными государствами, учет однофамильных домохозяйств, этикет и контроль за гагаку (придворная музыка), брачные юридические процессы, надзор за буддийскими монахами и связанные с этим вопросы, поддержание в порядке императорских захоронений, прием иностранных посланников и т. д. В Китае некоторыми сходными полномочиями обладало Ведомство церемоний, Ли бу; в государствах Корё и Чосон аналогичное ведомство меняло название, но функционал не менялся, как и во Вьетнаме;

4) Ведомство народных дел, Минбу-сё, или Тами цукаса, упоминаемое в ст. 21 Закона II [10, с. 32] и называемое К. А. Поповым одноименным министерством [10, с. 204], в ведении которого находилось управление финансами и налогами, а также учет пашен и полей, природоресурсная политика (горные и речные промыслы), управление дорогами. Примечательно, что в имперском Китае схожими функциями в области учета пашен и полей наделялось Ведомство хозяйственных дел, Ху бу / Гуаншу, а в области поддержания надлежащего состояния дамб и дорог, а также управления природоресурсной сферой — Ведомство [общественных] работ, Гун бу.

Под контролем удайдзина находились другие четыре ведомства:

1) Ведомство финансов, Окура-сё, или О-окура-но цукаса, упоминаемое в ст. 33 Закона II [10, с. 35–37]. К. А. Попов именуется его Министерством финансов с добавлением «дайдзосе/охокурасе» [10, с. 206]. В ведении учреждения находились вопросы установления налогообложения и финансовой политики, регистрации налогового учета домохозяйств и драгоценных металлов, регулирования вопросов торговли, цен, мер и весов. После многочисленных переименований ведомство сохранилось до настоящего времени. В Китае сходными полномочиями обладало Ху бу, как и в государстве Корё, и во Вьетнаме;

2) Военное ведомство, или Ведомство военных дел, Хебу-сё, или Цувамоно-но цукаса, упоминаемое в ст. 24 Закона II [10, с. 33–34] и называемое К. А. Поповым одноименным министерством [10, с. 204], — одно из самых стабильных как в истории самой Японии (его образование М. В. Воробьев относит к 675 году [1, с. 202]), так и в истории Китая (Бин бу), государств Корейского полуострова и Вьетнама;

3) Ведомство правосудия, Гебу-сё, или Сабаки цукаса, упоминаемое в ст. 30 Закона II [10, с. 35–36] и именуемое К. А. Поповым Министерством юстиции [10, с. 206] (является одним из предшественников современного Министерства юстиции), имело юрисдикцию над всей системой правосудия, ведало судебными процессами по криминальным правонарушениям, управляло тюрьмами и в целом контролировало систему исполнения наказаний. В империи Тан схожие полномочия были у Ведомства наказаний, Син бу, и в Корё, и во Вьетнаме;

4) Ведомство императорского двора, Кунай-сё, или Мия-учи-но цукаса, упоминаемое в ст. 39 Закона II [10, с. 37–41], именуемое К. А. Поповым Министерством двора [10, с. 208], выполняло обеспечительные функции и занималось общими делами императорского двора, не связанными с политикой.

Наконец, третьим высшим государственным институтом был Дандзё-тай, название которого переводится буквально как «Учреждение по поддержанию общественного порядка». Упомянутый в ст. 58 Закона II [10, с. 41–42] и названный К. А. Поповым Палатой цензоров, призванной разбирать проступки чиновников шестого ранга и ниже [10, с. 212], в предшествующую эпоху этот институт был не только независимым от Дайдзёкана, но и контролировал другие ведомства. Согласно трактовке М. В. Грачева, Дандзетай / Палата цензоров [15, с. 221] приравнивался по статусу к Дзингикану и Дайдзёкану [15, с. 224] и осуществлял контроль над чиновниками, являясь аналогом китайской Надзорной палаты, Дуча юань, чьи полномочия можно было бы сравнить с Контрольным юанем Китайской Республики или Государственным надзорным комитетом КНР после реформы 2018 г.

На первоначальном этапе реформ Мэйдзи (июнь 1868 – август 1869 года) Дайдзёкан, в соответствии с нормами Сэйтайсё, сохранил свой статус с законотворческими, административными и судебными полномочиями подчиненных ему восьми ведомств, однако их состав изменился.

Во-первых, помимо ведомств народных дел, финансов, военных дел и императорского двора, Дайдзёкану был переподчинен Дандзё-тай, преобразованный в 1871 году в Министерство юстиции.

Во-вторых, повышенным оказался статус учреждения Дай-гакку, упоминаемого в ст. 14 Закона II [10, с. 29] (К. А. Попов перевел название учреждения как «Управление высшего образования» (Дай-гакку-рё) [10, с. 200]), подчинявшегося в дореформенную эпоху Сикибу-сё, объединившего в себе все существовавшие на тот момент учебные заведения высшего уровня, которые стали основой будущих ведущих японских университетов.

В-третьих, появляется новое Ведомство иностранных дел, Гайму-сё, и новое управление по развитию северных территорий, Кайтаку-сё (упразднено в 1882 году), целью которого было освоение Сахалина и Хоккайдо.

В-четвертых, в структуру Дайдзёкана вошли два новых органа: Тайсе-кеку — прообраз палаты представителей императорского парламента, — в полномочия которого входило получение и обработка предложений от подданных,

и Сю-гин, совещательный орган по обсуждению национальной политики, поглотивший в августе 1869 года Тайсе-кеку и упраздненный в 1873 году.

Дальнейшее развитие государственного аппарата протекало следующим образом. На втором этапе (август 1869 – сентябрь 1871 года) был запущен процесс возвращения в юрисдикцию императора феодальных владений и создания министерств. На третьем этапе (сентябрь 1871 – апрель 1875 года) была ликвидирована старинная система рангов и установлены три уровня государственных учреждений; создается Министерство внутренних дел и Национальный банк; судебная система переподчиняется Министерству юстиции; в ходе реформы местных органов управления, хайханчикен, создаются префектуры; появляется первое образовательное учреждение для девушек. На четвертом этапе (апрель 1875 – декабрь 1885 года) издается императорский манифест о постепенном переходе к конституционному правлению; происходит судебная реформа с учреждением трехзвенной системы национальных судов, во главе которых находится Верховный суд, Дайсин-ин; в дополнение к имеющимся учреждаются Морское министерство и Министерство просвещения. На пятом этапе (декабрь 1885 – декабрь 1889 года) Дайдзёкан уступает место Кабинету министров (далее — Кабинет) и навсегда исчезает из числа органов государственной власти Японии. Власть окончательно разделяется на законодательную, во главе с однопалатным парламентом, Генро-ин (позднее — двухпалатным имперским, Тэйкоку-гикай), исполнительную, во главе с Кабинетом, и судебную, во главе с Верховным судом. Отдельным органом государственной власти стало Министерство императорского двора. В 1888 году создается «Хранитель конституции» (Тайный совет), Сюмицу-ин, просуществовавший до 1947 года.

Наконец, в декабре 1889 года принимается Конституция Мэйдзи — первая конституция Японии, которая ставит точку в драматическом, но в целом успешном переходе государственной системы этой страны от классического традиционного уклада, насчитывавшего более 1000 лет, к современному его состоянию, способствовавшему ее превращению в одну из мировых держав.

Таким образом, по состоянию на 1889 год государственная система Японии представляла собой следующее. Вершину государственной власти венчал конституционный монарх — император, тэнно, являвшийся главой государства и обладавший всей полнотой власти, что подтверждала ст. 4 Конституции. Однако и юридически, и фактически создавалась децентрализованная система управления страной, где монарх не осуществлял прямого контроля над исполнительной властью во главе с Кабинетом, санкционируя его решения и поддерживая государственных министров.

Законодательная власть осуществлялась императором при поддержке двухпалатного императорского парламента (именовавшегося Органом законодательной поддержки), состоявшего из палаты пэров и палаты представителей. Учреждением, которое обсуждало важные государственные дела после консультаций с императором, был Тайный совет, имевший право вето по ряду

ключевых вопросов государственного управления, однако с запретом прямого вмешательства в дела Кабинета. Судебная власть осуществлялась судами во главе с Верховным судом и по поручению императора. Гражданские и уголовные дела рассматривались судами общей юрисдикции, но административные дела — специальными административными судами.

Исполнительную власть осуществлял Кабинет во главе с премьер-министром, гэнро, утверждаемым императором, но фактически избираемым. При этом ни сам Кабинет, ни его руководитель в Конституции не упоминались. Министр императорского двора и министр внутренних дел не являлись государственными министрами и не входили в состав Кабинета, т. е. не подчинялись премьер-министру административно, а военный и морской министры, имея статус государственных министров, одновременно с этим получили более широкие полномочия как во взаимодействии с императором, так и в области военных полномочий, финансовой обеспеченности и отчетности и т. д., гарантии невмешательства со стороны парламента и др. Первый Кабинет состоял из премьер-министра, министров иностранных дел, внутренних дел, юстиции, финансов, образования, сельского хозяйства и торговли, связи, а также военного и морского министров. На момент вторжения в Маньчжурию осенью 1931 года (Кабинет Вакацуки Рэйдзио) Министерство сельского хозяйства и торговли было преобразовано в Министерство сельского и лесного хозяйства, а из него выделено Министерство торговли и промышленности, образовано Министерство путей сообщения. Лишь в 1940 году (Кабинет Ёнай Мицумасы) появилось Министерство здравоохранения и социального обеспечения, следом за которым во втором Кабинете Коноэ Фумимаро были созданы четыре должности государственных министров без портфеля. Но глобальную трансформацию высший орган исполнительной власти пережил в период премьерства Тодзио Хидэки в 1941–1944 годах. Так, почти сразу же после его вступления в должность на базе Бюро по делам колоний создается одноименное министерство, Такуму-сё, замененное 1 ноября 1942 года Министерством по делам Большой Восточной Азии, Дайто-а-сё. В тот же день были объединены Министерство сельского и лесного хозяйства и Министерство торговли и промышленности и на их основе образовано Министерство сельского хозяйства и торговли; Министерство связи и Министерство путей сообщения объединились в Министерство транспорта и коммуникаций (преобразовано в мае 1945 года в Министерство транспорта); было создано Министерство военного снабжения; а количество государственных министров без портфеля увеличилось до шести. В таком составе Кабинет и вся государственная система встретила поражение в войне.

Заключение

Итак, особенностью государственно-правовых институтов Японии на этапе их перехода от традиционной к современной системе функционирования, в отличие от китайской государственно-правовой традиции, явилось то,

что право не следовало за развитием государственного аппарата, а наоборот, весь государственный механизм переформатировался в новых правовых реалиях. Важность и значимость права в функционировании государственных институтов были заложены при рецепции танского свода установлений «Тан люй шу и» и принятии на его основе свода законов «Тайхоре» 702–718 годов. Данная традиция сохранилась и при проведении реформ Мэйзди: императорский указ предвещал преобразование того или иного государственного органа или института.

Сама же государственная система Японии в своем традиционном воплощении, пусть и имевшая значительное сходство с государственным аппаратом имперского Китая, тем не менее обладала весьма существенными отличиями. Во-первых, она была более разнообразна в количественном отношении, и, следовательно, полномочия органов власти также имели отличия. Во-вторых, в японской традиции правовое регулирование в отношении высших государственных институтов и органов власти осуществлялось в рамках положений Закона II «Штаты ведомств», свода законов «Тайхоре», тогда как в Китае подобные нормы всегда группировались в отдельном кодифицированном акте: в эпоху Тан — «Тан лин» и «Тан люй дянь», в эпоху Мин — «Да Мин хуэйдянь», в эпоху Цин — «Да Цин хуэйдянь». В-третьих, в отличие от Китая, в Японии на определенном историческом отрезке возникает параллельная государственно-правовая система, ядром которой становятся кодифицированные установления правительственных учреждений сегунов — бакуфу. И хотя государственные органы и правовые установления периода сегуната не оказывали влияния на модернизацию Японии и превращение ее в мировую державу, равно как и на обновление регионального правопорядка во второй половине XIX – первой половине XX века, но они сохраняли культурную преемственность, ключевые государственные институты и ведомства, их статус и названия вплоть до реставрации Мэйзди, не покушаясь на древние устои, что позволило вернуть их к активной деятельности на начальном этапе реформ и обеспечить институциональную и культурную преемственность. Та же преемственность наблюдается и при упразднении ведомств и замене их министерствами. Наконец, в-четвертых, в отличие от Китая и империй Европы того времени, Япония сумела провести модернизацию страны, избежав крупных социально-политических потрясений, революций и гражданских войн.

В результате сковывавшие ее длительное время традиционность и закрытость за относительно короткий исторический промежуток были преодолены. Неравноправные договоры с западными державами, явившиеся примером национального унижения и послужившие поводом к реформам, были отменены, под непосредственный контроль страны попали Тайвань, Рюкю, Корея и значительная часть восточного побережья Китая с бывшими немецкими концессиями и арендными территориями.

Сумев позаимствовать лучшие государственные практики и опереться на модернизированное право, политические элиты страны во главе с императором сумели обеспечить институциональную преемственность, выстроить

внутреннюю и внешнюю политику таким образом, чтобы к концу XIX века страна смогла стать равной так называемым великим державам, а затем — одной из ведущих мировых держав, распространившей свой правопорядок на значительную часть одного из самых густонаселенных регионов земного шара. Проблема заключалась лишь в том, что установление этого правопорядка начиная с 1900-х годов базировалось на радикализирующихся идеях национального превосходства и псевдомиссионерства, приведших сначала к крупным военным конфликтам в регионе, а затем переросших в мировую войну, которая на Дальнем Востоке была начата задолго до 1 сентября 1939 года.

Список источников

1. Воробьев М. В. Япония в III–VII вв. Этнос, общество, культура и окружающий мир. М.: Наука, 1980. 334 с.
2. Госэйбай сикимоку // Восток. 1992. № 1. С. 127–139.
3. Квигли Г. С. Правительство и политическая жизнь Японии. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1934. 318 с.
4. Мендрин В. М. История сегуната в Японии (Нихон гайси): пер. с яп.: в 2 т. М.; СПб.: Рос. гос. б-ка: Летний сад, 1999.
5. Мещеряков А. Н. Древняя Япония: культура и текст. М.: Наука, 1991. 224 с.
6. Полхов С. А. Законодательные уложения Сэнгоку дайме: исследования и переводы / отв. ред. Э. В. Молодякова. М.: Кругъ, 2015. 647 с.
7. Попов К. А. Законодательные акты средневековой Японии / пер. с яп., вступ. ст., коммент. К. А. Попова. М.: Наука, 1984. 107 с.
8. Рыбаков В. М. Танская бюрократия. Ч. 1: Генезис и структура. СПб.: Петербургское востоковедение, 2009. 512 с.
9. Свод законов «Тайхо рицуре». 702–718 гг.: Рицу (Уголовный кодекс) / АН СССР, Ин-т востоковедения; вступ. ст., пер. с древнеяп., коммент. и слов. К. А. Попова. М.: Наука, 1989. 112 с.
10. Свод законов «Тайхоре», 702–718 гг.: I–XV законы / АН СССР, Ин-т востоковедения; вступ. ст., перевод с древнеяп. и коммент. К. А. Попова. М.: Наука, 1985. 369 с.
11. Свод законов «Тайхоре», 702–718 гг.: XVI–XXX законы / АН СССР, Ин-т востоковедения; вступ. ст., пер. с древнеяп. и коммент. К. А. Попова. М.: Наука, 1985. 267 с.
12. Суровень Д. А. Возникновение права и источники права древней Японии // Проблемы истории общества, государства и права: сб. науч. тр. Екатеринбург: Издательский дом Уральской государственной юридической академии, 2004. С. 198–226.
13. Суровень Д. А. Систематизация права Японии во второй половине VII – начале VIII века // Проблемы истории общества, государства и права: сб. науч. тр. Вып. 1. Екатеринбург: УрГЮА, 2013. С. 117–172.
14. Уголовные установления Тан с разъяснениями («Тан люй шу и»): Цзюани 1–8 / введ., пер. с кит. и коммент. В. М. Рыбакова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. 384 с.
15. Япония в эпоху Хэйан (794–1185): хрестоматия. / сост., введ., пер. с древнеяп. и коммент. М. В. Грачева. М.: Издательство Российского гос. гуманитарного ун-та, 2009. 423 с. (Orientalia et Classica: труды Института восточных культур и античности, вып. 24).

16. Японцы о Японии: сборник статей первоклассных японских авторитетов, собранных и отредактированных А. Стэдом / перевод с англ. М. А. Шрейдер и С. Г. Займовского; под ред., с предисл. и примеч. Д. И. Шрейдера. СПб.: Просвещение, 1906. 587 с.

17. Dean M. Japanese Legal System: Text, Cases and Materials / London: Cavendish Publishing Limited, 2002. 596 p.

18. Grossberg K. A., Nobuhisa K. The Laws of the Muromachi Bakufu: Kemmu Shikimoku (1336) & Muromachi Bakufu tsuikahō / tr. by Kenneth A. Grossberg & Kanamoto Nobuhisa. Tokyo: Sophia University, 1981. 171 p.

19. Hall J. C. Japanese Feudal Law: The Institutes of Judicature: Being a Translation of "Go Seibai Shikimoku": the Magisterial Code of the Hojo Power-Holder // Transactions of the Asiatic Society of Japan. 1906. Vol. XXXIV, part I. P. 1–44.

20. Hall J. C. Japanese Feudal Laws: II – The Ashikaga Code ("Kemmu Shikimoku" – A.D. 1336) // Transactions of the Asiatic Society of Japan. 1908. Vol. XXXVI, part II. P. 1–23.

21. Hall J. C. Japanese Feudal Laws: III – Japanese Feudal Laws: The Tokugawa legislation. Part I // Transactions of the Asiatic Society of Japan. 1910. Vol. XXXVIII, part I. P. 269–331.

22. Hall J. C. Japanese Feudal Laws: III – Japanese Feudal Laws: The Tokugawa legislation. The edict in 100 sections. Part IV // Transactions of the Asiatic Society of Japan. 1912. Vol. XLI, part V. P. 684–848.

23. Henderson D. F. Some Aspects of Tokugawa Law // Washington Law Review. 1952. Vol. 27, № 1. P. 85–109.

24. Ishii R. A History of Political Institutions in Japan. Tokyo: University of Tokyo Press, 1988. 172 p.

25. Large S. S. Emperor Hirohito and Shōwa Japan: A political biography. New York; London: Routledge, 1992. 262 p.

26. Miller R. J. Japan's First Bureaucracy: A Study of Eighth-Century Government // Cornell University East Asia Papers. New York: Cornell University, 1978. 310 p.

27. The Cambridge history of Japan. Vol. 1: Ancient Japan. New York: Cambridge University Press, 1993. 600 p.

28. Titus D. A. Palace and Politics in Prewar Japan. New York; London: Columbia University Press, 1974. 374 p.

References

1. Vorob'ev M. V. Yaponiya v III–VII vv. E'tnos, obshhestvo, kul'tura i okruzhayushhij mir. M.: Nauka, 1980. 334 с.

2. Gose'jbaj sikimoku // Vostok. 1992. № 1. S. 127–139.

3. Kvigli G. S. Pravitel'stvo i politicheskaya zhizn' Yaponii. M.: Gos. socz.-e'kon. izd-vo, 1934. 318 s.

4. Mendrin V. M. Istoriya segunata v Yaponii (Nixon gajsi): per. s yap.: v 2 t. M.; SPb.: Ros. gos. b-ka: Letnij sad, 1999.

5. Meshheryakov A. N. Drevnyaya Yaponiya: kul'tura i tekst. M.: Nauka, 1991. 224 s.

6. Polxov S. A. Zakonodatel'ny'e ulozheniya Se'ngoku dajme: issledovaniya i perevodny' / otv. red. E'. V. Molodyakova. M.: Krug'', 2015. 647 s.

7. Popov K. A. Zakonodatel'ny'e akty' srednevekovoj Yaponii / per. s yap., vstup. st., komment. K. A. Popova. M.: Nauka, 1984. 107 s.

8. Ry`bakov V. M. Tanskaya byurokratiya. CH. 1: Genezis i struktura. SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie, 2009. 512 s.

9. Svod zakonov "Tajxo riczure". 702–718 gg.: Riczu (Ugolovny`j kodeks) / AN SSSR, In-t vostokovedeniya; vstup. st., per. s drevneyap., komment. i slov. K. A. Popova. M.: Nauka, 1989. 112 s.

10. Svod zakonov "Tajxore", 702–718 gg.: I–XV zakony` / AN SSSR, In-t vostokovedeniya; vstup. st., perevod s drevneyap. i komment. K. A. Popova. M.: Nauka, 1985. 369 s.

11. Svod zakonov "Tajxore", 702–718 gg.: XVI–XXX zakony` / AN SSSR, In-t vostokovedeniya; vstup. st., per. s drevneyap. i komment. K. A. Popova. M.: Nauka, 1985. 267 s.

12. Suroven` D. A. Voznikovenie prava i istochniki prava drevnej Yaponii // Problemy` istorii obshhestva, gosudarstva i prava: sb. nauch. tr. Ekaterinburg: Izdatel`skij dom Ural`skoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii, 2004. S. 198–226.

13. Suroven` D. A. Sistematizaciya prava Yaponii vo vtoroj polovine VII – nachale VIII veka // Problemy` istorii obshhestva, gosudarstva i prava: sb. nauch. tr. Vy`p. 1. Ekaterinburg: UrGYuA, 2013. S. 117–172.

14. Ugolovny`e ustanovleniya Tan s raz`yasneniyami («Tan lyuj shu i»): Czzyuani 1–8 / vved., per. s kit. i komment. V. M. Ry`bakova. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1999. 384 s.

15. Yaponiya v e`poxu Xe`jan (794–1185): xrestomatiya. / sost., vved., per. s drevneyap. i komment. M. V. Gracheva. M.: Izdatel`stvo Rossijskogo gos. gumanitarnogo un-ta, 2009. 423 s. (Orientalia et Classica: trudy` Instituta vostochny`x kul`tur i antichnosti, vy`p. 24).

16. Yaponcy` o Yaponii: sbornik statej pervoklassny`x yaponskix avtoritetov, sobranny`x i redaktirovanny`x A. Ste`dom / perevod s angl. M. A. Shrejder i S. G. Zajmovskogo; pod red., s predisl. i primech. D. I. Shrejdera. SPb.: Prosveshhenie, 1906. 587 s.

17. Dean M. Japanese Legal System: Text, Cases and Materials / London: Cavendish Publishing Limited, 2002. 596 p.

18. Grossberg K. A., Nobuhisa K. The Laws of the Muromachi Bakufu: Kemmu Shikimoku (1336) & Muromachi Bakufu tsuikahō / tr. by Kenneth A. Grossberg & Kanamoto Nobuhisa. Tokyo: Sophia University, 1981. 171 p.

19. Hall J. C. Japanese Feudal Law: The Institutes of Judicature: Being a Translation of "Go Seibai Shikimoku": the Magisterial Code of the Hojo Power-Holder // Transactions of the Asiatic Society of Japan. 1906. Vol. XXXIV, part I. P. 1–44.

20. Hall J. C. Japanese Feudal Laws: II – The Ashikaga Code ("Kemmu Shikimoku" – A.D. 1336) // Transactions of the Asiatic Society of Japan. 1908. Vol. XXXVI, part II. P. 1–23.

21. Hall J. C. Japanese Feudal Laws: III – Japanese Feudal Laws: The Tokugawa legislation. Part I // Transactions of the Asiatic Society of Japan. 1910. Vol. XXXVIII, part I. P. 269–331.

22. Hall J. C. Japanese Feudal Laws: III – Japanese Feudal Laws: The Tokugawa legislation. The edict in 100 sections. Part IV // Transactions of the Asiatic Society of Japan. Vol. XLI, part V, 1912. P. 684–848.

23. Henderson D. F. Some Aspects of Tokugawa Law // Washington Law Review. 1952. Vol. 27, № 1. P. 85–109.

24. Ishii R. A History of Political Institutions in Japan. Tokyo: University of Tokyo Press, 1988. 172 p.

25. Large S. S. Emperor Hirohito and Shōwa Japan: A political biography. New York; London: Routledge, 1992. 262 p.

26. Miller R. J. Japan's First Bureaucracy: A Study of Eighth-Century Government // Cornell University East Asia Papers. New York: Cornell University, 1978. 310 p..

27. The Cambridge history of Japan. Vol. 1: Ancient Japan. New York: Cambridge University Press, 1993. 600 p.

28. Titus D. A. Palace and Politics in Prewar Japan. New York; London: Columbia University Press, 1974. 374 p.

Статья поступила в редакцию: 01.07.2023;

одобрена после рецензирования: 24.07.2023;

принята к публикации: 29.07.2023.

The article was submitted: 01.07.2023;

approved after reviewing: 24.07.2023;

accepted for publication: 29.07.2023.

УДК 347.962

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.52.4.03

В. А. Журавлев

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербург, Российская Федерация, rurik862@mail.ru

Ю. А. Потапов

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербург, Российская Федерация, uropapov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4115-5557>

МИРОВАЯ ЮСТИЦИЯ В РОССИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XXI ВЕКА)

Аннотация. В статье рассматриваются историко-правовые аспекты учреждения, становления и развития мировой юстиции в России. Ее длительный путь развития на различных этапах истории российского государства и права был сложным и неоднозначным. Анализируя его, авторы обращаются к современным проблемам деятельности данной судебной инстанции в Российской Федерации. На примере научных публикаций, статистических данных, отчетных документов, мнений юристов-практиков делаются выводы об эффективности возрожденного в нашей стране с конца 90-х годов XX века этого судебного органа, формулируются проблемы его функционирования, подводятся некоторые итоги работы.

Ключевые слова: судебная реформа; судебный устав; мировая юстиция; судьи общей юрисдикции субъектов Российской Федерации; судебный участок; повышение квалификации; служебная нагрузка; материально-техническое обеспечение.

UDC 347.962

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.52.4.03

V. A. Zhuravlev

Northwestern Branch of the Russian State University of Justice,
St. Petersburg, Russian Federation,
rurik862@mail.ru

Yu. A. Potapov

Northwestern Branch of Russian State University of Justice,
St. Petersburg, Russian Federation,
upotapov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4115-5557>

WORLD JUSTICE IN RUSSIA: HISTORICAL AND LEGAL PROBLEMS OF FORMATION AND DEVELOPMENT (THE SECOND HALF OF THE XIX – BEGINNING OF THE XXI CENTURY)

Abstract. The article examines the historical and legal aspects of the establishment, formation and development of world justice in Russia. Its long path of development at various stages of the history of the Russian state and law was complex and ambiguous. Analyzing it, the authors turn to the modern problems of the activity of this court in the Russian Federation. Using the example of scientific publications, statistical data, accounting documents, opinions of legal practitioners, conclusions are drawn about the effectiveness of this judicial body revived in our country since the late 90s of the twentieth century, problems of its functioning are formulated, some results of work are summarized.

Keywords: judicial reform; judicial statute; justice of the peace; judges of general jurisdiction of the subjects of the Russian Federation; judicial precinct; professional development; workload; logistics.

Введение

Идея справедливого суда возникает в сознании человека с древних времен: судить по правде — одно из основных желаний людей, живущих сообществом. Основой справедливости суда первоначально выступает вера в Бога, затем — власть, авторитет и мудрость правителя, сход, воля народных собраний, представителей свободных граждан, «сидящих на праве», выбранных из народа. В отечественной истории с формированием судебных органов на основе выборности, соборности, народного представительства (земства) мы встречаемся в период раннего Средневековья. Законодательно право народных представителей принимать участие в судебном процессе оформляется в XV–XVI веках, тогда же и начинает применяться внесудебное рассмотрение уголовных дел с участием «лучших», «добрых людей».

С развитием государства, структур власти суд превращается в жесткий инструмент управления и устрашения. С утверждением монархии, формированием абсолютной власти судебная система в России приобретает особые черты, присущие морали и мировоззренческим принципам той эпохи.

С утверждением буржуазных отношений, после долгих лет зарождения и утверждения в нашем обществе либеральных идей (вторая половина XVIII века – XIX век) возникают субъективные и объективные предпосылки проведения судебной реформы, в том числе учреждения мировых судов. Отечественный опыт мировой юстиции был недолгим и противоречивым, а отношение к суду, принципам законности, гласности, независимости судей от администрации менялось в зависимости от воли самодержца и политической конъюнктуры. И лишь с выходом общественных отношений на новые гуманистические основы меняется роль суда, принципы, цели и методы его деятельности, трансформируется право и сам судебный процесс [18, с. 53].

Анализируя историю мировой юстиции в России на основе многочисленных научных публикаций [3; 6; 8–10; 12; 17], можно выделить несколько этапов ее становления и развития в XIX–XXI веках.

Методы

При проведении исследования и написании статьи авторы применяли такие сложившиеся в отечественной научной практике методы, как диалектический, системный, статистический, исторический, сравнительный, социологический и др.

Основная часть

Прототипом мирового судьи правомерно назвать лишь губного старосту XVI и XVII столетий. При этом надо принимать во внимание, что вплоть до Судебной реформы 1864 года разделения на судебную и исполнительную власть не существовало, несмотря на неоднократные попытки реформирования. В русской жизни господствовал принцип: «кто управляет, тот и судит».

К начальному этапу целесообразно отнести первую половину XIX века, когда на основе российских судебно-правовых традиций формируется сама концепция проблемы.

Второй этап, самый сложный и важный, охватывает время от введения в законную силу Судебных уставов 1864 года до судебно-административной реформы 1889 года, завершившей контрреформы Александра III в судебной сфере. При учреждении института мировых судей реформаторы стремились сделать данный вид судопроизводства наиболее доступным для сторон.

Отечественные ученые-правоведы видели главную заслугу Великой судебной реформы в том, что она провозгласила принцип отделения судебной власти

от административной. Передовая российская интеллигенция приветствовала буржуазно-демократические принципы разделения властей, в том числе отделения судебной власти на всех ее уровнях от административной [4, с. 9]. Изучение опыта мировой юстиции, как нам представляется, позволит наиболее эффективно использовать потенциал доказавшего свою дееспособность рассматриваемого вида правосудия в настоящем и будущем.

Мировую юстицию мы можем охарактеризовать как выборную по порядку формирования, по уровню образовательного ценза квалификации — как непрофессиональную, по компетенции и форме жалования — как смешанную, так как мировой судья выполнял не только сугубо судебные функции, а почетные судьи, привлекаемые к участию в процессах, и вовсе работали на общественных началах.

По свидетельствам многих современников, мировой суд с первых дней учреждения зарекомендовал себя с самой лучшей стороны. Однако законом от 12 июня 1889 года¹ он был отменен практически везде, за исключением столиц, нескольких крупных городов и области Войска Донского. Взамен был введен институт земских начальников, в котором снова были соединены судебная и административная власть. С точки зрения теории государства и права закон 1889 года был шагом назад, и вся просвещенная русская интеллигенция восприняла его как настоящую трагедию.

Третий этап естественным образом совпадает с периодом контрреформ Александра III, введением института земских участковых начальников, которым вменялось, согласно ст. 47 положения «О земских участковых начальниках», выполнять обязанности упраздненного вида правосудия. Данный процесс завершился в 1912–1914 годах, когда был издан закон от 15 июня 1912 года «О преобразовании местного суда»², который вновь ввел институт мировых судей [2].

Следующим этапом можно назвать период до свержения самодержавия в феврале – марте 1917 года, законодательно-правовая жизнь которого не была насыщена серьезными преобразованиями мировой юстиции в силу военно-политических обстоятельств.

Непродолжительный, но совершенно самостоятельный этап — с марта по ноябрь 1917 года. В вопросах правовой политики это время характеризуется прежде всего отсутствием согласованной всеми заинтересованными сторонами — Временным правительством, аппаратом юстиции, обществом — концепции по вопросам становления новой системы судов и их организационно-правовой основы.

Изучая процессы реформирования в революционной России правовой системы в целом и судоустройства в частности, следует отметить, что, оказавшись в очень сложных политических условиях, буржуазное правительство явилось всего лишь символом власти, в лучшем случае — ее зародышем.

¹ Положение о земских участковых начальниках, выс. утв. 12 июня 1889 года. СПб.: М-во внутр. дел, 1889.

² Закон 15 июня 1912 г. о преобразовании местного суда. СПб.: Сенат. тип., 1912.

Шли годы, менялись идеологии, конституции, основы права, судопроизводства, юстиции, и все же в государстве, которое развивается на основе демократических институтов, где права человека, его свободы становятся приоритетными во внутренней политике, необходимость формирования юстиции, основанной на принципах законности, гуманизма, гласности и доступности судопроизводства, становятся важным условием функционирования гармоничного общества. Впервые после десятилетий забвения востребованность мировой юстиции в Российской Федерации стала очевидной уже в начале 1990-х годов.

Однако в отношении формирования специализированных судов мнения специалистов расходились. Так, 25 марта 1993 года на III (внеочередном) Всероссийском съезде судей было указано, что в их формировании кроется опасность размывания судебной системы России, которая может утратить целостность и стройность.

Тем не менее мнение о необходимости воссоздания мировой юстиции одержало верх. В стране развернулась широкая многоуровневая и многоплановая работа по ее практической реализации. В самом начале этого пути стали проявляться серьезные проблемы становления мировой юстиции. Они носили самый различный характер и оттенки. Не было ясности даже в терминологии, в дискуссиях пересекались интересы и компетенции Федерации и ее регионов. Подготовка квалифицированных кадров, вопросы размещения, финансирования, чрезмерной нагрузки, социальной защищенности мировых судей и многие другие стали серьезным препятствием в проводимой реформе.

Руководство страны, судебные и законодательные органы, печать, общественность, ученые самым активным образом включились в процесс по их преодолению. Решения Президента Российской Федерации, регулярные заседания Верховного суда Российской Федерации, постановления Всероссийского съезда судей о деятельности судейского сообщества, многочисленные конференции и семинары, выступления правоведов и практиков судебной системы в средствах массовой информации способствовали поступательному решению самых насущных вопросов.

Печатный орган Правительства Российской Федерации «Российская газета», юридические журналы «Мировой судья», «Российская юстиция», «Российское правосудие» и другие с завидным постоянством обсуждали состояние и перспективы развития мировой юстиции [14, с. 39–40; 16, с. 41–42]. В то же время на прилавках магазинов появляются книги, учебно-методические и научно-практические пособия по деятельности мировых судей.

Исследовав первые проекты российских законов о мировой юстиции и научные комментарии к ним, изучив доктринальные подходы по данной проблеме, приведем краткий терминологический экскурс, основанный на нормах законодательства и специальной литературе.

Мировой судья — это выборное (назначаемое) должностное лицо, принадлежащее к судебному корпусу Российской Федерации, являющееся, как сказано

в законодательстве, судьей общей юрисдикции субъекта Российской Федерации и исполняющее свои обязанности на профессиональной основе, наделенное полномочиями осуществлять правосудие в рамках установленной компетенции и обладающее специальным статусом.

Мировой суд — это самостоятельное звено судебной системы России, имеющее свой юридический статус, состоящее из судьи и аппарата как необходимой структуры его функционирования и осуществляющее свою компетенцию на определенной территории.

Мировая юстиция — это целостный институт единой судебной системы, включающий мирового судью, административно-исполнительный аппарат, а также весь комплекс законов, в рамках которых действует мировой судья.

Вновь учрежденный институт правосудия после проведения необходимых формальностей приступил к работе в 2000 году. В течение двух лет региональные законы о мировых судьях были приняты в 88 субъектах Российской Федерации, из них в 28 субъектах штат мировых судей удалось укомплектовать полностью. В каждом субъекте России был создан резерв на замещение вакансий должностей мировых судей. В указанный период сдали квалификационные экзамены около семи тысяч кандидатов.

На протяжении длительного времени в сфере деятельности мировых судов остается сложной проблема эффективности данной ветви судебной власти. Высокая служебная нагрузка — одна из основных проблем в их деятельности.

Федеральная и региональная власть проводит постоянную работу, направленную на упорядочение нагрузки мировых судей. Так, например, по инициативе Управления по обеспечению деятельности мировых судей Санкт-Петербурга в 2008 году в аппаратах 55 мировых судей к имеющимся ставкам была дополнительно введена должность помощника мирового судьи. Общее количество помощников мировых судей в указанный период составило 107 единиц. Это позволило облегчить работу мировых судей, нагрузка которых превышала среднюю по городу.

Несмотря на такую загруженность, качество работы мировых судей оценивалось как достаточно высокое. Согласно статистике, количество гражданских дел, рассмотренных мировыми судьями в 2002 году с нарушением сроков, составило 5,4 % дел, что более чем в три раза меньше негативных показателей работы районных судов. При рассмотрении уголовных дел сроки были нарушены в 8,5 % дел, что меньше показателя районных судов на 30 %. Достаточно высокая оценка работе мировых судов спустя десять лет после учреждения была дана в мае 2003 года на интернет-конференции «Реформирование процессуального законодательства в Российской Федерации», прошедшей в МГУ. Было отмечено, что всего порядка 2,5 % решений мировых судей отменяются, а жалоб на их решения зарегистрировано около 10 % от всех рассмотренных дел, что свидетельствует о достаточно высоком качестве их работы.

Однако имеющиеся проблемы при их решении могли бы изменить ситуацию в лучшую сторону. В частности, как считают представители судейского

сообщества, актуальным остается ряд вопросов, требующих совместной работы органов судебной и региональной властей. Рассмотрим эти вопросы.

Во-первых, увеличение количества мировых судей. За последнее время их количество существенно увеличилось (например, с 2004 по 2009 год — в 1,3 раза), однако значительно сократить нагрузку это не помогло в силу объективных причин: почти в два раза увеличился объем выполняемых мировыми судьями задач [7, с. 97–98]. Решение данного вопроса осложняется и чисто организационными, хозяйственно-бытовыми, финансовыми и кадровыми проблемами.

Во-вторых, изменение порядка образования судебных участков мировых судей, особенно в перспективе развития городских агломераций и сокращения численности населения в сельской местности [7, с. 98].

Если обратиться к анализу ситуации, связанной с необходимостью создания новых судебных участков мировых судей, то здесь наблюдается тенденция их увеличения в ряде субъектов Российской Федерации. Главным образом это связано с ростом численности населения в конкретном регионе или, наоборот, вызвано сложностями транспортной локации в удаленных районах. Так, например, федеральным законом в 2007 году с 34 до 40 увеличено количество судебных участков мировых судей в Республике Марий Эл. Осенью 2009 года в соответствии с федеральным законодательством увеличено число мировых судей и судебных участков в Вологодской области с 66 до 68. В других субъектах федерации в указанный период наблюдается аналогичная картина.

В-третьих, вопрос высокой нагрузки на мировых судей и их аппараты. Данную проблему предлагалось решить путем упрощения производства по делам, подсудным мировым судьям. Введение упрощенного производства по уголовным делам, по мнению представителей судейского сообщества, позволило значительно сократить время на их рассмотрение и расходы. На наш взгляд, приоритетным при осуществлении подобных мер должно быть соблюдение принципов уголовного процесса, прав и свобод личности [7, с. 99].

В этих целях предлагалось изменить законодательство в части назначения мировых судей без привязки к конкретному судебному участку. Председателям судов республиканского, краевого и областного звена следует предоставить более гибкий механизм распределения общего количества мировых судей по территории соответствующего субъекта Российской Федерации, как следует из выступлений руководителей российских судебных органов и публикаций специализированных юридических изданий.

Представители судейского сообщества справедливо считают, что данную проблему можно решить введением норм нагрузки судей арбитражных судов, судов общей юрисдикции, мировых судей, работников аппарата судов и государственных служащих Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации и его органов в субъектах Российской Федерации. В частности, об этом шла речь в Постановлении Президиума Совета судей Российской Федерации от 28 октября 2010 года № 245 «О необходимости законодательного урегулирования норм нагрузки судей судов общей юрисдикции,

арбитражных судов и работников аппаратов судов»³. Однако на данный момент времени эти пожелания остаются неосуществленными.

В настоящее время во всех сферах государственной, общественно-политической, экономической, образовательной и иной деятельности кадровый вопрос является одним из ключевых. Мировая юстиция не исключение.

Процесс отбора кадров на судебские должности очень сложен и многогранен. Здесь важно не только соблюдение формальных признаков, требований, предъявляемых к ним, но необходимо и учитывать ряд многочисленных качеств претендента, формируемых в процессе социальной адаптации: умение распределять свое рабочее время, самодисциплина, внимание к людям, твердость воли, характера, желание постоянно учиться, умение разбираться в людях, с которыми работаешь и которые тебя окружают. Действительно, развитые перечисленные качества позволяют судье справиться с нагрузкой, довести начатое дело до логического завершения на каждой стадии его рассмотрения, следить за изменениями текущего законодательства, повышать квалификацию, противодействовать коррупции. Только ответственный, дисциплинированный судья сможет соблюдать деонтологические нормы о том, что выполнение обязанностей по осуществлению правосудия должно иметь для судьи приоритетное значение над иными занятиями. Судья — фигура публичная. Поэтому следует избегать конфликтных ситуаций, в том числе личного характера, поскольку такое поведение может способствовать умалению авторитета представителя судебной власти.

Важным звеном в подготовке судебных кадров считается профессиональная учеба. В соответствии со ст. 20.1 Закона Российской Федерации от 26 февраля 1992 года № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»⁴ в целях поддержания необходимого уровня квалификации судья имеет право на повышение квалификации один раз в три года в учреждениях высшего профессионального и послевузовского профессионального образования. Формированию и укреплению органов судебной власти квалифицированными кадрами, как неоднократно отмечалось в решениях Совета судей, способствует Российский государственный университет правосудия, осуществляющий обучение по нескольким программам профессиональной переподготовки и повышения квалификации [13, с. 40–47].

В ряде регионов Российской Федерации вопрос переподготовки мировых судей решен успешно и в кратчайшие сроки. Так, например, как отмечали

³ О необходимости законодательного урегулирования норм нагрузки судей судов общей юрисдикции, арбитражных судов и работников аппаратов судов: постановление Президиума Совета судей Российской Федерации от 28 окт. 2010 года № 245. (Текст постановления официально опубликован не был). URL: <https://base.garant.ru/1799048/> (дата обращения: 29.03.2023).

⁴ См.: Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного совета Российской Федерации. 1992. № 30. Ст. 1792 (с изменениями и дополнениями, в редакции от 18.03.2023).

юристы-практики, работа по обучению мировых судей и сотрудников аппарата на курсах повышения квалификации на базе ведущих юридических вузов страны дала свои результаты. В образовательных учреждениях России, в том числе в Российском государственном университете правосудия и его филиалах, в обязательном порядке прошли обучение мировые судьи, помощники мировых судей и сотрудники аппарата. Следует отметить увеличение количества мест, предусмотренных федеральным бюджетом, для обучения различных категорий слушателей из числа представителей судебной системы на факультетах повышения квалификации указанного вуза.

Так, например, в 2007–2008 годах, когда обучение специалистов мировой юстиции активно началось во многих субъектах, в Санкт-Петербурге было организовано несколько семинаров для мировых судей по наиболее актуальным проблемам применения законодательства с участием судей высших судебных инстанций Российской Федерации и Санкт-Петербургского городского суда, ведущих специалистов Комитета по вопросам законности, правопорядка и безопасности Санкт-Петербурга.

Немаловажным фактором успешной работы мировых судей, сотрудников аппаратов является уровень их организационного обеспечения, финансирования и безопасности деятельности.

Для обеспечения бесперебойной и эффективной работы такого большого количества судей и сотрудников аппаратов необходимо решение комплекса организационно-хозяйственных, социальных и финансовых вопросов. На начальной стадии становления Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации направил на данные нужды большие средства. Так, в соответствии с федеральной целевой программой «Развитие судебной системы России» на 2002–2006 годы, утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 20 ноября 2001 года № 805⁵, бюджетное финансирование судов общей юрисдикции в 2002 году, по сравнению с 2001 годом, было увеличено на 79 % и составило 17,4 миллиардов рублей. В 1,6 раза повышена заработная плата судьям, в 1,5 раза — сотрудникам аппарата.

Подобная тенденция устойчива: ежегодно на нужды мировой юстиции выделяется не только возможное количество бюджетных средств, но и выше. Однако трудности организационного и материального характера, особенно в период становления, все же существовали, что объяснялось ограниченными возможностями не только федерального центра, но и субъектов Федерации. Например, особенно в начальный период у местных властей не было возможности быстро и качественно обеспечить мировые суды надлежащими помещениями.

Однако в ряде федеральных округов, мегаполисах данная проблема решалась более успешно. Так, в соответствии с постановлением правительства Москвы от 25 декабря 2007 года № 1134-ПП⁶, в Москве дополнительно введено

⁵ См.: Собрание законодательства Российской Федерации (далее — СЗ РФ). 2001. № 49. Ст. 4623.

⁶ См.: Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2008. № 4.

45 судебных участков мировых судей, которые были обеспечены необходимыми площадями и средствами. Бюджетное финансирование, выделяемое правительством Санкт-Петербурга на реализацию Закона Санкт-Петербурга от 24 октября 2000 года № 552-64 «О мировых судьях Санкт-Петербурга»⁷, составило в 2008 году 445 млн 333 тыс. рублей. Все судебные участки были обеспечены телефонной сетью. В настоящее время, согласно отчетным данным, оснащенность мировых судей соответствует утвержденным нормам.

Также в Санкт-Петербурге проведен комплекс мероприятий по обеспечению безопасности мировых судей. В ночное время и в выходные дни здания (помещения) судебных участков обеспечены физической охраной, оборудованы различными системами сигнализации. По состоянию на 1 января 2009 года, 44 помещения судебных участков были оборудованы системами видеонаблюдения, 20 помещений оснащены стационарными металлодетекторами и т. д.

В ряде работ, изданных в субъектах Российской Федерации в период с 2014 по 2020 год, в частности, отмечается, с какими организационными, финансовыми, техническими и иными трудностями столкнулись региональные власти, управления Судебного департамента, судейское сообщество при формировании мировой юстиции на местах. В указанных публикациях приводятся примеры того, как совместными усилиями заинтересованные стороны решали возникавшие на этапе становления мировой юстиции в субъектах Российской Федерации проблемы [1; 15].

Судебная реформа в России, затрагивающая все аспекты жизни и деятельности отечественной юстиции, продолжается, несмотря на сложности самого различного рода. Поступательность ее проведения и явные достижения вселяют твердую уверенность в том, что они будут успешно преодолены и в стране сформируется судебная система, отвечающая запросам и интересам граждан. Из всех видов правосудия ближе всех к гражданам, а значит, и самыми востребованными, являются эти низовые органы юстиции — мировые судьи. Сегодня в условиях сложных социально-политических процессов в обществе к их деятельности предьявляется особое, повышенное внимание [5].

В утвержденном на X Всероссийском съезде судей постановлении отмечалось, что за отчетный период был принят ряд федеральных законов, направленных на совершенствование статуса мировых судей и регулирование организационно-правового, кадрового, материально-технического, финансового обеспечения их деятельности. Свидетельство тому — принятие в последние годы ряда законодательных актов, например Федерального закона от 18 апреля 2018 года № 76-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового регулирования в сфере организационного обеспечения деятельности мировых судей»⁸, Федерального закона от 5 апреля 2021 года № 63-ФЗ «О внесении изменений

⁷ См.: Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. 2000. № 12. С. 20.

⁸ См.: СЗ РФ. 2018. № 17. Ст. 2425.

в статью 11 Закона Российской Федерации “О статусе судей в Российской Федерации” и Федеральный закон “О мировых судьях в Российской Федерации” в части уточнения полномочий мирового судьи⁹ и др.

В материалах съезда также подчеркивалась необходимость продолжения системного совершенствования института мировой юстиции. В частности, Верховным судом Российской Федерации в порядке законодательной инициативы внесены проекты законов, направленные в числе прочего и на вопросы функционального совершенствования деятельности мировой юстиции. Например, предлагается упорядочить и вывести на новый организационный уровень взаимодействие органов государственной власти субъектов Российской Федерации с советами судей соответствующего уровня по установлению структуры и штатного расписания аппарата мирового судьи. Кроме того, проводится работа по расширению полномочий Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации в части обоснования и создания условий для включения мировых судей в единое информационное пространство судебной системы Российской Федерации¹⁰.

Заключение

Можно с полной уверенностью утверждать о соответствии сущности мировой (в полном смысле слова народной) юстиции социокультурному и мировоззренческому менталитету российского гражданина вне зависимости от государственно-политических и идеологических перемен, реформ и контрреформ. Она всегда находилась в поле зрения властей и законодателей, и настоящий период не является исключением. Несмотря на имеющийся накопленный опыт деятельности мировых судей и их аппаратов, постоянное внимание к их работе со стороны федеральных и местных властей, высших судебных инстанций, современная мировая юстиция нуждается в дальнейшем совершенствовании. На наш взгляд, ждут своего решения следующие вопросы:

- повышение уровня квалификации как мировых судей, так и их помощников, работников аппарата;
- проведение детального анализа нагрузки на аппарат мировых судей, направленного на упорядочение их деятельности, выработку нормативов;
- совершенствование материально-технического обеспечения и др.

Изменение подсудности и введение в практику приказного производства привело к значительному повышению загруженности мировых судей. Ее объем во многом зависит от территориального расположения судов, социального состава населения, наличия государственных и производственных учреждений. Поэтому

⁹ См.: СЗ РФ. 2021. № 15 (часть I). Ст. 2430.

¹⁰ О развитии судебной системы Российской Федерации: постановление X Всероссийского съезда судей от 01 дек. 2022 года № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405810965/> (дата обращения: 29.03.2023).

необходимо проводить мониторинг нагрузки для возможного перераспределения кадров (судей и их помощников) или изменения границ мировых участков. Возможны и другие меры, принятие которых зависит от судейского сообщества, региональных и федеральных властей.

Список источников

1. 20 лет мировой юстиции Республики Коми, 2000–2020 / под ред. Е. В. Береговой и др. Сыктывкар: [б. и.], 2020. 152 с.
2. Гарифуллина А. Р. Становление и развитие института мировых судей в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2015. 22 с.
3. Джиджавадзе Л. Г. Институт мировых судей в России: история и современность: монография. Ярославль: Филигрань, 2022. 187 с.
4. Дорская А. А., Дорский А. Ю. Проблема эффективности правового регулирования в период проведения Судебной реформы 1864 года (на примере деятельности министерства юстиции) // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2021. № 1. С. 8–19.
5. Дорская А. А. Эффективность правового регулирования как теоретико-правовая и историко-правовая категория: монография. СПб.: Астерион, 2020. 175 с.
6. Ефремова Н. Н. Становление и развитие судебного права в России XVIII – начала XX в. М.: Российский ун-т дружбы народов, 2007. 265 с.
7. Золотых В. В. Проблемы эффективности судебной власти в сфере деятельности мировых судей // Российское правосудие. 2009. № 2. С. 97–104.
8. Комаров Н. И., Пашенцев Д. А., Пашенцева С. В. Очерки истории права Российской империи: вторая половина XIX – начало XX века. М.: Статут, 2006. 379 с.
9. Лебедев В. М. Становление и развитие судебной власти в Российской Федерации. М.: РАП, 2000. 368 с.
10. Лонская С. В. Институт мировой юстиции в России: историко-теоретическое правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2016. 54 с.
11. Максимов В. В. Правовое положение мирового суда как звена судебной системы России // Российское правосудие. 2007. № 3. С. 95–101.
12. Немыгина М. В. Суд в России = CourtinRussia: вторая половина XIX – начало XX в. Саратов: СЮИ МВД РФ, 1999. 251 с.
13. Петухов Н. А., Мамыкин А. С. Современные правовые и организационные проблемы деятельности мировых судей и судов в Российской Федерации // Российское правосудие. 2008. № 11. С. 40–47.
14. Сомов С. Развитие института мировых судей и баланс интересов Федерации и регионов // Российская юстиция. 2002. № 1. С. 39–40.
15. Судебная система в России и Забайкалье: краткий исторический экскурс. Некоторые аспекты развития мировой юстиции: материалы региональной научно-практической конференции / под ред. Ю. Н. Туганова. Чита: [б. и.], 2014. 128 с.
16. Ткачев В. Компетенцию мировых судей следует расширить // Российская юстиция. 2001. № 4. С. 41–42.
17. Шахрай С. М., Краковский К. П. Суд скорый, правый, милостивый и равный для всех: к 150-летию Судебной реформы в России. М.: Кучково поле, 2014. 534 с.
18. Яровая М. В. Типология судебных систем современных европейских государств // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2008. № 1. С. 49–54.

References

1. 20 let mirovoj yusticii Respubliki Komi, 2000–2020 / pod red. Beregovaya E.V. i dr. Sy'kty'vkar: [b. i.], 2020. 152 s.
2. Garifullina A. R. Stanovlenie i razvitie instituta mirovy'x sudej v Rossijskoj Federacii: konstitucionno-pravovoe issledovanie: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Kazan', 2015. 22 s.
3. Dzhidzhavadze L. G. Institut mirovy'x sudej v Rossii: istoriya i sovremennost': monografiya. Yaroslavl': Filigran', 2022. 187 s.
4. Dorskaya A. A., Dorskij A. Yu. Problema e'ffektivnosti pravovogo regulirovaniya v period provedeniya Cudebnoj reformy` 1864 goda (na primere deyatel'nosti ministerstva yusticii) // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2021. № 1. S. 8–19.
5. Dorskaya A. A. E'ffektivnost' pravovogo regulirovaniya kak teoretiko-pravovaya i istoriko-pravovaya kategoriya: monografiya. SPb.: Asterion, 2020. 175 s.
6. Efremova N. N. Stanovlenie i razvitie sudebnogo prava v Rossii XVIII – nachala XX v. M.: Rossijskij un-t druzhby` narodov, 2007. 265 s.
7. Zoloty'x V. V. Problemy` e'ffektivnosti sudebnoj vlasti v sfere deyatel'nosti mirovy'x sudej // Rossijskoe pravosudie. 2009. № 2. S. 97–104.
8. Komarov N. I., Pashencev D. ., Pashenceva S. V. Oчерки истории права Rossijskoj imperii: vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka. M.: Statut, 2006. 379 s.
9. Lebedev V. M. Stanovlenie i razvitie sudebnoj vlasti v Rossijskoj Federacii. M.: RAP, 2000. 368 s.
10. Lonskaya S. V. Institut mirovoj yusticii v Rossii: istoriko-teoreticheskoe pravovoe issledovanie: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. SPb., 2016. 54 s.
11. Maksimov V. V. Pravovoe polozhenie mirovogo suda kak zvena sudebnoj sistemy` Rossii // Rossijskoe pravosudie. 2007. № 3. S. 95–101.
12. Nemy`tina M. V. Sud v Rossii = CourtinRussia: vtoraya polovina XIX – nachalo XX v. Saratov: SYUI MVD RF, 1999. 251 s.
13. Petuxov N. A., Mamy`kin A. S. Sovremenny'e pravovy'e i organizacionny'e problemy` deyatel'nosti mirovy'x sudej i sudov v Rossijskoj Federacii // Rossijskoe pravosudie. 2008. № 11. S. 40–47.
14. Somov S. Razvitie instituta mirovy'x sudej i balans interesov Federacii i regionov // Rossijskaya yusticiya. 2002. № 1. S. 39–40.
15. Sudebnaya sistema v Rossii i Zabajkal'e: kratkij istoricheskij e`kskurs. Nekotory'e aspekty` razvitiya mirovoj yusticii: materialy` regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii / pod red. Yu. N. Tuganova. Chita: [b. i.], 2014. 128 s.
16. Tkachev V. Kompetenciyu mirovy'x sudej sleduet rasshirit' // Rossijskaya yusticiya. 2001. № 4. S. 41–42.
17. Shaxraj S. M., Krakovskij K. P. Sud skory`j, pravu`j, milostivu`j i ravny`j dlya vsekh: k 150-letiyu Sudebnoj reformy` v Rossii. M.: Kuchkovo pole, 2014. 534 s.
18. Yarovaya M. V. Tipologiya sudebny'x sistem sovremenny'x evropejskix gosudarstv // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2008. № 1. S. 49–54.

Статья поступила в редакцию: 01.07.2023;
одобрена после рецензирования: 24.07.2023;
принята к публикации: 29.07.2023.

The article was submitted: 01.07.2023;
approved after reviewing: 24.07.2023;
accepted for publication: 29.07.2023.

УДК 34

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.52.4.04

А. В. Львов

Московский городской педагогический университет,

Москва, Российская Федерация,

lvovav@mgrpu.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ЧИНОВНИЧЬЕГО АППАРАТА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (ГРАЖДАНСКАЯ СЛУЖБА)

Аннотация. Статья посвящена изучению формирования корпуса государственных служащих гражданской службы Российской империи, а также проблем, связанных с этим процессом. В начале XIX века происходит завершение формирования системы гражданского чиновпроизводства. Сохраняется проблема низкого образовательного уровня чиновничества, решению которой был посвящен указ от 6 августа 1809 года. Новой вехой в формировании гражданской государственной службы стал Устав о службе по определению от правительства 1832 года, который ввел три основных критерия для кандидата, желающего поступить на гражданскую службу, — сословная принадлежность, образование и возраст. Следующие изменения в чиновпроизводстве были произведены положением 25 июля 1834 года, которое сделало порядок чиновпроизводства более четким. Все гражданские чиновники, в зависимости от образования, были разделены на разряды, определявшие сроки выслуги чинов. Новые изменения в чиновпроизводстве последовали после закона от 9 декабря 1856 года, упразднившего даруемые образованием преимущества при производстве в чин. Порядок гражданского чиновпроизводства в Российской империи, введенный законом от 9 декабря 1856 года, оставался неизменным до конца XIX века.

Ключевые слова: государственная служба; чиновпроизводство; служащие; дворянство; жалование чинов; образование.

UDC 34

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.52.4.04

A. V. Lvov

Moscow City University,
Moscow, Russian Federation,
lvovav@mgpu.ru

FORMATION OF THE OFFICIAL APPARATUS OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE XIX – EARLY XX CENTURY (CIVIL SERVICE)

Abstract. The article is devoted to the study of the formation of the corps of civil servants of the civil service of the Russian Empire, as well as the problems associated with this process. At the beginning of the XIX century, the formation of the civil chinoproduction system was completed. The problem of the low educational level of officialdom persists, to which the decree of August 6, 1809 was devoted. A new milestone in the formation of the civil service was the Charter on Service by definition from the Government of 1832, which introduced three main criteria for a candidate wishing to enter the civil service — class affiliation, education and age. The following changes in chinoproduction were made by the Regulation of July 25, 1834, which made the order of chinoproduction clearer. All civil servants, depending on their education, were divided into categories that determined the length of service of their ranks. New changes in rank production followed the law of December 9, 1856, which abolished the advantages granted by education in the production of rank. The order of civil chinoproduction in the Russian Empire, introduced by the law of December 9, 1856, remained unchanged until the end of the XIX century.

Keywords: civil service; rank production; employees; nobility; salary of ranks; education.

Введение

Первая половина XIX века стала новым этапом в истории государственной службы в Российской империи. После грандиозных преобразований Петра I правительство почти каждого следующего монарха вносило свои изменения в государственную службу. Все эти изменения, как правило, были направлены на решение насущных проблем, имевшихся в администрации и управлении и, подобно реформам Петра I, опирались на заимствование западноевропейских образцов [6, с. 28]. К началу XIX века подобная практика стала нормой. Начиная с царствования Екатерины II отдельные изменения и улучшения сменились масштабными преобразованиями. Однако практика заимствования зарубежных образцов несла с собой проблему их приспособления к российским условиям. По этой причине задача создания эффективно действующего государственного аппарата оказалась в целом так до конца и не решенной. Как и губернская реформа 1775 года, создание министерств в 1802 году потребовало много времени на их адаптацию и внесение неоднократных корректировок не только в сфере управления,

но и государственной службы. По этой причине изменений в сфере формирования государственной службы и чиновничества было особенно много в течение первой половины XIX столетия. Первый этап пришелся на начало царствования Александра I, министерскую реформу и введение обязательного образовательного ценза при чиновничестве. Второй этап охватывает конец первого десятилетия царствования Николая I, итогом которого стало принятие Устава о службе по определению от правительства 1832 года и Положения о порядке производства в чины по гражданской службе 1834 года. Третий этап знаменуется вступлением на престол Александра II и принятием в 1856 году закона «О сроках производства в чины по службе гражданской» [1, с. 69–70].

При работе над статьей использовался конкретно-исторический метод. Связь явлений и тенденций, обнаружившихся при дальнейшем развитии гражданской государственной службы, исследованы при помощи структурно-системного метода. Цели законодательного регулирования, а также историческая обстановка, в которой принимались и действовали законодательные акты, изучены с помощью метода юридической герменевтики.

Основное исследование

1 августа 1801 года Александр I издал указ, содержащий требование об обязательном соответствии представлений о производстве в чин указам от 16 декабря 1790 года «О правилах производства в статские чины» и от 9 декабря 1799 года «О сроках к производству дворян в чины», отменяя действие всех положений, которыми эти указы были в последующем дополнены¹.

По указу от 16 декабря 1790 года «О правилах производства в статские чины» чин 14-го класса давался лишь в случае назначения чиновника на должность 14-го класса. Те, кто уже находились в чине 14-го класса, могли продвигаться по чиновной лестнице путем выслуги или заслуги. Получить чин при выходе в отставку могли только дворяне, при условии, что они прослужили в предыдущем чине не менее года. Кроме того, указывалось, что состоящие при дворе имели право на производство в статские чины только при условии оставления придворной службы. Это правило было ужесточено позднее указом от 3 апреля 1809 года, по которому камергеры и камер-юнкеры, не состоявшие ни на какой иной службе, кроме придворной, в течение двух месяцев должны были либо уйти в отставку, либо совмещать придворную службу с военной или гражданской. На будущее время пожалованье этих придворных чинов признавалось особым знаком внимания монарха, не являвшимся основанием для получения соответствующего военного или статского чина. Таким образом, делалась попытка привлечь на государственную службу молодых дворян, состоявших при императорском дворе.

¹ О правилах производства в чины и определения чиновников к должностям: именной указ Александра I от 01 августа 1801 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (далее — ПСЗРИ-1). Т. XXVI, № 19.961.

В отношении указа от 9 декабря 1799 года «О сроках к производству дворян в чины» указ от 1 августа 1801 года приказывал Сенату вносить на личное рассмотрение монарха все дела о повышении в чине за особые заслуги. Указ признавал службу дворян в выборных сословных учреждениях государственной службой. Однако повышение было возможно только если лицо имело чин ниже класса занимаемой должности, при условии двух- или трехлетней непрерывной службы и наличия служебных заслуг. Так, с изданием указа от 1 августа 1801 года практически было завершено складывание системы гражданского чиновпроизводства. Однако вследствие начавшейся в 1802 году реформы органов управления указ от 1 августа 1801 года так и не был полностью реализован. Создание министерств открыло множество новых вакансий и вызвало многочисленные перемещения чиновников. Очень многие служащие стремились занять места в министерствах, оставляя прежние места службы. Вследствие этого процесса была нарушена нормальная деятельность иных госучреждений.

Также оказалось невозможным соблюсти главное правило, по которому класс занимаемой должности должен был соответствовать классу чина, поскольку существовал большой дефицит претендентов на канцелярские должности. Указом от 19 июня 1804 года на должности секретарей, протоколистов и др. дозволялось принимать опытных и способных служащих, даже если они и не имели соответствующего должности чина².

Еще одной проблемой стало повышение образовательного уровня чиновников, решению которой были посвящены указы от 24 января 1803 года и 6 августа 1809 года. Указ от 24 января 1803 года учреждал систему учебных заведений, состоявшую из приходских и уездных училищ, губернских гимназий и университетов, а также предписывал, чтобы по прошествии пяти лет на должность гражданской службы, требующую специальных (особенно юридических) знаний, не мог быть назначен ни один чиновник, не имеющий требуемого уровня образования³. В 1804 году система учебных заведений была создана, но желающих учиться было немного.

Когда стало понятно, что услуги новой образовательной системы не востребованы подавляющей частью чиновничества, появился знаменитый указ от 6 августа 1809 года⁴. В соответствии с требованием указа производство в чин 8-го класса (коллежский асессор) было возможно только в том случае, если чиновник, кроме необходимого срока выслуги и отличной характеристики от начальства, имел свидетельство об окончании университета.

² О наполнении секретарских и других мест чиновниками, хотя бы они не состояли в классах, местам их присвоенных: именной указ Александра I от 19 июня 1804 года // ПСЗРИ-1. Т. XXVII, № 21.355.

³ Об устройстве училищ: именной указ Александра I от 24 января 1803 года // ПСЗРИ-1. Т. XXVII, № 20.597.

⁴ О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках для производства в коллежские асессоры и статские советники: именной указ Александра I от 6 августа 1809 года // ПСЗРИ-1. Т. XXX, № 23.771.

Программа обучения включала в себя четыре раздела: словесные науки, правоведение, исторические науки и физико-математические дисциплины. Требования, предъявляемые к уровню знаний чиновников по историческим и физико-математическим наукам, не выходили за рамки гимназического курса. В словесности главная трудность заключалась в знании одного иностранного языка и умения перевода. Правоведение включало в себя естественное право, римское право, частное гражданское право, а также знание основ государственной экономики и уголовных законов.

Чиновники, уже бывшие коллежскими асессорами, с этого момента также не могли получить следующий чин статского советника (7-й класс) только за счет выслуги. В дополнение к десятилетней беспорочной службе в чине и двухлетнему нахождению в соответствующей чину должности полагалась характеристика, свидетельствующая об особом усердии и служебных заслугах и диплом о получении университетского образования. Те коллежские асессоры, которые имели отличную аттестацию от начальства и уже получили университетское образование, получали право производства в новый чин. Срок выслуги и возраст чиновника при этом не учитывался. Чиновник, получивший новый чин при выходе в отставку, мог вернуться на службу только в том чине, который имел до отставки.

Требования указа касались прежде всего молодых чиновников, однако он вызвал в обществе эффект разорвавшейся бомбы и почти всеобщие ненависть и неприятие [7, с. 121–128]. Большинство чиновников предпочитали получать университетский диплом через взятку. В 20-х годах XIX века правила указа начинают дополняться разнообразными исключениями. После принятия в 1834 году Положения о порядке производства в чины по гражданской службе указ 6 августа 1809 года утратил свою силу⁵ [2, с. 298–301].

В 1832 году появился Устав о службе по определению от правительства. Согласно новому уставу поступление на гражданскую службу зависело от сословной принадлежности претендента, его возраста и образования. Дети потомственных и личных дворян, белого духовенства, купцов I гильдии, канцеляристов, представителей науки и искусства, не имевшие чина, и некоторые другие категории могли быть приняты на гражданскую службу на основании их происхождения. Представители других сословий могли поступить на государственную службу при условии получения образования⁶.

Потомственные дворяне по-прежнему предпочитали военную службу гражданской [9]. Как и в XVIII веке, в XIX столетии гражданская служба по-прежнему не пользовалась почетом у дворян. Исключение составляла только работа в дипломатическом корпусе. Дети чиновников (особенно личных дворян)

⁵ О порядке производства в чины по гражданской службе: положение от 25 июня 1834 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (далее — ПСЗРИ-2). Т. IX, отд. 1, № 7224.

⁶ Устав о службе по определению от правительства // Свод законов Российской империи. СПб., 1832. Т. III, кн. 1.

составляли своеобразную чиновничью касту. Процент потомственных чиновников был достаточно велик — 25 %.

Как и прежде, основная масса служащих начинала свою карьеру с должности канцеляриста. Канцеляристы подразделялись на четыре разряда в зависимости от социального положения. Для каждого из этих разрядов закон определял свои сроки выслуги первого классного чина. Чем ниже было социальное положение служащего, тем дольше был срок выслуги. Так, канцеляристы 1-го разряда могли получить чин через два года, тогда как канцеляристы 4-го разряда — через двенадцать лет. Лица, получившие высшее образование, поступали на службу, сразу получая при этом соответствующий классный чин.

Существенно изменило порядок чинопроизводства Положение о порядке производства в чины по гражданской службе от 25 июля 1834 года. По положению вводились два вида производства в чин: 1) за усердное и заслуживающее похвалы исполнение служебных обязанностей, подтвержденное начальством, и 2) за заслуги, выраженные в совершении подвигов или иных полезных дел на поприще службы. К этому виду производства также относились и те, кто обладал особыми достоинствами или заслугами. В зависимости от вида производства определялись и сроки выслуги лет: общий и особый (за заслуги)⁷ [3, с. 34–38].

Рассматриваемое положение не избавило чиновников от необходимости сдавать экзамены. Согласно данному документу все чиновники делились на три разряда. Первый разряд состоял из чиновников с высшим образованием, второй разряд включал чиновников со средним образованием, к третьему разряду относились чиновники с начальным или домашним образованием. Получить права, даруемые чиновникам первого и второго разрядов, можно было только после успешной сдачи экзаменов. Для каждого разряда положение 1834 года устанавливало определенные сроки выслуги чинов. Дальнейшее законодательство и практика внесли в эти нормы ряд исключений и отступлений [5, с. 137].

Для производства в чины 5–8-го классов чиновники второго и третьего разрядов должны были быть назначенными на какую-либо должность этих классов. Разница в чине в один класс выше или ниже занимаемой должности была допустимой. Чиновник первой категории мог быть назначен даже через класс должности. С 1835 года это право получили все чиновники. При прохождении служебной лестницы, как и в XVIII веке, имело значение время получения чина. Старший по времени производства в чин имел традиционное преимущество [4, с. 109].

Таким образом, продвижение по карьерной лестнице для дворян было существенно облегчено, но имевшие образование, даже не принадлежа

⁷ Положение о порядке производства в чины по гражданской службе: от 25 июля 1834 года // ПСЗРИ-2. Т. IX, отд. 1, № 7224.

к дворянскому сословию, также имели весомые льготы. На общем основании (в зависимости от того, был или нет чиновник дворянином) подняться от 14-го класса до 8-го класса служащие первого разряда могли за 24–26 лет, служащие второго разряда — за 30–36 лет и служащие третьего разряда — за 37–42 года. Этот порядок существовал до издания закона от 9 декабря 1856 года⁸ [3, с. 38–39].

Принятие данного закона было вызвано как неэффективностью системы образовательных льгот, дарованных положением 1834 года, так и недостаточными возможностями самой образовательной системы страны — ежегодный выпуск в университетах (ок. 400 чел.) был намного меньше имеющегося числа вакансий (ок. 3000 чел.). Кроме того, закон 1856 года ввел новые сроки выслуги чинов и упразднил преимущество, которым при повышении в чине обладали чиновники, имевшие образование. Если чиновник имел высшее или среднее образование, он мог получить соответствующий уровню образования классный чин. Но при производстве в следующий чин устанавливались общие сроки выслуги, на которые ни образование, ни сословная принадлежность никак не влияли. Для производства с 14-го по 8-й классы требовалась выслуга в три года в каждом ранге; для получения чинов от 9-го до 5-го класса выслуга составляла уже четыре года в каждом ранге, но и здесь были нюансы. Если повышение в чине производилось за заслуги, то срок выслуги сокращался на один год. Следует особо отметить, что данный порядок производства в гражданские чины сохранился до конца XIX века.

Николай I предпринял попытку централизовать систему производства в гражданские чины: 5 сентября 1846 года император создает Инспекторский департамент гражданского ведомства, ставший частью I отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Новый департамент должен был заниматься всеми вопросами, связанными с приемом, перемещением и увольнением служащих, чинопроизводством, назначением на должности и т. п.⁹ [1, с. 69; 3, с. 56–60].

Однако Инспекторский департамент не оправдал возложенных на него надежд, осложнив решение многих насущных вопросов, связанных с государственной службой, и 6 июня 1858 года прекратил свое существование¹⁰. Был восстановлен старый порядок управления служащими, в котором главную роль играл Департамент герольдии Сената. Вопросы о приеме на службу, служебных перемещениях и отставке чиновников 7–14-го классов решала губернская

⁸ О сроках производства в чины по службе гражданской: именной указ Александра II от 9 декабря 1856 года // ПСЗРИ-2. Т. XXXI, отд. 1, № 31237.

⁹ Образование Инспекторского департамента гражданского ведомства: именной указ Николая I от 5 сентября 1846 года // ПСЗРИ-2. Т. XXI, отд. 2, № 20401.

¹⁰ О упразднении Инспекторского департамента гражданского ведомства и о распределении обязанностей его по заведыванию инспекторской частью гражданских чиновников: именной указ Александра II от 6 июня 1858 года // ПСЗРИ-2. Т. XXXIII, отд. 1, № 33261.

администрация, чиновников 6-го класса и выше — соответствующие министерства и главные управления. Вопрос о производстве в чины 1–4-го классов, как и прежде, не мог быть решен без согласия императора.

Важной проблемой, сохранившейся с XVIII века, была возможность приобретения службой дворянства. В 1845 году Николай I издал манифест «О порядке приобретения дворянства службой»¹¹, установивший новые правила, по которым чиновник мог стать личным или потомственным дворянином¹² [8, с. 32]. С этого момента чин 14-го класса (коллежский регистратор) давал право на личное почетное гражданство. Чин 9-го класса (титулярный советник) предоставлял право на личное дворянство, и только чин 5-го класса (статский советник) делал его носителя потомственным дворянином.

Александр II еще больше ограничил возможность выслужить потомственное дворянство. Закон от 9 декабря 1856 года «О приобретении потомственного дворянства...» вновь изменил положения о получении дворянского звания службой¹³. Теперь в гражданской службе потомственное дворянство приобреталось чином действительного статского советника (4-й класс), а в военной — чином полковника (6-й класс).

В течение XIX века правительство неоднократно обращалось к вопросу о реорганизации системы чинов и порядка чинопроизводства. Предлагалось, вновь соединив чин с должностью, уничтожить «классные чины». Решение об отмене чинов принималось в течение XIX столетия несколько раз, но так и не было утверждено. Предлагаемые проекты не всегда отличались последовательностью [3, с. 44–52]. К началу XX века Устав о службе по определению от правительства 1832 года безнадежно устарел. Составить на его основе реальную картину состояния государственной службы в России было невозможно. Вопрос об отмене чинов неоднократно обсуждался на протяжении всей второй половины XIX века, однако гражданские чины были отменены только декретом ВЦИК и СНК от 11 ноября 1917 года¹⁴.

Еще одна попытка централизовать управление чиновниками была предпринята Александром III: 6 мая 1894 года было издано Положение о производстве

¹¹ О порядке приобретения дворянства службой: манифест от 11 июня 1845 года // ПСЗРИ-2. Т. XX, отд. 1, № 19086.

¹² По манифесту 1845 г., в военной службе обер-офицерские чины (9–13-й классы) стали давать их обладателю личное дворянство, а штаб-офицерские чины (6–8-й классы) — потомственное дворянство. При этом человек, ушедший в отставку в первом обер- (прапорщик) или штаб-офицерском (майор/подполковник) чине или переходивший на статскую службу, терял даруемые чином права, которые заменялись, соответственно, личным потомственным гражданством и личным дворянством.

¹³ О приобретении потомственного дворянства производством по гражданской службе в действительные статские советники или соответствующий сему чину 4-й класс, а по военной в полковники или же в соответствующий оному чину флота капитана 1-го ранга: именной указ Александра II от 09 декабря 1856 года // ПСЗРИ-2. Т. XXI, отд. 1, № 31236.

¹⁴ Декрет ВЦИК и СНК об уничтожении сословий и гражданских чинов // Декреты Советской власти. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 71–72.

дел по инспекторской части гражданского ведомства¹⁵ [3, с. 61–65], согласно которому в составе Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах для рассмотрения дел о производстве в чины был образован Инспекторский отдел Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Положение от 6 мая 1894 года установило столь высокий уровень централизации, что формально все вопросы, касавшиеся служебного положения госслужащих, разрешались только по воле императора. Еще более серьезные ограничения центральной и губернской администрации в кадровых вопросах были введены Дополнительными правилами о производстве дел по инспекторской части гражданского ведомства, изданными 4 июля 1894 года¹⁶.

Однако новый Инспекторский отдел оказался столь же несостоятелен, что и прежний. Сосредоточить решение всех кадровых вопросов в одном учреждении стало непосильной задачей. Система решения кадровых вопросов, оформляемых царскими приказами, оказалась чрезвычайно сложной и неудобной. Поэтому вскоре после смерти Александра III, в 1895 году, перед Николаем II был поставлен вопрос о необходимости упразднения Инспекторского отдела. В конце концов Инспекторский департамент был сохранен, но его функции подверглись существенному сокращению.

Последние значительные изменения в законодательство о гражданской службе были внесены в царствование Николая II. В конце XIX века в некоторые госучреждения на работу стали принимать лиц, ранее не служивших и, следовательно, не имевших чинов, либо имевших чины, не соответствующие занимаемой должности. С. Ю. Витте как раз относился именно к такой категории служащих. При назначении директором Департамента железнодорожных дел Витте был переведен из чина 9-го класса (титулярный советник) в чин 4-го класса (действительный статский советник). Позднее он пригласил на работу в свой департамент некоторых бывших коллег, которые вообще не имели никаких чинов. В связи с тем что у этих людей не было права на основании Устава о службе гражданской занимать должности в госаппарате, Государственный совет в январе 1889 года принял решение о допустимости приглашения на государственную службу лиц, не имевших чинов, или тех, у которых нет прав на вступление в гражданскую службу на должности не выше 5-го класса включительно [3, с. 103–104]. 20 декабря 1894 года это положение было временно распространено на все ведомства, подчиненные Министерству финансов. Единственным условием принятия на службу было наличие высшего образования¹⁷.

¹⁵ О производстве дел по инспекторской части гражданского ведомства: положение от 06 мая 1894 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье (далее — ПСЗРИ-3). Т. XIV, № 10578.

¹⁶ Дополнительные правила о производстве дел по инспекторской части гражданского ведомства: от 04 июля 1894 года // ПСЗРИ-3. Т. XIV, № 10857.

¹⁷ Об утверждении временных правил о замещении по министерству финансов должностей до пятого класса включительно: высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 20 декабря 1894 года // ПСЗРИ-3. Т. XIV, № 11155.

Таким образом, в Министерстве путей сообщения и Министерстве финансов состав служащих существенно изменился.

Кроме того, чины нередко жаловались людям, занимавшим места в земских и городских органах управления, а также органах дворянского и купеческого самоуправления. В большинстве случаев чины давались на время пребывания в той или иной должности и были почетными наименованиями, так как не давали носителю привилегий и прав, свойственных полученному чину. Такая практика была широко распространена в царствование Николая I¹⁸ [4, с.112].

В ходе Первой русской революции 5 октября 1906 г. было издано положение Совета министров «Об изменении порядка производства в первый классный чин и переименовании в гражданский чин из офицерского». С этого момента производство в чин коллежского регистратора (14-й класс) перестало зависеть от сословного происхождения. Производство в чин было разделено на два разряда, принадлежность к которым зависела от уровня образования чиновника. В свою очередь, от разряда зависела выслуга лет, необходимых для получения следующего чина. Для чиновников первого разряда выслуга составляла один год, для чиновников второго разряда — два года¹⁹.

Заключение

В начале XIX столетия был завершен сложный процесс складывания гражданской государственной службы в Российской империи [6, с. 28]. В связи с этим основное внимание в сфере политики формирования чиновничьего аппарата правительство направило на создание корпуса профессионально подготовленных чиновников, имеющих соответствующий уровень образования. Требование образовательного ценза стало обязательным вследствие необходимости иметь чиновников, способных успешно решать и весьма непростые проблемы, которые вставали перед государственным управлением. Министерская реформа и другие преобразования государственного управления начала XIX века, в силу своей ограниченности и бессистемности, крайне усложнили и непростую работу государственного аппарата [5, с. 136; 7, с. 309–311].

При этом не подверглась существенным изменениям политика в отношении низшего звена государственных служащих, состоявших на гражданской службе. Сословный состав гражданских чиновников по-прежнему регулировался путем контроля над чинопроизводством. Однако деятельность правительства в этом направлении, как и ранее, во многом зависела от материальных возможностей казны и средств создания необходимых условий для комфортного исполнения чиновниками своих служебных обязанностей. Следует признать,

¹⁸ Свод законов Российской империи. Т. III, кн. 2, № 86, 169, 387.

¹⁹ Об изменении порядка производства в первый классный чин и переименовании в гражданский чин из офицерского: положение от 05 октября 1906 года // ПСЗРИ-3. Т. XXVI, отд. 1, № 28393.

что средства и ресурсы, которыми располагало правительство оставались весьма ограниченными. Низкий уровень жизни чиновников, в особенности провинциальных, подпитывал систему почти тотальной коррупции, чьи основания покоились на существовавшей в Российской империи системе организации чрезмерно централизованного и бюрократизированного государственного управления.

В XIX веке ужесточаются препятствия на пути приобретения службой дворянского статуса. При выросшей в 7 раз численности государственного аппарата количество потомственных дворян, в особенности на низших ступенях гражданской службы, остается весьма небольшим. При этом львиная доля потомственных дворян представляла высшую бюрократию империи. Попадание в их ряды представителей иных сословий имеет исключительный характер [3, с. 222–224].

Провалом закончились как все реформы централизации управления корпусом гражданских чиновников империи, так и неоднократные решения об упразднении чинов, в итоге не получившие требуемой реализации.

Список источников

1. Борщевский Г. А. Система управления бюрократией в дореволюционной, советской и современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. Вып. 1. С. 61–84.
2. Вигель Ф. Ф. Записки: в 2 т. М.: Круг, 1928. Т. 1. 377 с.
3. Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. 288 с.
4. Львов А. В. История отечественной государственной службы. М.: Московский гор. пед. ун-т, 2018. 206 с.
5. Маликова А. Х., Гостева О. Н. История и методология правового регулирования труда на государственной службе в России // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2020. Vol. 10–3 (49). С. 135–142.
6. Пашенцев Д. А. Государственные преобразования петровского времени через призму историко-антропологической теории права (к 300-летию провозглашения Российской империи) // Вестник МГПУ. Серия: «Юридические науки». 2021. № 1. С. 27–34.
7. Писарькова Л. Ф. Государственное управление России в первой трети XIX в.: становление министерской системы. М.: Новый хронограф, 2019. 416 с.
8. Федосеев Р. В. Порядок приобретения потомственного дворянства по законодательству XVIII–XIX веков // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2020. № 2 (9). С. 27–35.
9. Fedyukin I., Gabdrakhmanov S. Cultural capital in an early modern elite school: The Noble Cadet Corps in St Petersburg, 1732–1762 // Journal of Interdisciplinary History. 2016. Vol. 46, № 4. P. 485–516.

References

1. Borshhevskij G. A. Sistema upravleniya byurokratej v dorevolucionnoj, sovetskoj i sovremennoj Rossii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya. 2020. T. 65. Vy'p. 1. S. 61–84.

2. Vigel` F. F. Zapiski: v 2 t. M.: Krug, 1928. T. 1. 377 s.
3. Zajonchkovskij P. A. Pravitel`stvenny`j apparat samoderzhavnoj Rossii v XIX v. M.: My`sl`, 1978. 288 s.
4. L`vov A. V. Istoriya otechestvennoj gosudarstvennoj sluzhby`. M.: Moskovskij gor. ped. un-t, 2018. 206 s.
5. Malikova A. X., Gosteva O. N. Istoriya i metodologiya pravovogo regulirovaniya truda na gosudarstvennoj sluzhbe v Rossii // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2020. Vol. 10–3 (49). S. 135–142.
6. Pashencev D. A. Gosudarstvenny`e preobrazovaniya petrovskogo vremeni cherez prizmu istoriko-antropologicheskoy teorii prava (k 300-letiyu provozglasheniya Rossijskoj imperii) // Vestnik MGPU. Seriya: «Yuridicheskie nauki». 2021. № 1. S. 27–34.
7. Pisar`kova L. F. Gosudarstvennoe upravlenie Rossii v pervoj tretej XIX v.: stanovlenie ministerskoj sistemy`. M.: Novy`j xronograf, 2019. 416 s.
8. Fedoseev R. V. Poryadok priobreteniya potomstvennogo dvoryanstva po zakonodatel`stvu XVIII–XIX vekov // Gumanitarny`e i politiko-pravovy`e issledovaniya. 2020. № 2 (9). S. 27–35.
9. Fedyukin I., Gabdrakhmanov S. Cultural capital in an early modern elite school: The Noble Cadet Corps in St Petersburg, 1732–1762 // Journal of Interdisciplinary History. 2016. Vol. 46, № 4. P. 485–516.

Статья поступила в редакцию: 08.06.2023;
одобрена после рецензирования: 20.06.2023;
принята к публикации: 25.06.2023.

The article was submitted: 08.06.2023;
approved after reviewing: 20.06.2023;
accepted for publication: 25.06.2023.

*К столетнему юбилею
профессора Олега Ивановича Чистякова*

УДК 340

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.52.4.05

А. В. Звонарев

Московский городской педагогический университет,
Москва, Российская Федерация,
zvonaREVAV@mgpu.ru

ИЮНЬСКИЙ ПЛЕНУМ ЦК РКП(Б) 1923 ГОДА И ЕГО РОЛЬ В СОЗДАНИИ КОНСТИТУЦИИ СССР 1924 ГОДА

Аннотация. В статье на основе архивных материалов показана деятельность Пленума ЦК РКП(б), проходившего 26–27 июня 1923 года, по редактированию и принятию проекта первой Конституции СССР. Выявлена роль И. В. Сталина в формировании ряда важных положений Основного Закона (Конституции). Показан процесс внесения конкретных изменений в текст конституционного проекта. Сделан вывод, что от политического авторитета и влияния И. В. Сталина во время обсуждения проектов в высших партийных и государственных органах во многом зависело принятие Конституции СССР 1924 года.

Ключевые слова: Конституция СССР 1924 года; И. В. Сталин; Пленум ЦК РКП(б); проект Конституции; образование СССР.

UDC 340

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.52.4.05

A. V. Zvonarev

Moscow City University,
Moscow, Russian Federation,
zvonaREVAV@mgpu.ru

THE JUNE PLENUM OF THE CENTRAL COMMITTEE OF THE RUSSIAN COMMUNIST PARTY(B) IN 1923 AND ITS ROLE IN THE CREATION OF THE CONSTITUTION OF THE USSR IN 1924

Abstract. Based on archival materials, the article shows the activities of the Plenum of the Central Committee of the Russian Communist Party(b), held on June 26–27, 1923, to edit and adopt the draft of the first Constitution of the USSR. The role of I. V. Stalin in the formation of a number of important provisions of the Basic Law is revealed. The process of making specific changes to the text of the constitutional draft is shown. It is concluded

that the adoption of the Basic Law (Constitution) of the USSR of 1924 largely depended on the political authority and influence of I. V. Stalin during the discussion of projects in the highest party and state bodies.

Keywords: Constitution of the USSR of 1924; I. V. Stalin; Plenum of the Central Committee of the RCP(b); draft Constitution; formation of the USSR.

Введение

В 2024 году отмечается 100-летний юбилей создания Основного Закона (Конституции) Союза Советских Социалистических Республик. Тема образования союзного государства и создание первой союзной Конституции за столетие изучалась многими отечественными и зарубежными историками. Огромное научное влияние на исследование и развитие данной проблематики оказал своими многочисленными работами выдающийся российский историк-правовед, крупный специалист в области истории отечественного государства и права, внесший огромный вклад в развитие отечественной юридической науки, заслуженный профессор МГУ, доктор юридических наук, член-корреспондент Академии естественных наук Российской Федерации, лауреат Государственной премии Российской Федерации в области образования, профессор МГПУ, один из создателей юридического факультета МГПУ Олег Иванович Чистяков, столетний юбилей которого также будет отмечаться в 2024 году [4, 9–11]. Открытие новых архивных материалов позволяет нам, опираясь на положения и выводы профессора О. И. Чистякова, раскрыть ранее малоизвестные, но чрезвычайно актуальные страницы истории создания Конституции СССР.

Методы

Методологической основой исследования являются всеобщий (диалектический материализм), общенаучные (анализ, синтез и др.) и частнонаучные (исторический, сравнительно-правовой, формально-юридический и др.) методы исследования, позволившие выявить закономерности и особенности в создании проекта Основного Закона (Конституции) СССР 1924 года. Указанные методы применялись комплексно, с учетом принципов историзма, системности и всесторонности.

Основное исследование

Работа над проектом создания Конституции СССР началась еще в октябре 1922 года, когда Пленум ЦК РКП(б) принял решение о создании комиссии под руководством И. В. Сталина для подготовки «советского законопроекта ... и проведения его через съезд Советов»¹.

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Сталин (наст. Джугашвили) Иосиф Виссарионович. Оп. 1. Д. 2479. Л. 26.

Комиссия оперативно разработала данный проект, получивший название «Основные пункты Конституции Союза Советских Социалистических Республик»². В декабре 1922 года Пленум ЦК РКП(б), в целом одобрив содержание документа, подготовленного комиссией И. В. Сталина, заменил название документа на «Договор». После одобрения текста договора съездами Советов союзных республик Договор и Декларация об образовании СССР были согласованы и приняты делегациями четырех республик на конференции, проходившей 29 декабря 1922 года в Москве.

На следующий день, 30 декабря 1922 года, I Всесоюзный съезд Советов единогласно проголосовал за создание СССР, приняв декларацию и договор о создании нового федеративного государства. Какая это была федерация: договорная или конституционная? Долгое время в теории господствовало мнение, что договорная. Профессор О. И. Чистяков высказал мнение, что I Всесоюзный съезд Советов, голосуя за Декларацию и Договор о создании СССР, принимал их как конституционные законы нового государства. Это мнение выдающегося ученого подтверждается и вновь открытыми фактами. Например, подписание Декларации и Договора о создании СССР делегациями происходило уже после обсуждения доклада И. В. Сталина и голосования I Всесоюзного съезда Советов по данному вопросу.

Таким образом, новое государство создавалось как конституционная, а не договорная федерация. И это было не случайное стечение обстоятельств. Именно И. В. Сталин на конференции четырех делегаций 29 декабря 1922 года настоял, чтобы создание Советского Союза было провозглашено от имени Всесоюзного съезда Советов, а не от имени конференции делегаций республик. Формально он выполнял поручение пленума о принятии нормативного акта и даже двух. Юридически Сталин принимал на съезде конституционные акты, и он, в отличие от многих делегатов конференции и Всесоюзного съезда, это понимал. Об этом он скажет во время своей полемики со сторонниками конфедерации на июньской конференции 1923 года.

Но данный вопрос не был закрыт окончательно. Противоречия между сторонниками создания централизованной федерации и сторонниками конфедерации республик и мировой революции сохранялись. Во многом победа в решении этого вопроса определялась позицией лидера партии В. И. Ленина, который накануне исторических решений о создании СССР серьезно заболел и не принимал активного участия в событиях, происходивших 29–30 декабря 1922 года в Москве. В. И. Ленин, в свою очередь, готовил тезисы своего выступления с критикой сталинского плана создания СССР, которые позже превратятся в статью «К вопросу о национальностях или об “автономизации”» [6].

В современной историографии появилось мнение, что данная работа не принадлежала В. И. Ленину. В начале нашего столетия доктор исторических наук, профессор МГУ В. А. Сахаров на основе анализа последних работ

² Там же. Л. 38–40.

Ленина аргументированно обосновал данное мнение в своих научных выступлениях и работах [8, с. 317–362]. Мнение В. А. Сахарова получило поддержку и в некоторых современных зарубежных исследованиях [5, с. 121–122]. Однако большинство современных отечественных исследователей придерживаются традиционных воззрений о ленинском авторстве данной статьи [1, с. 145–148; 7, с. 808–809]. Сама по себе эта научная дискуссия представляется странной. В апреле 1923 года, когда делегаты партийного съезда познакомились с этой ленинской статьей, В. И. Ленин был серьезно болен, но еще жив, мог подтвердить или опровергнуть свое авторство в случае возникновения каких-либо серьезных сомнений.

Но так как ленинские идеи пока были еще секретными, все ждали его решения и готовились к новым сражениям. Знал ли И. В. Сталин о ленинских тезисах? Очевидно знал, не ставил под сомнение ленинское авторство данного документа и тоже готовился. Ленинскому авторитету Сталин мог противопоставить только коллективное решение партийного руководства.

Уже в январе 1923 года начинается работа над созданием проектов Конституции, хотя формально I Всесоюзный съезд Советов таких поручений никому не давал. Он поручил ЦИК работать над договором, а не создавать Конституцию [11, с. 75]. Однако республики активно включились в эту работу, создавая свои проекты нового договора (РСФСР, Украина, Белоруссия).

На февральском Пленуме ЦК РКП(б) 1923 года было одобрено создание комиссии под общим руководством И. В. Сталина, которая позже в официальных документах будет именоваться Комиссией ЦК по выработке практических предложений о СССР³.

На XII партийном съезде ленинская статья по национальному вопросу должна была стать бомбой, которая взорвется под сталинским планом создания СССР, а заодно, вероятно, стать основанием для смещения Сталина с поста генерального секретаря партии. Но этого не произошло. И. В. Сталин сумел переиграть в отсутствие В. И. Ленина своих оппонентов и получить поддержку партийного съезда на дальнейшие преобразования СССР и создание конституции союзного государства.

Спустя несколько дней после окончания работы XII съезда РКП(б), 27 апреля 1923 года, Президиум ЦИК СССР предложил создать Расширенную комиссию ЦИК во главе с М. И. Калининым, которая должна была доработать окончательный проект конституции союзного государства.

Однако до начала работы Расширенной комиссии ЦИК состоялось первое заседание Комиссии ЦК (5–6 июня 1923 года), которая подготовила директивы для работы Расширенной комиссии. Директивы определили основные принципы конституции, которые стали обязательными для Расширенной комиссии при создании Основного Закона. В случаях, если бы члены комиссии не смогли достигнуть согласия по каким-либо вопросам в ходе работы комиссии, они имели бы право обратиться с данными вопросами к Пленуму ЦК и получить

³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2479. Л. 81.

окончательное решение высшего партийного органа, которое уже не подлежало обжалованию⁴.

Заседания Расширенной комиссии ЦИК, проходившие с 8 по 16 июня 1923 года, завершились принятием проекта Конституции СССР в целом.

25 июня 1923 года Комиссия ЦК, обсудив проект союзной Конституции в ходе двух заседаний, отредактировала его, внося значительные изменения в текст, и одобрила. Далее проект Основного Закона СССР должен был пройти одобрение Пленума ЦК партии.

Пленум ЦК РКП(б) проходил 26–27 июня 1923 года в Москве. Доклад Комиссии ЦК о Конституции СССР и о практических вопросах, связанных с сессией ЦИК СССР, шел только четвертым в повестке дня работы Пленума ЦК. Докладчиком выступал И. В. Сталин. Формально Пленум ЦК должен был поставить окончательную точку в обсуждении проекта конституции высшими партийными органами, так как именно к Пленуму ЦК участники дискуссий (Х. Г. Раковский, Н. А. Скрышник, П. Г. Мдивани, Я. Э. Рудзутак, М. И. Калинин, Д. З. Мануильский, Д. И. Курский, Т. В. Сапронов, А. С. Енукидзе и др.), проходивших в комиссиях ЦК и ЦИК, апеллировали в тех случаях, когда их предложения не принимались большинством комиссий [2, с. 67–80; 3].

Вероятно, до начала работы пленума его участникам были розданы два документа. Первый — «Поправки и особые мнения к проекту Конституции Союза ССР, принятому Комиссией ЦИК Союза ССР на заседаниях от 8–16 / VI 1923 г.». В нем построчно указывались предложения, протесты или особые мнения членов комиссии ЦИК, которые они предлагали изменить или против которых они протестовали (например, «п. 5. Протест т. Раковского (см. пр. № 5, стр. 1)» или «п. 21. Особое мнение Раковского (см. пр. № 5, стр. 1)»⁵.

Второй документ был адресован «членам ЦК и кандидатам, и членам Президиума ЦК» и информировал их о тех редакторских исправлениях, которые предлагалось внести в текст проекта Конституции⁶.

На титуле проекта Основного Закона СССР, предложенного к рассмотрению Пленума ЦК, было указано: «Проект, принят Комиссией ЦК 25 июня 1923 г. под председательством тов. Сталина».

Сам доклад И. В. Сталина пока не обнаружен исследователями. К сожалению, выписка из протокола № 2 заседания Пленума ЦК от 26–27 / VI-23 года не позволяет проследить ни логику выступления И. В. Сталина, ни ход обсуждения его доклада. Можно только отметить те принципиальные и редакционные изменения, которым подвергся проект или те предложения, по которым Пленум ЦК вынес отрицательное решение.

Важное изменение было внесено в ст. 6 проекта Конституции. В проекте было установлено: «Территория союзных республик не может быть изменяема без их согласия». Решением Пленума ЦК в данной статье было добавлено:

⁴ Там же. Л. 86.

⁵ Там же. Л. 125.

⁶ Там же. Л. 126.

«а равно для изменения, ограничения или отмены статьи 4-ой главы II-ой требуется сверх того согласие всех республик, входящих в Союз ССР»⁷. Данное изменение было существенным, поскольку ст. 4 содержала норму о праве каждой из союзных республик на выход из Союза ССР. Надо отметить, что на всех стадиях обсуждения проекта Конституции сделанное В. И. Лениным предложение о закреплении в тексте Договора о создании СССР права республики на выход из состава федерации, не ставилось под сомнение и принималось без возражений.

В окончательной редакции Конституции в ст. 6 упоминание о «главе II-ой» будет исключено из текста закона⁸.

Вероятно, как и на заседаниях Комиссий ЦИК и ЦК, на Пленуме ЦК возник вопрос о соотношении гражданства союзного и республиканского. В связи с этим Пленум ЦК постановил утвердить следующее толкование ст. 7: «Установление союзного гражданства не исключает вместе с тем и гражданства республиканского»⁹. Однако ст. 7 осталась без изменения: «Для граждан союзных республик устанавливается единое союзное гражданство»¹⁰. Это и другие толкования, которые утвердит Пленум ЦК, носили директивный характер, и, следовательно, они были обязательными для исполнения партийными и государственными органами союзных республик.

Была изменена формулировка ст. 15. Теперь второе предложение было сформулировано в следующей редакции: «Состав Совета Национальностей в целом утверждается Съездом Советов Союза СССР»¹¹. В выписке из протокола также зафиксировано толкование участниками Пленума содержания ст. 15: «Пункт 15 главы IV-ой подразумевает кроме автономных республик и областей, входящих в РСФСР, вхождение в Совет Национальностей той части РСФСР, которая не была объединена в автономные республики и области»¹². Таким образом, предусматривалось представительство РСФСР в Совете Национальностей не только от автономных образований.

Пленум ЦК отклонил несколько предложений, сделанных представителями Украинской ССР. Н. А. Скрыпник предлагал добавить к ст. 22 примечание: «Вопросы, указанные в пунктах а, б, в, г, д (первой части), е и ц настоящей Конституции разрешаются непосредственно на пленарных заседаниях ЦИК-а СССР (на совместном заседании Совета Национальностей и Союзного Совета»¹³. Кроме того, он считал необходимым сделать примечание в ст. 33 следующего содержания: «Президиуму Совета Национальностей принадлежит право проходящие через СНК и Президиум ЦИК-а СССР декреты и постановления, затрагивающие

⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2479. Л. 127.

⁸ Там же. Л. 127, 131.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 120.

¹¹ Там же. Л. 127.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 127.

интересы той или иной национальности, переносить на разрешение очередной или чрезвычайной сессии ЦИК-а СССР»¹⁴. Э. И. Квиринг предлагал дополнить ст. 20, в которой шла речь о праве ЦИК СССР приостанавливать или отменять декреты, постановления и распоряжения Президиума ЦИК СССР, а также съездов Советов и ЦИК союзных республик и других органов власти на территории Союза ССР, словами «противоречащих Конституции»¹⁵. Г. И. Петровский считал необходимым перевести наркоматы труда и рабоче-крестьянской инспекции в разряд самостоятельных¹⁶.

Отклонены были не только предложения украинских коммунистов. Было отклонено Пленумом ЦК и предложение Ф. Э. Дзержинского, руководителя ГПУ, об исключении ст. 63 «Надзор за закономерностью действий ОГПУ Союза ССР осуществляется прокурором Верховного Суда Союза ССР на основе специального постановления ЦИК-а Союза ССР» из текста Конституции. В то же время было утверждено положение: «Считать Объединенное ГПУ работающим на правах директивного наркомата»¹⁷. Возможно, в ходе обсуждения возникла идея включить в текст проекта Конституции данное положение. В сталинском варианте текста рукой было дописано: «ОГПУ работает на правах директивного наркомата». Но эта написанная рукой И. В. Сталина фраза была зачеркнута и не вошла в окончательный текст проекта Конституции.

Одновременно с этим Пленум ЦК утвердил ряд постановлений, ранее принятых Комиссией ЦК на заседаниях 5–6 июня 1923 года. Было утверждено постановление Комиссии ЦК о совместительстве, которым отклонялось предложение Раковского об издании отдельного закона, запрещающего совместительство функций народных комиссаров Союза ССР с функциями наркомов отдельных союзных республик¹⁸. Одобрено было и постановление Комиссии ЦК о конструкции наркоматов СССР. Согласно этому постановлению, предполагалось расширить состав коллегий наркоматов СССР, введя туда представителей наиболее «крупных и важных национальностей»¹⁹.

В проект также были внесены редакционные правки, не отмеченные в выписке из протокола. Статья 2, ошибочно включенная в гл. 2, была перенесена в гл. 1. Глава 2 получила название: «О суверенных правах союзных республик и о союзном гражданстве». До этого название главы отсутствовало в проекте Конституции, утвержденном Комиссией ЦК²⁰. Поменяла название и гл. 9, ранее называвшаяся «Об объединенном органе Г.П.У.». Обновленное название звучало следующим образом: «Об Объединенном Государственном Политическом Управлении»²¹.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л. 128.

¹⁷ Там же. Л. 128.

¹⁸ Там же. Л. 127–128.

¹⁹ Там же. Л. 128.

²⁰ Там же. Л. 120.

²¹ Там же. Л. 123.

В ст. 63 текста проекта были также добавлены не включенные Комиссией ЦИК²² и Комиссией ЦК на заседании 25 июня 1923 года слова «Верховного Суда»²³. Прокурор, осуществлявший надзор за закономерностью действий ОГПУ, стал называться «прокурором Верховного суда Союза ССР»²⁴.

27 июня 1923 года Пленум ЦК РКП(б) одобрил проект Конституции, проведя серьезную редакционную работу над документом и установив директивные толкования отдельных норм. Резолюция Пленума ЦК по этому вопросу гласила: «Проект Конституции в целом принять... Настоящую [Д]екларацию и [Д]оговор об образовании Союза Сов. Соц. Республик, составляющие [О]сновной [З]акон (Конституцию) Союза Сов. Соц. Республик, внести на окончательное утверждение 2-го Съезда Советов Союза ССР»²⁵.

Под выпиской за напечатанными на машинке словами «СЕКРЕТАРЬ ЦЕКА» стоит размашистая подпись «И. Сталин»²⁶. И. В. Сталин поставил точку в обсуждении проекта Основного Закона СССР и в разработке основ конституционной федерации.

Выводы

Проведенное исследование, основанное прежде всего на архивных источниках, позволяет сделать следующие выводы. Нельзя не признать, что создание и принятие первой Конституции Союза ССР — во многом заслуга И. В. Сталина. Его личное участие в проведении конституционной реформы и создании союзной Конституции не вызывает сомнений. От его политического влияния и личного авторитета в партии во многом зависело принятие Основного Закона при обсуждении проектов в различных партийных и государственных органах.

И. В. Сталин противопоставил своим оппонентам, опиравшимся на идеи В. И. Ленина, обоснованные в последних работах вождя, волю и поддержку партийного большинства (Пленума ЦК РКП(б), партийного съезда и др.) и директивный характер решений партийного руководства. Он сумел довести процесс разработки и принятия Конституции СССР до завершающей стадии и решением июньского Пленума ЦК РКП(б) 1923 года закрепил окончательную редакцию проекта Конституции СССР.

Список источников

1. Гросул В. Я. Образование СССР (1917–1924 гг.). М.: ИТРК, 2012. 216 с.
2. Законодательное обеспечение новой экономической политики / С. А. Боголюбов [и др.]. М.: Проспект, 2021. 416 с.

²² РГАСПИ. Ф. 558. Сталин (наст. Джугашвили) Иосиф Виссарионович. Оп. 1. Д. 2479. Л. 115.

²³ Там же. Л. 99.

²⁴ Там же. Л. 123.

²⁵ Там же. Л. 128–129.

²⁶ Там же. Л. 129.

3. Звонарев А. В., Звонарева Н. А., Пашенцев Д. А. Комиссия Пленума РКП(б) по выработке практических предложений об СССР и создание Конституции СССР 1924 года // Вопросы истории. 2022. № 3–1. С. 4–16.
4. Златопольский Д. Л., Чистяков О. И. Образование Союза ССР. М.: Юридическая литература, 1972. 320 с.
5. Коткин С. Сталин: в 3 т. Т. 1. Парадоксы власти, 1878–1928.: в 2 кн. Кн. 2. М.: Издательство Института Гайдара, 2022. 696 с.
6. Ленин В. И. К вопросу о национальностях или об «автономизации» // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 45. 5-е изд. М.: Политическая литература, 1964. С. 356–362.
7. Логинов В. Т. В. И. Ленин. Полная биография. М.: Родина, 2018. 928 с.
8. Сахаров В. А. «Политическое завещание» В. И. Ленина: реальность истории и мифы политики. М.: МГУ, 2003. 717 с.
9. Чистяков О. И. Договор об образовании СССР и современность // Чистяков О. И. Избранные труды / под ред. Л. Н. Чистяковой. М.: Норма, 2008. С. 129–144.
10. Чистяков О. И. К 80-летию первой Конституции СССР // О. И. Чистяков. Избранные труды / под ред. Л. Н. Чистяковой. М.: Норма, 2008. С. 355–374.
11. Чистяков О. И. Конституция СССР 1924 года. М.: Зерцало-М, 2004. 216 с.

References

1. Grosul V. Ya. Obrazovanie SSSR (1917–1924 gg.). M.: ITRK, 2012. 216 s.
2. Zakonodatel'noe obespechenie novoj e'konomicheskoy politiki / S. A. Bogolyubov [i dr.]. M.: Prospekt, 2021. 416 s.
3. Zvonarev A. V., Zvonareva N. A., Pashencev D. A. Komissiya Plenuma RKP(b) po vy`rabortke prakticheskix predlozhenij ob SSSR i sozdanie Konstitucii SSSR 1924 goda // Voprosy` istorii. 2022. № 3–1. S. 4–16.
4. Zlatopol'skij D. L., Chistyakov O. I. Obrazovanie Soyuza SSR. M.: Yuridicheskaya literatura, 1972. 320 s.
5. Kotkin S. Stalin: v 3 t. T.1. Paradoksy` vlasti, 1878–1928.: v 2 kn. Kn. 2. M.: Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2022. 696 s.
6. Lenin V. I. K voprosu o nacional'nostyax ili ob «avtonomizacii» // V. I. Lenin. Polnoe sobranie sochinenij. T. 45. 5-e izd. M.: Politicheskaya literatura, 1964. S. 356–362.
7. Loginov V. T. V. I. Lenin. Polnaya biografiya. M.: Rodina, 2018. 928 s.
8. Saxarov V. A. «Politicheskoe zaveshhanie» V. I. Lenina: real'nost' istorii i mify` politiki. M.: MGU, 2003. 717 s.
9. Chistyakov O. I. Dogovor ob obrazovanii SSSR i sovremennost' // Chistyakov O. I. Izbranny`e trudy` / pod red. L. N. Chistyakovoj. M.: Norma, 2008. S. 129–144.
10. Chistyakov O. I. K 80-letiyu pervoj Konstitucii SSSR // O. I. Chistyakov. Izbranny`e trudy` / pod red. L. N. Chistyakovoj. M.: Norma, 2008. S. 355–374.
11. Chistyakov O. I. Konstituciya SSSR 1924 goda. M.: Zerczalo-M, 2004. 216 s.

Статья поступила в редакцию: 13.08.2023;
одобрена после рецензирования: 21.08.2023;
принята к публикации: 02.09.2023.

The article was submitted: 13.08.2023;
approved after reviewing: 21.08.2023;
accepted for publication: 02.09.2023.

УДК 371.485

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.52.4.06

Н. Е. Борисова

Московский городской педагогический университет,
Москва, Российская Федерация,
borisovang@mgru.ru

Ю. В. Гаврилова

Московский городской педагогический университет,
Москва, Российская Федерация,
gavrilovauv@mgru.ru

Т. В. Корчагина

Московский городской педагогический университет,
Москва, Российская Федерация,
korchaginatv@mgru.ru

М. В. Пономарев

Московский педагогический государственный университет,
Москва, Российская Федерация,
mv.ponomarev@mpgu.ru

РОЛЬ ПРАВОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ И ФОРМИРОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В СИСТЕМЕ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В статье обобщается опыт использования конституционного компонента системы правового образования в качестве средства патриотического воспитания студенческой молодежи. Отмечается зависимость эффективности воспитательной работы на современном этапе от успешности актуализации ее содержания, формы, организации в совокупности с предметной подготовкой, обеспечением расширения компетентностной направленности образовательного процесса. Опираясь на принципы когнитивной педагогики, методы аксиологии права и социального конструктивизма, авторы показывают тесную взаимосвязь между содержанием патриотического

воспитания и правовой социализацией подрастающего поколения, в том числе формированием конституционного правосознания обучающихся и развитием их конституционной идентичности. Реализация такого подхода рассматривается авторами как элемент инновационной модели гражданского образования, обладающей высоким педагогическим потенциалом и отвечающей ключевым тенденциям развития российского конституционализма.

Ключевые слова: конституционализм; конституционное правосознание; конституционная идентичность; правовая социализация; правовое образование; патриотическое воспитание; молодежь.

Благодарности: работа выполнена в рамках реализации образовательных и культурно-просветительских программ Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета.

UDC 371.485

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.52.4.06

N. E. Borisova

Moscow City University,
Moscow, Russian Federation,
borisovang@mgpu.ru

Yu. V. Gavrilova

Moscow City University,
Moscow, Russian Federation,
gavrilovauv@mgpu.ru

T. V. Korchagina

Moscow City University,
Moscow, Russian Federation,
korchaginatv@mgpu.ru

M. V. Ponomarev

Moscow State Pedagogical University,
Moscow, Russian Federation,
mv.ponomarev@mpgu.su

THE ROLE OF LEGAL SOCIALIZATION AND THE FORMATION OF CONSTITUTIONAL CULTURE IN THE SYSTEM OF PATRIOTIC STUDENTS' EDUCATION

Abstract. The article summarizes the experience of using the constitutional component of the legal education system as a means of patriotic education of students. The authors note the dependence of the effectiveness of educational work at the present time on the success of updating its content, form, organization in conjunction with subject training, the expansion of the educational process' competence-based orientation. Based on the principles of cognitive pedagogy, methods of law axiology and social constructivism, the authors

show a close relationship between the content of patriotic education and the legal socialization of the younger generation, including the formation of students' constitutional legal awareness and the development of their constitutional identity. The implementation of this approach is considered by the authors as an element of an innovative model of civic education, which has a high pedagogical potential and meets the key trends in the development of Russian constitutionalism.

Keywords: constitutionalism; constitutional sense of justice; constitutional identity; legal socialization; legal education; patriotic education; youth.

Acknowledgments: the work was carried out as part of the implementation of educational, cultural and educational programs of the Institute of Economics, Management and Law of Moscow City University.

Введение

Актуальность использования ресурсов правового образования в системе патриотического воспитания студенческой молодежи связана с явлениями и процессами, выходящими далеко за пределы педагогической проблематики. Современное развитие общества и государства происходит в условиях беспрецедентного нарастания различных вызовов и рисков. Происходит перестройка самого цивилизационного пространства — сформировавшиеся за последние полтора столетия модернизационные стратегии утрачивают не только свою эффективность, но и мировоззренческую значимость. Логика социального прогресса, отражающая специфику западной цивилизационной модели, входит в диссонанс с культурно-историческим многообразием человечества. Поэтому наблюдается эскалация самых разнообразных конфликтов, кризис публичных институций, деформация политических и социальных практик, стрессовое состояние массового сознания. В таких условиях принципиальную значимость приобретает консолидация общества вокруг ключевых ценностных ориентиров, укрепление национальной идентичности и солидарных основ общественной жизни, легитимизация властных отношений на основе морально-нравственных императивов, а не электоральной математики. По сути, речь идет о конституировании нового цивилизационного состояния общества, которое переходит от унифицированных форм социальной модернизации к воссозданию своей культурно-исторической целостности.

В свете этих тенденций особое значение имеет конституционная реформа 2020 года. Помимо институционального и нормативного обновления Основного Закона, реформа дала толчок для дискуссий о перспективах развития российского общества и государства. Она заставила остро поставить вопрос о роли юридической науки в этом процессе. Речь идет также о поиске новых, более эффективных форм правового образования всех уровней, укреплении его связей с системой воспитательной работы, внедрении элементов правового просвещения. Особое место в этой полемике занимают вопросы конституционной аксиологии. Понятие «конституционные ценности»

сегодня становится одним из опорных для юридической науки. Оно тесно связано с признанием особой роли ценностных установок в правовом поведении людей, формировании их гражданской позиции. Поэтому изучение конституционного права не может сводиться только к ознакомлению с нормами Основного Закона и институциональной архитектурой государства. На первый план выходит мировоззренческое значение Конституции, восприятие ее ценностного содержания как одного из ключевых элементов гражданской идентичности.

Следует также отметить, что важнейшие новации закрепляются сегодня не только в практике преподавания права. Вся российская образовательная система находится в состоянии активного реформирования. Во главу угла ставится и повышение эффективности процесса обучения, и необходимость перехода на совершенно новый уровень решения воспитательных задач. Значительно усиливается роль тех элементов образовательного пространства, которые сопряжены с социализацией подрастающего поколения, формированием у подростков и молодежи активной жизненной позиции, четких мировоззренческих ориентиров, правосознания, гражданской идентичности.

Целью данного исследования является раскрытие роли конституционно-правовой социализации, в том числе формирования конституционного правосознания и конституционной идентичности, в системе патриотического воспитания современной студенческой молодежи. Реализация такой цели предполагает выявление специфики воспитательной работы как компонента образовательного процесса в современном университете и соотнесение ее с задачами патриотического воспитания и социализации студенческой молодежи, раскрытие роли правового образования в системе воспитательной работы, обоснование взаимосвязи правовой грамотности, гражданской компетентности и ценностного самоопределения как основы формирования конституционного правосознания и конституционной идентичности студенческой молодежи, определение на этой основе роли патриотического воспитания в системе правовой социализации. Решение этих задач позволяет не только раскрыть потенциал когнитивной педагогики в системе правового образования, но и показать взаимосвязь новейших тенденций в развитии правового образования с аксиологической спецификой современного российского конституционализма.

Подходы к решению поставленной проблемы, степень научной разработанности

Тема патриотического воспитания является чрезвычайно востребованной в современных условиях. Этому интересу способствует специфика общественно-политического дискурса, сформировавшегося за последние годы и отраженного в новейших нормативных требованиях к образовательным программам всех уровней. При этом педагогическая парадигма воспитательной работы

по-прежнему остается предметом дискуссий, и в ее развитии прослеживаются весьма разнонаправленные подходы.

Постсоветский синдром, который российская школа испытала в 1990-х годах, выразился в вымывании самого термина «воспитание» из педагогического лексикона и переориентации школы на чистое обучение [3, с. 5]. Сегодня этот подход диссонирует с логикой развития образовательного пространства, однако сохраняет немало сторонников в педагогическом сообществе. Он коррелирует с позитивистской эпистемологией и подразумевает, что процесс освоения системы научных знаний сам по себе оказывает достаточное воспитательное и развивающее воздействие на личность обучающегося. В системе правового образования сохранению такого подхода способствуют прочные методологические традиции юридического позитивизма. Тем острее встает проблема активизации воспитательной работы в этой сфере.

Рост интереса к вопросам гражданского воспитания проявился с рубежа 1990–2000-х годов. В значительной степени это было связано с закреплением парадигмы лично ориентированной педагогики, провозглашением императива общечеловеческих ценностей, многогранными тенденциями гуманизации школы. Показательно, что сквозь призму соответствующих воспитательных задач начали рассматриваться и приоритеты предметной подготовки. Как отмечала по этому поводу автор диссертационного исследования Г. Я. Гревцова, «моделируя процесс воспитания гражданственности средствами общественных дисциплин, мы исходили из учета потребностей юных граждан быть свободными членами общества, подготовленными к жизни в условиях рыночных отношений, конкуренции, политического и идеологического плюрализма» [2, с. 14]. Эта характеристика емко раскрывает направленность образования на социализацию подрастающего поколения в условиях рыночной модернизации общества, открытости информационно-коммуникативного пространства, разнообразных проявлений глобализации, но она же показывает и фокус той критики, которой подверглась либеральная модель развития школы. Именно в русле такой критики начал использоваться концепт «патриотическое воспитание». В итоге сложилась ситуация, когда при обсуждении проблем гражданского воспитания проявились два подхода, диссонирующих друг с другом: один из них ассоциировался с либеральным (глобалистским) мейнстримом образовательной политики, а другой позиционировался как патриотический, ориентированный на воспитание гражданина, осознающего ответственность перед Родиной и разделяющего нравственные ценности своего народа.

Восприятие проблем гражданского воспитания сквозь призму противопоставления либерального и патриотического подходов соответствовало контексту общественных настроений и политической повестки второй половины 2010-х – начала 2020-х годов. В то же время необходимо отметить, что выявление задач патриотического воспитания в противовес либеральным тенденциям не вполне раскрывает его потенциал и содержательные основы. Это наглядно

проявляется при проектировании программ патриотического воспитания в таких предметных областях, как право. Например, нарочитое противопоставление либерального императива прав, свобод и достоинства человеческой личности и патриотической установки на верховенство общественных интересов и лояльность по отношению к государству не только контрпродуктивно в педагогическом плане, но и прямо противоречит нормам Конституции РФ. Важным примером отказа от такого искусственного противопоставления является Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 9 ноября 2022 года, в котором, наряду с патриотизмом и гражданственностью, к традиционным ценностям русского народа отнесены жизнь, достоинство, права и свободы человека, служение Отечеству, ответственность за его судьбу [7]. И не случайно, что, рассуждая о задачах воспитательной работы, президент В. В. Путин указывал на необходимость решать их «и в рамках общечеловеческих ценностей, и в рамках патриотизма», оговаривая, что речь идет о патриотизме «в хорошем смысле слова, не квасном, а широком с гуманитарной точки зрения, основательном»¹.

Научная гипотеза данного исследования исходит из представления о том, что продуктивное развитие системы патриотического воспитания требует не столько идейно-политического, сколько научно-методологического обоснования. Так, для области правового образования ключевое значение имеет синтез проблемных полей и методологических установок конституционно-правовой аксиологии и когнитивной педагогики. В парадигмальном плане такой синтез сопряжен с социальным конструктивизмом, то есть восприятием любых форм социокультурной самоидентификации человека как результата его рефлексивной активности и творческой интерпретации окружающего мира, формированием я-концепции на основе знаково-символических образов и в ходе интенсивных коммуникаций. Такой поход заставляет признать, что патриотическое воспитание не сводится к закреплению неких правильных идеологических императивов. Патриотизм — это, прежде всего, активная жизненная позиция человека, понимание неразрывной связи своей личной истории с историей своего народа, своего будущего — с развитием своей страны. Формирование такой позиции связано с когнитивным развитием личности, а не только с усвоением правил социального общежития. В ходе такого развития поведенческие паттерны и мотивационные установки превращаются в устойчивые личностные структуры и мировоззренческие императивы, то есть закрепляются на ценностном уровне. Этот процесс мы рассматриваем как основу патриотического воспитания.

¹ Путин призвал воспитывать «не квасной» патриотизм через видеоигры [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/19/07/2023/64b7e0d09a7947797a852fd4> (дата обращения: 13.07.2023).

Исследовательская часть

Воспитательная работа, наряду с обучающим и развивающим компонентами, является неотъемлемой частью образовательного процесса. Ее статус и целевые установки закреплены в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» [8], Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 года [6], а также во ФГОС по всем направлениям подготовки. Проектирование программ воспитательной работы сопряжено со спецификой уровней и профилей образования, отражает особенности конкретных образовательных учреждений, но их содержательная основа стала в последние годы вполне унифицированной. В соответствии с существующей нормативной базой воспитание определяется как «деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся», то есть рассматривается в контексте личностно ориентированной педагогической парадигмы, но с учетом приоритетной роли всесторонней интеграции подрастающего поколения в историко-культурное пространство российской нации. В ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» закреплена направленность воспитательной работы на формирование чувства патриотизма и гражданственности, а ее основой провозглашаются «социокультурные, духовно-нравственные ценности и принятые в российском обществе правила и нормы поведения в интересах человека, семьи, общества и государства» [8].

Названные приоритеты воспитательной работы показывают существенное изменение общепедагогической парадигмы российского образования — на смену мультикультурной модели открытого образования приходит стратегия суверенного образования, частью которой является императив традиционных ценностей. В сфере высшего образования наглядным примером этой тенденции стал выход России из Болонского процесса. Показательно также, что после внесения изменений в ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» в 2020 году существенно возросла роль воспитательной работы со студенческой молодежью, а лейтмотивом ее содержания стали положения Указа Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [7]. В числе этих нововведений важное место занимает внедрение в образовательный процесс обязательной для всех направлений подготовки дисциплины «Основы российской государственности», ориентированной на «формирование у обучающихся ценностей, правил и норм поведения, связанных с осознанием принадлежности к российскому обществу, развитием чувства патриотизма и гражданственности»².

² О направлении проекта концепции модуля: письмо Минобрнауки России от 21 апреля 2023 года № МН-11/1516-ПК [Электронный ресурс]. URL: <https://ok.ru/informi/topic/155476200921896> (дата обращения: 13.07.2023).

Столь заметная активизация и содержательная трансформация воспитательной работы заставляют с особым вниманием отнестись к вопросам ее дидактического и организационно-педагогического обеспечения. Под влиянием сложившегося в последние годы общественно-политического дискурса воспитательная работа воспринимается как фактор обеспечения национальной безопасности и противодействия деструктивным идеологиям (как охарактеризованы в президентском указе от 09 ноября 2022 года явления, «ведущие к насаждению чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей» [7]). Значимость такого подхода в существующих условиях очевидна. Однако его практическая реализация может закрепить направленность воспитательной работы на формирование бинарного социального мышления с жестким противопоставлением «правильных» и «неправильных» ценностей, мотивов, культурных явлений. В качестве отдельного метода воспитательного воздействия такая практика достаточно эффективна. Например, бинарные образы товарищества и одиночества, творчества и безделья, здорового образа жизни и пагубных увлечений имеют важнейшее мировоззренческое значение. Однако в мотивационном плане такие образы действуют скорее от обратного и сами по себе не формируют целостную основу для самоопределения подростков и молодых людей. Так, например, в системе правового воспитания бинарная оппозиция категорий законности и беззакония выполняет очень важную знаково-символическую функцию, но не может сформировать осознанное, ценностно ориентированное отношение к праву. Показательно с этой точки зрения, что в концепции дисциплины «Основы российской государственности» лейтмотивом является не столько борьба с деструктивными идеологиями, сколько установка на «формирование духовно-нравственного и культурного фундамента развитой и цельной личности»³. Именно такой подход продуктивен с психолого-педагогической точки зрения. Однако и при его практической реализации возникают сложности. Например, как преодолеть грань между ознакомлением и осознанием при обсуждении особенностей исторического пути российского государства? И как трансформировать осознание в устойчивую ценностную ориентацию и действенные мотивационные установки? Подобные вопросы носят отнюдь не риторический характер, как свидетельствует неоднозначный опыт внедрения в образовательный процесс формата «Разговоры о важном» [1]. Очевидно, что превращение воспитательных мероприятий и дисциплин в аналог просветительных лекториев и морализаторских бесед резко снижает их эффективность. В основе этой тенденции лежит позитивистское представление о том, что трансляция той или иной, условно говоря, правильной информации сама по себе обеспечивает личностное развитие обучающихся в необходимом направлении, что является спорным не только с методологической точки зрения, но и с учетом избыточного и разнонаправленного информационного контекста, в котором происходит социализация современной молодежи.

³ Там же.

Преодоление указанных рисков возможно при проектировании системы воспитательной работы на основе принципов когнитивной педагогики. Эта парадигма опирается на представление о личностном развитии человека как формировании его собственной культуры понимания мира, что включает и соответствующие инструментальные навыки, и опыт разнообразных форм перцепции, и рефлексивное самосознание. Помимо освоения тех или иных знаний и умений, когнитивное обучение в приоритетном порядке направлено на творческое освоение различных способов восприятия окружающей реальности, стимулирование личностной самоидентификации и репрезентации обучающихся в контексте формируемой картины мира, интерактивное взаимодействие с окружающими акторами, которое становится ключевым ресурсом такой самоидентификации и репрезентации.

Внедрение принципов когнитивной педагогики в воспитательный процесс позволяет решить самые острые проблемы, возникающие в этой сфере. Во-первых, появляется возможность преодолеть дистанцию между обучением и воспитанием, что особенно важно для университетской образовательной среды. Не секрет, что традиции высшей школы как системы профессионального образования подразумевают безусловный приоритет предметной подготовки и прагматичное представление о практической направленности процесса обучения. Отсюда и весьма распространенный нигилизм преподавателей в отношении их участия в воспитательной работе, и риски превращения воспитательной работы во вспомогательный, по сути, факультативный компонент образовательных программ. Однако реализация воспитательной работы на принципах когнитивной педагогики позволяет решать ее задачи именно через предметную подготовку, усиливая при этом компетентностную направленность всего образовательного процесса. Во-вторых, дидактические модели, используемые в рамках когнитивной педагогики, придают образовательному процессу ярко выраженный деятельностный характер, обеспечивают тесную взаимосвязь обучения с социальным опытом и эрудицией обучающихся, активизируют их познавательные интересы. Так преодолевается риск превращения занятий, связанных с решением воспитательных задач, в лекции о важном, создаются реальные условия для превращения воспитательной работы в основу саморазвития и социализации обучающихся. И, наконец, в-третьих, такая педагогическая модель в полной мере позволяет реализовать аксиологический компонент воспитательных программ. Один из наиболее сложных вопросов формирования таких ценностных ориентаций, как патриотизм, заключается в поиске баланса между трансляцией нравственных императивов и установкой на формирование критического мышления, обеспечение свободы совести и убеждений, толерантное отношение к мировоззренческому выбору обучающихся. Нарушение этого баланса не только угрожает превратить воспитательную работу в морализаторство, но и прямо противоречит базисным принципам педагогического взаимодействия, конституционным правам обучающихся и педагогов.

Примером продуктивного решения задач воспитательной работы на основе принципов когнитивной педагогики является использование конституционного компонента правового образования для патриотического воспитания студенческой молодежи. При этом важно подчеркнуть, что речь идет не только о системе высшего юридического образования. Так, например, в рамках новой общеобязательной дисциплины «Основы российской государственности» конституционная проблематика занимает особое место. При этом существует устойчивая традиция изучения основ конституционного строя как ознакомления с перечнем закрепленных в Основном Законе прав человека и гражданина, а также с особенностями государственного устройства Российской Федерации. Соответствующие знания, безусловно, важны для социально-правовой эрудиции каждого гражданина, однако сами по себе они не являются достаточной основой для развития правосознания подрастающего поколения. Более того, формальное изучение конституционного права как совокупности норм, далеких от реальности, приносит обратный педагогический эффект, в том числе провоцирует правовой нигилизм и социальный пессимизм.

Для преодоления таких рисков необходимо рассматривать освоение конституционно-правового компонента образовательных программ как важную часть процесса формирования социальных компетенций обучающихся. Квинтэссенцией этой подготовки является гражданская компетентность, то есть осознанная и мотивированная готовность к участию в жизни своей страны, своего города, своей семьи. Использование в данном случае понятия «компетентность» подчеркивает тот факт, что гражданин должен обладать не только знаниями и умениями, важными для успешной социализации, но и активной жизненной позицией, умением соотносить свои мотивационные установки с позицией и интересами окружающих, исходить из реальных условий социального взаимодействия и специфики правового поля, обладать соответствующим опытом практической деятельности. Не умозрительные моральные максимы, а именно компетентность такого рода становится основой для прочной ценностной ориентации личности. Например, в рамках воспитания патриотизма такой подход подразумевает не столько стимулирование чувственных реакций любви к Родине или закрепление априорной лояльности к своему государству, сколько компетентное формирование своего личного жизненного пространства на основе неразрывной взаимосвязи локаций «человек – семья – общество – государство – страна». И сам патриотизм при таком подходе может рассматриваться как целостное социальное кредо человека, а не только чувство принадлежности или уважения.

Установка на формирование гражданской компетентности заставляет видеть в особом ключе задачи правового образования. Само право начинает рассматриваться не в качестве юридически закрепленных предписаний, а как особый интегратор самых разнообразных социальных практик, неразрывно связанный с гражданским активизмом, заинтересованностью людей в продуктивном социальном взаимодействии, их личностной интеграцией в пространство такого взаимодействия. Как следствие, ключевым фактором развития

правосознания выступает не столько изучение законов, сколько формирование ценностных установок, отражающих социальный и нравственный консенсус, лежащий в основе правового пространства нашего общества. Символом этого консенсуса и является Конституция. Причем не только конкретные ее нормы и положения, но и сам образ Конституции, ее знаково-символическое пространство, системы смыслов и эстетика Основного Закона. Не случайно, что в последнее время популярность приобретает понятие «живая конституция», отражающее не формально-юридические, а аксиологические и герменевтические аспекты конституционной культуры [4, с. 22–24]. Соответственно, любые конституционные нормы при таком подходе воспринимаются как модели социального взаимодействия, имеющие ценностное значение, а сама категория «конституционные ценности» характеризует не только доктринальные принципы конституционной системы, но и социально значимые мотивационные и поведенческие установки, их символические образы. Отсюда и чрезвычайно важное понятие «конституционная идентичность», которое отчасти сопряжено с конституционным правосознанием, но по своей сути существенно шире, чем позитивное восприятие конституционных норм или трансляция на себя комплекса прав и обязанностей гражданина. Конституционная идентичность человека — это та часть его я-концепции, которая неразрывно связана с интеграцией в национальное сообщество и принятием системно значимых для этого сообщества социальных ролей и ценностей, в том числе той «сконструированной реальности», которой является правопорядок [5, с. 20]. Поэтому формирование конституционной идентичности можно рассматривать как основу патриотического воспитания, а патриотическое воспитание — как неотъемлемый компонент правовой социализации.

Как реализовать такую педагогическую модель на практике? В университетской аудитории обучающие должны получить как минимум опорные знания, позволяющие обеспечить должный уровень правовой грамотности. Но ключевую роль играет использование интерактивных форм обучения. Дискуссия, дебаты, проблемно-ориентированные эссе, игровые формы, кейсы и кейсы, содержание которых соединяет конституционно-правовую проблематику с актуальными триггерами и реальным жизненным опытом обучающихся, их социальной эрудицией, ценностной рефлексией, становятся не формой приобретения правовых знаний, а школой гражданского взаимодействия, источником опыта личностной репрезентации в конституционном пространстве, которое реконструируется с помощью этих средств обучения.

Таким образом, изучение «живой конституции» должно быть живым педагогическим процессом. Поэтому процесс познания конституционного права очень важно вывести и за пределы аудитории, и за рамки образовательных программ. Например, опыт участия в волонтерской деятельности позволит перейти от изучения норм о социальной солидарности к пониманию их смысла и формированию соответствующих ценностных установок. Участие в исторических реконструкциях или таких движениях, как «Бессмертный полк»,

заставит совершенно по-особому отнестись к конституционной норме о защите исторической памяти. Конституционная новелла о семье как союзе мужчины и женщины может стать основой целого кинолектория или программы киноклуба. Литературный вечер «Русский язык и российская цивилизация» позволит сформировать важнейшие символические образы, показывающие смысл нормативного определения русского языка как государствообразующего. Именно на такой основе и может происходить формирование конституционного правосознания как важнейшего элемента гражданской компетенции. Патриотическое воспитание в рамках такой педагогической модели перестает быть отдельным компонентом наряду с трудовым, экологическим, семейным или эстетическим — оно превращается в общий знаменатель и лейтмотив всей воспитательной работы.

Заключение

В современной России перед научно-педагогическим сообществом стоит сложная задача обеспечить переход от мультикультурной модели открытого образования к стратегии суверенного образования, отвечающей историко-культурной специфике российского общества и актуальным тенденциям его развития. Особое внимание в рамках этого процесса уделяется активизации воспитательной работы, обновлению ее содержательных, дидактических и организационно-педагогических основ. Эффективность воспитательного воздействия на студенческую молодежь во многом зависит от интеграции программ воспитательной работы с предметной подготовкой на основе принципов когнитивной педагогики, усиления компетентностной направленности образовательного процесса. Так, особое значение для патриотического воспитания приобретает использование конституционного компонента правового образования. Аксиологические и герменевтические аспекты изучения Конституции как пространства ценностной консолидации общества, формирование на этой основе конституционной культуры личности могут стать драйвером процесса формирования социальных компетенций обучающихся, в том числе гражданской компетентности как осознанной и мотивированной готовности к участию в жизни семьи, района, города и страны. При таком подходе основой патриотического воспитания становится формирование конституционной идентичности, а само патриотическое воспитание выступает необходимым компонентом правовой социализации.

Список источников

1. «Разговоры о важном»: что думают старшеклассники о диалоге с учителем о традиционных российских ценностях? / Т. П. Афанасьева [и др.] // Отечественная и зарубежная педагогика. 2023. Т. 1, № 3 (93). С. 7–28.
2. Гревцова Г. Я. Воспитание гражданственности у старшеклассников средствами общественных дисциплин: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.06. Челябинск, 1998. 26 с.

3. Караковский В. А. Статья человеком: общечеловеческие ценности целостного учебно-воспитательного процесса. М.: Творческая педагогика, 1993. 80 с.

4. Ланг П. П. Аксиологические основы юридической герменевтики // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2021. № 1 (41). С. 20–86.

5. Медушевская Н. Ф., Баранова О. В. Факторы развития основных элементов правовой системы общества // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2019. № 3 (35). С. 18–25.

6. Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 29 мая 2015 года. № 996-р // Российская газета. 2015. № 122.

7. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ президента Российской Федерации от 09 ноября 2022 года // Собрание законодательства РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

8. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

References

1. «Razgovory` o vazhnom»: chto dumayut starsheklassniki o dialoge s uchitelem o tradicionny`x rossijskix cennostyax? / Т. Р. Afanas`eva [i dr.] // Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika. 2023. Т. 1, № 3 (93). С. 7–28.

2. Grevczova G. Ya. Vospitanie grazhdanstvennosti u starsheklassnikov sredstvami obshhestvenny`x disciplin: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.06. Chelyabinsk, 1998. 26 s.

3. Karakovskij V. A. Stat` chelovekom: obshhechelovecheskie cennosti celostnogo uchebno-vospitatel`nogo processa. M.: Tvorcheskaya pedagogika, 1993. 80 s.

4. Lang P. P. Aksiologicheskie osnovy` yuridicheskoy germenevtiki // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2021. № 1 (41). S. 20–86.

5. Medushevskaya N. F., Baranova O. V. Faktory` razvitiya osnovny`x e`lementov pravovoj sistemy` obshhestva // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2019. № 3 (35). S. 1825.

6. Ob utverzhdenii Strategii razvitiya vospitaniya v Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda: rasporyazhenie Pravitel`stva RF ot 29 maya 2015 goda № 996-r // Rossijskaya gazeta. 2015. № 122.

7. Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki po soxraneniyu i ukrepleniyu tradicionny`x rossijskix duxovno-nravstvenny`x cennostej: ukaz prezidenta Rossijskoj Federacii ot 09 noyabrya 2022 goda // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2022. № 46. St. 7977.

8. Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii: Federal`ny`j zakon ot 29 dek. 2012 goda № 273-FZ // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2012. № 53 (ch. 1). St. 7598.

Статья поступила в редакцию: 20.07.2023;
одобрена после рецензирования: 25.07.2023;
принята к публикации: 04.08.2023.

The article was submitted: 20.07.2023;
approved after reviewing: 25.07.2023;
accepted for publication: 04.08.2023.

УДК 343.98.068

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.52.4.07

О. А. Зайцев

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация,
crim@izak.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8706-903X>

С. Л. Нудель

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация,
crim@izak.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6699-5694>

О. И. Семькина

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация,
crim@izak.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9063-8750>

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НА ОБЪЕКТАХ ТРАНСПОРТНОГО КОМПЛЕКСА (НА ПРИМЕРЕ ОПЫТА ЮРИСДИКЦИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН)

Аннотация. Цель настоящей работы — выявление наиболее перспективных направлений организации расследования экономических преступлений на объектах транспортного комплекса на основе изучения опыта юрисдикции современных зарубежных стран. Задачи исследования: определение специфики законодательства отдельных государств, содержащего механизмы обеспечения экономической безопасности транспортных систем; освещение результатов научных исследований, проводимых в рамках поднимаемой проблематики; обоснование мер, направленных на совершенствование организации расследования экономических преступлений на объектах транспортного комплекса. Методами исследования являются: диалектический метод познания, абстрагирование, анализ и синтез, специально-юридические методы. В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу, что для Российской Федерации наиболее приемлем зонально-линейный принцип организации расследования экономических преступлений на объектах транспортного комплекса. Реализация данного принципа позволит более эффективно осуществлять управление, планирование, координацию работы всех служб и подразделений, задействованных в расследовании рассматриваемых общественно опасных деяний.

Ключевые слова: экономическая безопасность; экономические преступления; транспортный комплекс; организация расследования; преступления в сфере транспорта.

UDC 343.98.068

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.52.4.07

O. A. Zaytsev

Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation,
crim@izak.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8706-903X>

S. L. Nudel

Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation,
crim@izak.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6699-5694>

O. I. Semykina

Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation,
crim@izak.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9063-8750>

FEATURES OF THE INVESTIGATION OF ECONOMIC CRIMES AT THE FACILITIES OF THE TRANSPORT COMPLEX (BASED ON THE EXPERIENCE OF THE JURISDICTION OF FOREIGN COUNTRIES)

Abstract. The purpose of this work is to identify the most acceptable ways of organizing the investigation of economic crimes at the facilities of the transport complex based on the study of the experience of the jurisdiction of modern foreign countries. Research objectives: to determine the specifics of the legislation of individual states containing mechanisms for ensuring the economic security of transport systems; coverage of the results of scientific research conducted within the framework of the raised issues; justification of measures aimed at improving the organization of the investigation of economic crimes at the objects of the transport complex. The research methods were the dialectical method of cognition, general scientific methods of analysis and synthesis, abstraction, special legal methods. As a result of the conducted research, the authors come to the conclusion that the zonal-linear principle of organizing the investigation of economic crimes at the objects of the transport complex is more acceptable for the Russian Federation. The implementation of this principle will make it possible to more effectively manage, plan, coordinate the work of all services and departments involved in the investigation of socially dangerous acts under consideration.

Keywords: economic security; economic crimes; transport complex; organization of investigation; crimes in the field of transport.

Введение

В настоящее время в Российской Федерации происходят сложные социально-экономические преобразования, связанные с применением различных инструментов воздействия со стороны США и Евросоюза и других недружественных стран, появлением новых угроз и вызовов, ранее не прогнозируемых в основных документах стратегического планирования [11].

Экономическая безопасность российского государства служит одним из основных национальных приоритетов, концентрирующих основные ресурсы государственных органов и институтов гражданского общества¹. Неслучайно в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года среди ключевых факторов угроз и рисков, оказывающих противоправное воздействие на экономические институты, указано наличие значительной доли теневой экономики; высокий уровень коррупции и криминализации².

Одной из основополагающих отраслей экономики и неотъемлемой частью производственной и социальной инфраструктуры является транспортный комплекс³, обеспечивающий важнейшие сферы жизнедеятельности российского государства. Географические особенности нашей страны определяют приоритетную роль транспортной системы в развитии конкурентных преимуществ государства с точки зрения реализации ее транзитного потенциала. Различного рода санкции и ограничения, принятые в последние годы в отношении Российской Федерации, привели к значительным изменениям в транспортном сообщении с недружественными странами, вынужденному пересмотру логистических путей, обеспечивающих безопасность перевозки и сохранность груза.

Объекты транспортного комплекса подвергаются самым различным вызовам и рискам, включая атаки со стороны киберпреступности, угрозы взрыва, диверсии, захвата объекта транспорта и др. Анализ статистических данных свидетельствует о росте количества преступлений, которые наносят вред экономической безопасности транспортного комплекса. Так, в 2022 году, по данным Главного информационно-аналитического центра Министерства внутренних дел Российской Федерации (ГИАЦ МВД России), в сфере транспорта было совершено 34 937 преступлений (-4,1 % к аналогичному периоду предыдущего года, АППГ), в том числе 5361 экономической направленности (+0,4 % к АППГ) и 2546 коррупционной направленности (+11,3 % к АППГ), а также 1527 краж грузов на транспорте (-1,6 % к АППГ). При этом уровень раскрываемости

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02 июля 2021 года № 400.

² О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 года № 208.

³ Транспортную инфраструктуру составляют наземные, водные и воздушные пути сообщения, трубопроводы, железнодорожные станции, аэропорты, аэродромы, морские и речные порты, транспортные терминалы, транспортные развязки, а также иные сооружения транспортного комплекса.

преступлений данного вида составляет 65,3 % (+1,3 % к АППГ), что традиционно существенно превосходит общий показатель раскрываемости (53,4 %) всех зарегистрированных в 2022 году преступлений.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью совершенствования деятельности правоохранительных органов по организации расследования преступлений, совершаемых на объектах транспортного комплекса. Данные противоправные деяния характеризуются высокой степенью общественной опасности, причем большинство из них может стать причиной значительного имущественного ущерба, а также массовой гибели людей.

Степень научной разработанности темы

Проблеме расследования экономических преступлений на объектах транспортного комплекса на современном этапе в юридической литературе уделяется немало внимания. Отдельные авторы исследовали многообразные криминалистические категории общественно опасных деяний на объектах транспорта и транспортной инфраструктуры [5; 6]. Другие ученые сделали акцент на изучении содержания криминалистической методики расследования экономических преступлений, совершенных на железнодорожном транспорте [1; 12–14;]. Разработка данных вопросов невозможна в отрыве от анализа аспектов природы транспортной преступности и специфики ее уголовно-правовой оценки [4; 7; 10]. Однако ученые-исследователи в меньшей степени обращались к опыту расследования экономических преступлений на объектах транспортного комплекса, имеющемуся в других странах.

Исследовательская часть

В Российской Федерации правоохранительная деятельность, направленная на обеспечение безопасности транспортного комплекса, характеризуется рядом специфических черт. В частности, в составе МВД функционирует Главное управление на транспорте (далее — ГУ на транспорте), осуществляющее организацию деятельности органов внутренних дел на всех видах транспорта, а также координирующее их работу, направленную на обеспечение безопасности населения.

На ГУ на транспорте возлагается также организация производства дознания по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия необязательно; неотложных следственных действий по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, отнесенных к подследственности органов внутренних дел⁴. Кроме того, предварительное

⁴ См.: Об утверждении Положения о Главном управлении на транспорте Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 16 июня 2011 года № 680.

расследование уголовных дел осуществляется следственными подразделениями на транспорте МВД России по федеральным округам, а также следственными управлениями и отделами линейных управлений (отделов) МВД России⁵.

С учетом заявленной цели исследования сосредоточим внимание на особенностях организации расследования экономических преступлений на объектах транспортного комплекса в ряде современных зарубежных государств.

Несомненный научный интерес в области расследования экономических преступлений на объектах транспортного комплекса представляет опыт **Соединенных Штатов Америки**, где расследование практически всех видов преступлений находится в ведении Федерального бюро расследований (*англ.* Federal Bureau of Investigation, FBI). Однако расследованием ряда опасных преступлений против транспортной безопасности занимается также Управление по транспортной безопасности (*англ.* Transportation Security Administration, TSA⁶), входящее в состав Министерства внутренней безопасности (*англ.* Department of Homeland Security, DHS).

Кроме того, в Министерстве внутренней безопасности США также создан межведомственный Совет по надзору за транспортной безопасностью (*англ.* Transportation Security Oversight Board), в состав которого входят министры федеральных министерств США (внутренней безопасности, транспорта, обороны, финансов), генеральный атторней, директор Национальной разведки или назначенные ими лица, а также назначенный президентом представитель Совета национальной безопасности⁷.

Цели государственной политики США в сфере защиты объектов транспортного комплекса сформулированы в Стратегическом плане Министерства внутренней безопасности США на 2020–2024 годы (*англ.* Department of Homeland Security's Strategic Plan for Fiscal Years 2020–2024⁸). Согласно этому документу Министерство внутренней безопасности США активно внедряет инновационные технологии для обнаружения и усиления проверки личности с помощью биометрических и биографических методов и технологий, активно сотрудничает с международными партнерами для повышения стандартов транспортной безопасности в целом и безопасности международных авиаперевозок в частности⁹.

Полномочия по расследованию отдельных видов федеральных преступлений, которые совершены на объектах транспортного комплекса, возложены

⁵ О мерах по совершенствованию организации предварительного следствия в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 23 ноября 1998 года № 1422.

⁶ URL: <https://www.tsa.gov/> (дата обращения: 10.04.2023).

⁷ Подробнее см.: 49 U.S. Code § 115 — Transportation Security Oversight Board [Electronic resource]. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/49/115> (дата обращения: 10.04.2023).

⁸ URL: <https://www.dhs.gov/publication/department-homeland-securitys-strategic-plan-fiscal-years-2020-2024> (дата обращения: 10.04.2023).

⁹ См.: U.S. Department of Commerce's 2018–2022 Strategic Plan [Electronic resource]. URL: https://2017-2021.commerce.gov/sites/commerce.gov/files/us_department_of_commerce_2018-2022_strategic_plan.pdf (дата обращения: 10.04.2023).

на Управление по транспортной безопасности. Управление, созданное после террористических нападений 11 сентября 2001 году в соответствии с законом «О транспортной безопасности» (*англ.* Aviation and Transportation Security Act¹⁰) в целях предотвращения угроз терроризма, сегодня является единой федеральной службой, ответственной за безопасность транспортных систем США, передвижения граждан и осуществления торговли. Оно взаимодействует с федеральными и региональными правоохранительными органами, выполняет задачу организации безопасности всех видов транспорта и имеет в своем ведении большинство федеральных программ в сфере безопасности, осуществляет контроль над службами безопасности аэропортов, объектов железнодорожного и автобусного сообщения, метро, трубопроводов и портов¹¹.

Глава Управления по транспортной безопасности вправе наделить служащего одного из своих подразделений полномочиями по производству ареста без ордера за любое совершенное или готовящееся преступление против Соединенных Штатов, разрешить запрашивать и исполнять ордера на арест или изъятие доказательств, выданные властями США.

Опираясь на децентрализованный принцип построения системы правоохранительных органов США, каждый из штатов располагает своей системой полицейских органов. Например, отдельные штаты располагают обособленными авиационными полицейскими подразделениями [8, с. 75–77].

Вместе с тем основная нагрузка в области правоохранительной деятельности ложится именно на правоохранительные органы штатов, которые обладают полномочиями в сфере расследования преступлений, предотвращения преступной деятельности и пресечения уже инициированного преступного посягательства, защиты объектов жизнеобеспечения и некоторых объектов государственного значения, оказания помощи населению при возникновении чрезвычайных ситуаций и угроз общественной безопасности.

Следует отметить, что в США повышенное внимание уделяется вопросам обеспечения безопасности на железнодорожном транспорте, которыми занимаются органы полиции в рамках предписаний, установленных Федеральным законом «О борьбе с преступностью» 1990 года.¹² Согласно данному нормативному правовому акту сотрудник железнодорожной полиции наделен значительными полномочиями, связанными с обеспечением защиты физических и юридических лиц от преступных посягательств, включая возможность проведения им полицейского расследования.

В сравнительно-правовом ключе интересен, на первый взгляд, сходный с США опыт **Великобритании**. В этой стране компетенция рассмотрения

¹⁰ URL: https://www.tsa.gov/sites/default/files/aviation_and_transportation_security_act_atsa_public_law_107_1771.pdf (дата обращения: 10.04.2023).

¹¹ Подробнее полномочия Управления по транспортной безопасности см.: 49 U.S. Code — § 114 — Transportation Security Administration [Electronic resource]. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/49/114> (дата обращения: 12.04.2023).

¹² URL: <https://www.congress.gov/bill/101st-congress/senate-bill/3266> (дата обращения: 10.04.2023).

транспортных правонарушений распределена между двумя типами полицейских служб:

– полицейскими службами, имеющими смешанную природу, к сфере деятельности которых относится охрана определенных мест или видов деятельности, таких как порты, парки и железные дороги (например, Британское управление транспортной полиции);

– специальными полицейскими силами (в частности, Полиция Министерства обороны) и антитеррористическими подразделениями (например, Юго-Восточная контртеррористическая полиция¹³).

К компетенции Британской транспортной полиции¹⁴, которая выступает в качестве ключевого звена в обеспечении транспортной безопасности, относится организация взаимодействия с территориальными полицейскими структурами, в том числе и в части расследования случаев совершения преступлений на объектах транспортного комплекса [9, с. 86–105].

К правовой базе, регламентирующей в Великобритании деятельность транспортной полиции по расследованию экономических транспортных преступлений, следует отнести такие нормативные правовые акты, как законы «О полиции и доказательствах по уголовным делам»¹⁵, «О серьезной организованной преступности и полиции»¹⁶, «Об уголовном судопроизводстве и публичном порядке»¹⁷ и др.

Отметим, что в основе организации систем обеспечения транспортной безопасности Великобритании и США лежит децентрализованный принцип их построения. Однако, в отличие от Великобритании, практически каждая национальная транспортная корпорация в США учреждает свои полицейские силы (полицейские департаменты), деятельность которых регламентируется законодательством штатов, в которых работает соответствующая корпорация. Кроме того, в США правоохранительная система обеспечения транспортной безопасности построена на профессиональной полицейской основе и, таким образом, не использует (как это имеет место быть в британской юрисдикции) вспомогательные подразделения полиции (специальных констеблей).

В **Германии** расследование уголовных дел, выдвижение и поддержание публичного обвинения, обращение приговора суда к исполнению (за исключением дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними) отнесены к ведению органов прокуратуры, представляющих собой нелинейную децентрализованную систему независимых государственных органов, образованных

¹³ URL: <https://www.counterterrorism.police.uk/southeast/> (дата обращения: 14.04.2023).

¹⁴ URL: <https://www.btp.police.uk/> (дата обращения: 14.04.2023).

¹⁵ The Police and Criminal Evidence Act 1984 [Electronic resource]. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1984/60/contents> (дата обращения: 14.04.2023).

¹⁶ The Serious Organised Crime and Police Act 2005 [Electronic resource]. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2005/15> (дата обращения: 14.04.2023).

¹⁷ The Criminal Justice and Public Order Act 1994 [Electronic resource]. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1994/33> (дата обращения: 14.04.2023).

при судах различных инстанций с учетом административно-территориального деления государства (Закон ФРГ «О судеустройстве», *нем.* Gerichtsverfassungsgesetz¹⁸). Не образуя самостоятельной системы, органы прокуратуры в Германии находятся под общим руководством министра юстиции ФРГ и соответствующих земельных министров юстиции [3].

В соответствии с Руководством по уголовному судопроизводству и производству по делам об административных правонарушениях (*нем.* Richtlinien für das Strafverfahren und das Bußgeldverfahren, RiStBV) прокурор должен сам выяснять обстоятельства дела в важных или юридически и фактически сложных случаях, а именно самостоятельно выезжать на место преступления, самостоятельно допрашивать обвиняемого и наиболее важных свидетелей (пункт 3). Данное требование распространяется и на те случаи, когда преступление совершается на транспорте.

Так, согласно пунктам 243–244 RiStBV государственный обвинитель при необходимости (см. пункт 3) сам проводит расследование, осматривает место преступления, собирает улики и консультируется с подходящим экспертом на ранней стадии — обычно во время осмотра места преступления, — если это необходимо для оценки технических вопросов, в сложных делах о дорожном правонарушении, в том числе связанном с посягательством на транспортную безопасность. В таких делах прокурор, в зависимости от места совершения преступления, коммуницирует с местным отделением Федерального управления железных дорог; с компетентным надзорным органом по эксплуатации других железных дорог или подвесных железных дорог; с соответствующим Управлением водного хозяйства и судоходства; с высшим государственным управлением транспорта при совершении преступления в воздушном пространстве (пункт 245 RiStBV).

Другие преступления на транспорте уполномочены предотвращать и расследовать органы Федеральной полиции с учетом положений § 163 Уголовно-процессуального кодекса ФРГ (*нем.* Strafprozessordnung, StPO). В соответствии с Законом Германии «О Федеральной полиции» (*нем.* Gesetz über die Bundespolizei, BPolG) в задачи органов Федеральной полиции входят: предотвращение угрозы общественной безопасности или порядку в районе железнодорожных сооружений федеральных железных дорог, которая возникает в числе прочего при эксплуатации железной дороги или исходит от железнодорожных сооружений; поддержание или восстановление безопасности или порядка на борту немецких самолетов; принятие мер, на которые Германия уполномочена, в соответствии с международным правом, на морском транспорте без ущерба для компетенции других органов власти или вооруженных сил.

Федеральная полиция Германии выполняет функции по поддержанию правопорядка в ходе обеспечения защиты границ государства, безопасности

¹⁸ URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bundesrecht/gvg/gesamt.pdf> (дата обращения: 18.04.2023).

на воздушном, железнодорожном, речном, морском видах транспорта. Для выполнения своих обязанностей по предотвращению и расследованию экономических преступлений на транспорте в системе органов Федеральной полиции Германии создаются специальные участки, сотрудники которых получают на время выполнения своих функций беспрепятственный и бесплатный допуск к объектам и средствам транспортной инфраструктуры Германии и уполномочены реализовывать меры, направленные на удостоверение личности граждан, находящихся в транспортном средстве или на объекте транспортной инфраструктуры и следующих по маршруту (§ 23); получение данных видеонаблюдения и автоматической фиксации транспортных средств (§ 27b, 31); проведение личного обыска и обследования предметов, находящихся в транспортном средстве (§ 43–44); и др.

В частности, можно отметить деятельность сотрудников полицейских участков (подразделений) Германии на железнодорожном транспорте (*нем.* Bahnpolizei), которые выполняют различные задачи, включая уголовное преследование лиц, совершивших экономические преступления на обслуживаемых ими объектах. При необходимости или в случае совершения особо опасных преступлений сотрудники таких подразделений взаимодействуют для проведения объективного исследования обстоятельств дела с сотрудниками Федерального ведомства уголовной полиции Германии (*нем.* Bundeskriminalamt), а также с иными органами государственной власти и организациями.

Вместе с тем в Германии фиксируется низкая раскрываемость экономических преступлений, совершенных на объектах транспортного комплекса. Криминологический научно-исследовательский институт Нижней Саксонии проанализировал материалы дел в пяти крупных городах и обнаружил, что примерно в 9 из 10 случаев (хотя существуют сильные региональные различия) полиция фиксирует факты ограбления в доме. Из них только в 61 % случаев полицией обнаруживаются какие-либо следы преступления¹⁹.

Заключение

В юрисдикциях современных зарубежных государств, опыт которых представлен выше, в области организации расследования экономических преступлений на объектах транспортного комплекса функционируют три модели правоохранительных систем:

– в Великобритании ведущая роль отводится профессиональной деятельности транспортной полиции с привлечением подчиняющихся вспомогательных полупрофессиональных (специальные констебли — *англ.* special constables) и непрофессиональных сил (офицеры поддержки полицейского сообщества — *англ.* Police Community Support Officer, PCSOs);

¹⁹ См.: Отчет об исследовании № 130 Института криминологических исследований Нижней Саксонии: Wohnungseinbruch: Polizeiliche Ermittlungspraxis und justizielle Entscheidungen im Erkenntnisverfahren: Ergebnisse einer Aktenanalyse in fünf Großstädten. S. 41 etc.

– в США приоритет отдан принципу равнозначного компетентного функционирования федерального Управления по транспортной безопасности (*англ.* Transportation Security Administration, TSA), с входящими в него Службой федерального маршала по авиации (*англ.* Federal Air Marshal Service, FAMS), инспекторами по надзору за безопасностью на транспорте (*англ.* Transportation Security Inspector, TSI) и другими квазифедеральными профессиональными силами (департаментами полиции железнодорожной пассажирской корпорации «Амтрак» (*англ.* Amtrak Police Department), трансконтинентальной железной дороги «БНСФ Рэйлвей» (*англ.* Burlington Northern and Santa Fe Railway Police Department, BNSF Police Department) и др.);

– в Германии, правоохранительная система которой в целом децентрализована [2], обеспечение транспортной безопасности отнесено к исключительной профессиональной компетенции федеральных правоохранительных органов (Федеральная полиция (*нем.* Bundespolizei, BPOL), Федеральное управление железных дорог (*нем.* Eisenbahn-Bundesamt, EBA) и др.).

Для Российской Федерации более приемлем зонально-линейный принцип организации расследования экономических преступлений на объектах транспортного комплекса, что вызвано широтой масштабов криминального влияния на многочисленные объекты транспортного комплекса и надежностью обеспечения их безопасности со стороны государственных органов. Реализация данного принципа позволяет более эффективно осуществлять управление, планирование, координацию работы всех служб и подразделений, задействованных в расследовании рассматриваемых общественно опасных деяний.

Список источников

1. Антонов А. Е., Котарев С. Н. Специфика раскрытия и расследования преступлений, связанных с незаконными посягательствами на перевозимые железнодорожным транспортом грузы // *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения.* 2022. № 1. С. 120–127.
2. Борьба с коррупцией в правоохранительных органах за рубежом: монография / В. Ю. Артемов [и др.]; отв. ред. И. С. Власов, С. П. Кубанцев. М.: ИНФРА-М: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2018. 320 с.
3. Бэст Э. Уголовный процесс Германии // *Уголовное судопроизводство.* 2014. № 4. С. 8–13.
4. Горенская Е. В. К вопросу о кибербезопасности автомобильного транспорта // *Цифровой суверенитет и кибербезопасность: материалы Четвертого международного транспортно-правового форума / под ред. А. А. Чеботаревой, В. Е. Чеботарева.* М.: Российский университет транспорта, 2022. С. 28–34.
5. Грибунов О. П. Теоретические основы и прикладные аспекты раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против собственности, совершаемых на транспорте: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.12. Ростов-на-Дону, 2016. 543 с.
6. Грибунов О. П., Александров А. Н. Особенности раскрытия и расследования преступлений, совершаемых на объектах транспорта и транспортной инфраструктуры // *Проблемы правоохранительной деятельности.* 2017. № 4. С. 88–92.

7. Нудель С. Л. Самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам: проблемы квалификации // Алтайский юридический вестник. 2019. № 3. С. 93–97.

8. Обеспечение транспортной безопасности в зарубежных странах: сравнительный анализ: монография / Н. Н. Пестов [и др.]. М.: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. 96 с.

9. Пичкур А. П. Полиция в административно-правовом механизме обеспечения общественной безопасности на железнодорожном транспорте: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.2. СПб., 2022. 270 с.

10. Семенцова И. А., Федорова Е. А. Преступления в сфере транспорта: криминологический аспект и специфика уголовно-правовой оценки // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7. № 1. С. 139–145.

11. Сеницын С. А. Гражданское право в современных социально-экономических условиях // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 1. С. 8–15.

12. Чиненов Е. В. Теоретические основы методико-криминалистического обеспечения расследования преступлений в сфере экономики, совершенных на железнодорожном транспорте // Проблемы правоохранительной деятельности. 2023. № 1. С. 44–49.

13. Чиненов Е. В. Информационно-теоретические и методологические начала криминалистической методики расследования преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры // Философия права. 2022. № 1. С. 151–162.

14. Чиненов Е. В., Шукин В. И. Организация расследования экономических преступлений в сфере железнодорожного транспорта // Юристъ-Правоведъ. 2019. № 1. С. 132–137.

References

1. Antonov A. E., Kotarev S. N. Specifica raskry`tiya i rassledovaniya prestuplenij, svyazanny`x s nezakonny`mi posyagatel`stvami na perevozimy`e zheleznodorozhny`m transportom gruzy` // Rassledovanie prestuplenij: problemy` i puti ix resheniya. 2022. № 1. S. 120–127.

2. Bor`ba s korrupciej v pravooxranitel`ny`x organax za rubezhom: monografiya / V. Yu. Artemov [i dr.]; otv. red. I. S. Vlasov, S. P. Kubancev. M.: INFRA-M: Institut zakonodatel`stva i sravnitel`nogo pravovedeniya pri Pravitel`stve Rossijskoj Federacii, 2018. 320 s.

3. Be`st E`. Ugolovny`j process Germanii // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. 2014. № 4. S. 8–13.

4. Gorenskaya E. V. K voprosu o kiberbezopasnosti avtomobil`nogo transporta // Cifrovoj suverenitet i kiberbezopasnost`: materialy` Chetvertogo mezhdunarodnogo transportno-pravovogo foruma / pod red. A. A. Chebotarevoj, V. E. Chebotareva. M.: Rossijskij universitet transporta, 2022. S. 28–34.

5. Gribunov O. P. Teoreticheskie osnovy` i prikladny`e aspekty` raskry`tiya, rassledovaniya i preduprezhdeniya prestuplenij protiv sobstvennosti, sovershaemy`x na transporte: dis. ... d-ra. jurid. nauk: 12.00.12. Rostov-na-Donu, 2016. 543 s.

6. Gribunov O. P., Aleksandrov A. N. Osobennosti raskry`tiya i rassledovaniya prestuplenij, sovershaemy`x na ob`ektax transporta i transportnoj infrastruktury` // Problemy` pravooxranitel`noj deyatel`nosti. 2017. № 4. S. 88–92.

7. Nudel` S. L. Samovol`noe podklyuchenie k nefteprovodam, nefteproduktoprovodam i gazoprovodam: problemy` kvalifikacii // *Altajskij juridicheskij vestnik*. 2019. № 3. S. 93–97.

8. Obespechenie transportnoj bezopasnosti v zarubezhny`x stranax: sravnitel`ny`j analiz: monografiya / N. N. Pestov [i dr.]. M.: Akademiya upravleniya Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii, 2022. 96 s.

9. Pichkur A. P. Policiya v administrativno-pravovom mexanizme obespecheniya obshhestvennoj bezopasnosti na zheleznodorozhnom transporte: dis. ... kand. jurid. nauk: 5.1.2. SPb., 2022. 270 s.

10. Semenzova I. A., Fedorova E. A. Prestupleniya v sfere transporta: kriminologicheskij aspekt i specifiika ugovovno-pravovoj ocenki // *Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki*. 2021. T. 7. № 1. S. 139–145.

11. Sinicy`n S. A. Grazhdanskoe pravo v sovremenny`x social`no-e`konomicheskix usloviyax // *Zhurnal rossijskogo prava*. 2021. T. 25. № 1. S. 8–15.

12. Chinenov E. V. Teoreticheskie osnovy` metodiko-kriminalisticheskogo obespecheniya rassledovaniya prestuplenij v sfere e`konomiki, sovershenny`x na zheleznodorozhnom transporte // *Problemy` pravooxranitel`noj deyatel`nosti*. 2023. № 1. S. 44–49.

13. Chinenov E. V. Informacionno-teoreticheskie i metodologicheskie nachala kriminalisticheskoy metodiki rassledovaniya prestuplenij e`konomicheskoy napravlenosti, sovershaemy`x na zheleznodorozhnom transporte i ob`ektax transportnoj infrastruktury` // *Filosofiya prava*. 2022. № 1. S. 151–162.

14. Chinenov E. V., Shhukin V. I. Organizaciya rassledovaniya e`konomicheskix prestuplenij v sfere zheleznodorozhnogo transporta // *Yurist``-Pravoved``*. 2019. № 1. S. 132–137.

Статья поступила в редакцию: 15.07.2023;
одобрена после рецензирования: 28.07.2023;
принята к публикации: 30.07.2023.

The article was submitted: 15.07.2023;
approved after reviewing: 28.07.2023;
accepted for publication: 30.07.2023.

УДК 343.98.068

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.52.4.08

С. Н. Чурилов

Московский городской педагогический университет,

Москва, Российская Федерация,

angels7@yadex.ru

О НЕКОТОРЫХ ОБВИНИТЕЛЬНЫХ ЮРИДИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРАХ, ПРЕОБЛАДАЮЩИХ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье на основе системного анализа и метода диалектических противоречий рассматриваются наиболее значимые с точки зрения конституционных принципов законности и презумпции невиновности обвинительные юридико-психологические факторы, преобладающие в уголовно-процессуальной деятельности сотрудников органов уголовного преследования и федеральных судей. Обосновывается необходимость устранения данного вида факторов путем принятия конкретных законодательных решений, исключающих противоречия между назначением уголовного судопроизводства и нормами уголовно-процессуального закона, регламентирующими деятельность субъектов расследования и разрешения дел в русле достоверного установления обстоятельств исследуемого деяния. В задачу рассмотрения обозначенной проблемы входит также вооружение студентов уголовно-правового профиля знаниями об обвинительных юридико-психологических факторах, превалирующих в уголовно-процессуальной деятельности органов уголовной юстиции, что имеет значение для повышения уровня юридического образования на юридических факультетах.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная деятельность; противоречия; обвинительные юридико-психологические факторы; правовые противоресы обвинительного уклона; юридическое образование.

UDC 343.98.068

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.52.4.08

S. N. Churilov

Moscow City University,
Moscow, Russian Federation,
angels7@yadex.ru

ABOUT SOME ACCUSATORY LEGAL AND PSYCHOLOGICAL FACTORS PREVAILING IN CRIMINAL PROCEDURAL ACTIVITY

Abstract. Based on a systematic analysis and the method of dialectical contradictions, the article examines the most significant, from the point of view of the constitutional principles of legality and the presumption of innocence, accusatory legal and psychological factors prevailing in the criminal procedural activities of employees of criminal prosecution bodies and federal judges. The article substantiates the need to eliminate this type of factors by making specific legislative decisions that exclude contradictions between the purpose of criminal proceedings and the norms of the criminal procedure law regulating the activities of subjects of investigation and resolution of cases in line with the reliable establishment of the circumstances of the investigated act. The task of considering this problem also includes equipping students of the criminal law profile with knowledge about the accusatory legal and psychological factors prevailing in the criminal procedural activities of criminal justice bodies, which is important for improving the level of legal education at law faculties.

Keywords: criminal procedural activity; contradictions; accusatory legal and psychological factors; legal counterweights of accusatory bias; legal education.

Введение

Одним из демократических положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), имеющим непосредственную функциональную связь с конституционными принципами уголовного судопроизводства, является положение, определяющее назначение уголовного судопроизводства. Сущность данного положения, закрепленного в ст. 6 УПК РФ, состоит не только в уголовном преследовании лиц, совершивших преступление, и назначении виновным наказания, но, прежде всего, в защите прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений, а также в защите личности от незаконного и необоснованного осуждения, ограничения ее прав и свобод. В данном положении заложен глубочайший смысл. Назначение уголовного судопроизводства в демократическом правовом государстве, имея глубокие социально-политические корни, играет роль краеугольного камня в российской уголовной юстиции, указывает на уважительное отношение к человеческой личности как высшей социальной ценности, провозглашенной Конституцией Российской Федерации.

Необходимым правовым условием реализации в уголовно-процессуальной деятельности назначения уголовного судопроизводства является всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств расследуемого и рассматриваемого уголовного дела в целях достоверного их установления в рамках норм уголовно-процессуального права, исключая в данной сфере деятельности тенденцию обвинительного уклона.

Следует также отметить, что решение данной задачи непосредственно связано и с повышением уровня вузовского образования на юридических факультетах, подготовки студентов уголовно-правового профиля к профессиональной деятельности в области судебного исследования преступлений. Важное место в этом отводится обучению уголовно-процессуальному праву как важнейшему компоненту юридического образования. Преподавание данной учебной дисциплины призвано обеспечить приобретение студентами не только знаний норм уголовно-процессуального права, но и формирование у них взглядов, убеждений, способствующих сознательному, творческому подходу к решению задач уголовного судопроизводства. Этим обусловлена необходимость пристального внимания в преподавании к проблемам теории уголовного процесса, искоренения давно устаревших догм, в том числе существующего до настоящего времени обвинительного уклона в деятельности органов уголовного преследования и профессиональных судей, порожденного действием определенных юридико-психологических факторов. О догматизме в образовании и юридической науке как рудименте прошлой эпохи, перешедшем в постсоветское образовательное пространство, справедливо указывают многие современные авторы [3, с. 86; 4].

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что осмысление обозначенной проблемы приобретает особую актуальность в условиях назревшей необходимости модернизации существующего УПК РФ, в который с момента его вступления в действие внесено огромное множество поправок, дополнений и изменений.

Основное исследование

1. Законодатель, сформулировав положение о назначении уголовного судопроизводства, должен был трансформировать общий предмет доказывания, содержащийся в ст. 73 УПК РФ, таким образом, чтобы он соответствовал назначению уголовно-процессуальной деятельности, стал не предметом обвинения, но предметом достоверного установления обстоятельств исследуемого события [9]. Однако по неясной причине это не было сделано.

Обвинительный уклон общего предмета доказывания состоит в том, что в нем законодатель предписал установить: событие преступления вместо наличия или отсутствия его; виновность лица в совершении преступления, не указав причастности к расследуемому событию. Лицо, причастное к расследуемому

преступлению, как известно, не может быть признано виновным в силу обстоятельств, исключающих преступность деяния (например, в случае причинения лицу физического вреда, находясь в состоянии необходимой обороны).

Становится также очевидным, что предмет доказывания регламентирован законодателем без учета стадии возбуждения уголовного дела, предназначенной для установления наличия либо отсутствия достаточных фактических данных, указывающих на признаки преступления.

2. В данной законотворческой противоречивой ситуации принцип презумпции невиновности не срабатывает должным образом — действует психологический фактор: субъект доказывания неизбежно подвергается влиянию обвинительного уклона. Особенно ярко это проявляется на начальной стадии уголовного судопроизводства, на которой для установления основания для возбуждения уголовного дела и лица, совершившего преступление, в части 1 ст. 144 УПК РФ узаконен перечень поисковых процессуальных действий, сопоставимый с перечнем следственных действий, осуществляемых на стадии предварительного расследования. Данное законодательное установление в корне противоречит правилу, закрепленному в части 2 ст. 140 УПК РФ, указывающему на то, что для возбуждения уголовного дела достаточно наличия данных, указывающих на признаки преступления.

Именно данный юридико-психологический фактор приводит к тому, что проверочные действия повода для возбуждения уголовного дела затягиваются свыше установленных законом сроков и в случае неустановления преступника, выносится постановление о прекращении проверочных действий, влекущее за собой его отмену руководителем следственного органа или прокурором. По существу, на начальной стадии уголовного процесса, в силу юридической несуразности, осуществляется уголовное преследование лиц, причастность которых к исследуемому событию проверяется, но она бывает порой весьма сомнительна, что влечет за собой нарушение их конституционных прав и законных интересов.

3. Рассматриваемый фактор негативным образом влияет и на прокуроров, поддерживающих государственное обвинение в суде первой инстанции, которые руководствуются не презумпцией невиновности, а, вероятнее всего, презумпцией правильности обвинительных выводов следователя, дознавателя.

Указанное положение вещей стало возможным по многим причинам; наиболее общими из них являются отпочкование следственных подразделений из системы прокуратуры в самостоятельное ведомство, что неизбежно повлекло за собой снижение уровня надзорной деятельности за предварительным расследованием, а также возможное с точки зрения закона неучастие прокурора в судебном разбирательстве уголовного дела. К другим деструктивным факторам следует отнести: неравномерное распределение прокурором нагрузки на подчиненных государственных обвинителей — иногда без учета их квалификации и опыта работы, — сложности и объема уголовных дел; незаблаговременное назначение государственных обвинителей, что исключает реальную

возможность надлежащим образом подготовиться к судебному заседанию; назначение прокуроров для поддержания государственного обвинения по делам, по которым они не осуществляли надзор за расследованием; замена государственного обвинителя другим прокурором в ходе судебного разбирательства, что также сказывается на полноте и качестве изучения материалов дела; чрезмерная загруженность другими видами работ и т. п. Поэтому прокуроры, имея поверхностное представление о материалах уголовного дела, вынуждены строить поддержание государственного обвинения в суде, исходя исключительно из содержания обвинительного заключения (обвинительного акта) в надежде на возможное благоволение в этом председательствующего суда, подверженного стереотипному мнению о виновности подсудимого.

Именно на искоренение данных недостатков в практике государственного поддержания обвинения в суде первой инстанции обращает внимание Генеральный прокурор России в своем приказе № 376 от 30 июня 2021 года [6].

4. Тенденция обвинительного уклона характерна не только для сотрудников органов уголовного преследования, но и для профессиональных судей при наличии действующих на них отдельных юридико-психологических факторов. Особенно это проявляется при судебном разбирательстве дела в особом порядке (при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением и при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве). В таком случае судебное следствие как таковое по установленным, соответственно, главами 40, 40.1 УПК РФ правилам не проводится. То есть доказательства, имеющиеся в деле, суду не представляются и, следовательно, не исследуются. Судья формирует вывод о виновности подсудимого в совершении инкриминируемого ему преступления и выносит по делу обвинительный приговор, всецело полагаясь на следственные материалы. Гипотетически можно допустить случаи, когда судья до вынесения обвинительного приговора установит обстоятельства, дающие основания, например, для переквалификации преступления на менее тяжкую статью УК или оправдания подсудимого. Но каким образом он установит данные обстоятельства, если при особом порядке судебного разбирательства судебное следствие вообще исключено?

В связи с этим известный процессуалист Б. Т. Безлепкин, цитируя автора статьи, опубликованной в «Российской газете» 20 января 2015 года, указывает на пагубные последствия применения законодательных правил об особом порядке судебного разбирательства: 64 % обвиняемых в совершении преступлений приговариваются к уголовному наказанию без доказывания их виновности в суде [1, с. 434].

Исключение законом судебного следствия из судебного разбирательства неизбежно влечет за собой действие обвинительного уклона при разрешении уголовного дела. Судьи по существу выполняют функцию обвинения, коль скоро они вынуждены принимать за истину обвинительные выводы, сделанные на предварительном расследовании. Это явно противоречит принципу состязательности сторон, согласно которому суд не выступает на стороне обвинения

или стороне защиты, он создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав.

Данная составляющая содержания принципа состязательности сторон также является в юридико-психологическом плане фактором, негативно влияющим на формирование у судей их роли при разрешении юридического спора в ходе судебного разбирательства. Главная задача судей состоит лишь в том, чтобы создать указанные условия для сторон, отводя себе роль, образно говоря, арбитра при проведении футбольного матча.

5. Формированию у судей именно данного подхода при разрешении уголовных дел способствует распространенная в юридической литературе точка зрения авторов, вредная для уголовной юстиции, но, как показывает практика, вполне приемлема для судейского корпуса, согласно которой суд в ходе судебного следствия не обязан собирать доказательства. Но правильно ли это с точки зрения теории доказательственного права?

«Новаторы» данного подхода к определению роли суда в процессе доказывания по уголовному делу упускают из виду положение указанной теории относительно способов собирания доказательств. Как известно, к ним относятся: основной способ, состоящий в производстве следственных действий, и дополнительные способы — истребование и получение доказательств, которые реализуются как на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, так и в суде в процессе судебного разбирательства по существу.

В рамках рассматриваемой проблемы теоретический и практический интерес представляет один из дополнительных способов собирания доказательств — получение доказательств. В уголовно-процессуальном законе и литературе делается акцент на исследовании судом доказательств без упоминания о том, что прежде чем исследовать доказательства, они должны быть представлены сторонами и получены судом. Получение и исследование судом доказательств, а также результаты их исследования в обязательном порядке фиксируются, как известно, в протоколе судебного заседания. Следовательно, получение доказательств, представленных сторонами, имея процессуальную форму, регламентированную законом, является обязанностью суда. Это означает, что суд в ходе судебного следствия обязан собирать доказательства путем получения их. Именно такое решение этого вопроса соответствует положению части 1 ст. 86 УПК РФ, согласно которому собирание доказательств в ходе уголовного судопроизводства осуществляется не только дознавателем, следователем, но и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных законом.

Отведение суду безучастной роли в смысле собирания доказательств в психологическом плане способствует тому, что судьи, полагаясь на результаты предстоящего спора между стороной обвинения и стороной защиты, не заинтересованы в изучении материалов уголовного дела при подготовке к судебному заседанию. При этом, как показывает практика, суд часто придерживается

позиции стороны обвинения, игнорируя доводы защиты. Выход из данного положения видится в четкой и понятной регламентации в законе процессуальной роли суда в собирании доказательств и, следовательно, в доказывании по уголовному делу.

6. В этом же аспекте проявляет себя как юридико-психологический фактор отсутствие в действующем законе, в отличие от УПК РСФСР, обязанности субъекта доказывания достоверно устанавливать обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу. Замена в судопроизводстве понятия объективной истины понятием так называемой субъективной истины, по существу, не обязывает ни органы уголовного преследования, ни судей объективно и всесторонне исследовать обстоятельства происшедшего события; суду, например, достаточно положиться при разрешении дела преимущественно на доводы стороны обвинения. В таком случае судье при подготовке к судебному заседанию не нужно утруждать себя изучением материалов уголовного дела на предмет наличия или отсутствия: доказательств обвинения; допущенных на досудебных стадиях производства нарушениях процессуальных норм и других недостатков, препятствующих законному, обоснованному и справедливому разрешению уголовного дела. Отсутствие в УПК РФ положения, обязывающего субъекта доказывания устанавливать истину при судебном исследовании происшедшего события, приводит следователя, дознавателя к нравственно-правовому нигилизму, к утрате способности устанавливать реальную картину расследуемого события, а судью — правильно разрешать уголовное дело.

Известный в России ученый-процессуалист М. К. Свиридов, как и многие другие авторы, обоснованно считает, что в уголовно-процессуальном законе должна господствовать одна тенденция — достижение объективной истины [7].

Необходимо продолжить обсуждение законопроекта «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу», который был внесен в Государственную думу по инициативе Следственного комитета РФ еще в 2014 году, но не был принят в качестве закона. В данном законопроекте приоритетной в УПК РФ считается именно объективная истина, а не формально-юридическая истина, определяемая позицией стороны, победившей в споре, даже если она и не соответствует реальному положению вещей. Важно, чтобы в итоге обсуждения данного законопроекта возобладала бы точка зрения, согласно которой целью доказывания по уголовному делу является установление именно объективной истины [10].

7. Но есть ли в действующем УПК РФ нравственно-правовой противовес обвинительному уклону при разрешении уголовных дел, если, например, сторона защиты по какой-либо причине не сможет квалифицированно противостоять стороне обвинения и сторона обвинения незаслуженно одержит верх по результатам спора? Такой противовес в уголовно-процессуальном законе существует.

В данном аспекте исключительно важная роль отводится суду присяжных — суду общественной совести, которому в принципе несвойственна какая-либо предвзятость по отношению к подсудимому. Процессуальная миссия присяжных заседателей состоит в том, чтобы, руководствуясь внутренним убеждением и гражданской совестью, вынести вердикт главным образом о причастности либо не причастности подсудимого к инкриминируемому ему преступлению, о его виновности либо невиновности в совершении преступления, а также о том, заслуживает ли он снисхождения или нет, если будет признан виновным.

При этом уголовно-процессуальный закон (ст. 459) предусматривает гарантию обеспечения законного и обоснованного разрешения уголовного дела в случае вынесения присяжными ошибочного обвинительного вердикта. В этом случае председательствующий суда, в соответствии с частью 3 указанной статьи закона, вправе вынести постановление о роспуске коллегии присяжных заседателей, вынесшей обвинительный вердикт, и о направлении дела на новое рассмотрение иным составом суда со стадии предварительного слушания, если есть основания для постановления оправдательного приговора.

Рассмотрение дел с участием присяжных заседателей как процессуальная форма судопроизводства показывает эффективность закона, являясь реальной гарантией ограждения судей от вынужденной угодливости перед лицом органов уголовного преследования и/или органов власти, а также о какой-либо предвзятости при вынесении того или иного вердикта. Особенность судебного следствия в суде присяжных заседателей состоит в том, что вопрос о недопустимости доказательств рассматривается в отсутствие присяжных заседателей; в их присутствии исследуются только те фактические обстоятельства дела, доказанность которых устанавливается при ответе на вопросы, указанные в вопросном листе; данные о личности подсудимого исследуются только в той мере, в какой они необходимы для установления отдельных признаков состава преступления, в котором он обвиняется; запрещается исследовать данные о личности подсудимого, способные вызвать в отношении него предубеждение присяжных (ст. 335 УПК РФ) [5].

Соблюдение указанных законодательных правил является наиважнейшим условием вынесения коллегией присяжных заседателей справедливого судьбоносного для подсудимого вердикта, ибо они беспристрастны.

По данной причине суды присяжных с большей степенью надежности, чем обычные суды, реализуют принцип невиновности подсудимого, все сомнения в виновности лица толкуют в пользу обвиняемого, то есть суд присяжных более надежно защищает подсудимого от обвинительного уклона.

Об этом пишет профессор В. В. Мельник в монографии «Искусство доказывания...», который, являясь сторонником суда присяжных, привел убедительные аргументы в пользу данной формы судебного разбирательства по сравнению с обычной формой судопроизводства [2].

Однако в суде присяжных, несмотря на то что у подсудимых выше шанс быть оправданным, высока вероятность получить более строгое наказание

при наличии обвинительного вердикта. Обвинительный уклон при назначении наказания срабатывает и в этом случае. Обращая на это внимание читателя, Е. А. Ходжаева справедливо отмечает, что председательствующий суда, будучи недоволен тем, что обвиняемый выбрал более затратную форму судопроизводства, назначает подсудимому более строгое наказание, предупреждая тем самым остальных обвиняемых осторожнее относиться к ходатайствам о рассмотрении их дела в суде присяжных [8, с. 10].

Основные выводы

1. Теория уголовного процесса и современное уголовное судопроизводство содержат ряд положений и норм, давно превратившихся в догмы, но существующих до настоящего времени вне какой-либо конструктивной критики и принимаемых в правоприменительной практике за истину, не подлежащую сомнению.

2. Совокупность обстоятельств, содержащихся в ст. 73 УПК РФ, представляет собой предмет обвинения, противоречащий назначению уголовного судопроизводства, регламентированному в ст. 6 УПК, который является одним из обвинительных юридико-психологических факторов, способствующих формированию обвинительного уклона в уголовно-процессуальной деятельности.

3. К другим данного рода факторам относятся: а) отсутствие в УПК РФ нормы, предписывающей достоверно устанавливать в ходе судебного исследования преступлений обстоятельства уголовного дела; б) расширение законодателем перечня проверочных действий до уровня, позволяющих вести на стадии возбуждения дела уголовное преследование; в) выделение следственных подразделений из системы прокуратуры в самостоятельное ведомство, приведшее к снижению уровня прокурорского надзора за процессуальной деятельностью следственных органов и подготовки прокуроров к поддержанию государственных обвинений в суде; г) исключение судебного следствия из процедуры судебного разбирательства дел в особом порядке.

4. Повышение уровня обучения студентов уголовно-правового профиля уголовно-процессуальному праву возможно путем решения двуединой задачи: усвоение не только норм уголовного судопроизводства и теории уголовного процесса, но и их проблем, в том числе тех юридико-психологических факторов, которые являются условием формирования обвинительного уклона при судебном исследовании преступлений на различных стадиях судопроизводства.

Список источников

1. Безлепкин Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М.: Проспект, 2021. 640 с.
2. Мельник В. В. Искусство доказывания в состязательном уголовном процессе. М.: Дело, 2000. 496 с.

3. Немытина М. В. Миф о фундаментальном юридическом образовании // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2011. № 2. С. 86–91.
4. Пашенцев Д. А. Перспективы развития высшего юридического образования в условиях евразийской интеграции // Евразийский юридический журнал. 2013. № 6. С. 29–30.
5. О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей: постановление Пленума Верховного суда РФ от 22.11.2005 № 23 (ред. от 28.06.2022) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_56702/ (дата обращения 23.10.2023).
6. Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства: приказ Генеральной прокуратуры России от 30.06.2021 № 376. URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-genprokuratury-rossii-ot-30062021-n-376-ob-uchastii/> (дата обращения 23.10.2023).
7. Свиридов М. К. Установление истины на предварительном расследовании и в судебном разбирательстве // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей. Ч. 51. Труды ученых ТГУ. Томск, 2011. С. 3–8.
8. Ходжаева Е. А. Суды присяжных в официальной статистике: аналитический обзор / Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2020. 20 с.
9. Чурилов С. Н. Предмет доказывания как правовое средство защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего обвиняемого // Образование и право. 2022. № 10. С. 329–333.
10. Эстерле Т. А. Быть или не быть истине в уголовном процессе? // Молодой ученый. 2023. № 2 (449). С. 359–361.

References

1. Bezlepkin B. T. Kommentarij k Uголовno-processual`nomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejny`j). M.: Prospekt, 2021. 640 s.
2. Mel`nik V. V. Iskusstvo dokazy`vaniya v sostyazatel`nom uголовnom processe. M.: Delo, 2000. 496 s.
3. Nemy`tina M. V. Mif o fundamental`nom yuridicheskom obrazovanii // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2011. № 2. S. 86–91.
4. Pashencev D. A. Perspektivy` razvitiya vy`sshego yuridicheskogo obrazovaniya v usloviyax evrazijskoj integracii // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2013. № 6. S. 29–30.
5. O primenenii sudami norm Uголовno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii, reguliruiushchikh sudoproizvodstvo s uchastiem prisiaznykh zasedatelei: postanovlenie Plenuma Verkhovnogogo suda RF ot 22.11.2005 № 23 (red. ot 28.06.2022) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_56702/ (data obrashcheniia 23.10.2023).
6. Ob uchastii prokurorov v sudebny`x stadiyax uголовnogogo sudoproizvodstva: prikaz General`noj prokuratury` Rossii ot 30.06.2021 № 376. URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-genprokuratury-rossii-ot-30062021-n-376-ob-uchastii/> (data obrashheniya 23.10.2023).
7. Sviridov M. K. Ustanovlenie istiny` na predvaritel`nom rassledovanii i v sudebnom razbiratel`stve // Pravovy`e problemy` ukrepleniya rossijskoj gosudarstvennosti: sb. statej. Ch. 51. Trudy` ucheny`x TGU. Tomsk, 2011. S. 3–8.

8. Xodzhaeva E. A. Sudy` prisyazhny`x v oficial`noj statistike: analiticheskij obzor / Institut problem pravoprimeneniya pri Evropejskom universitete v Sankt-Peterburge. SPb.: Evropejskij universitet v Sankt-Peterburge, 2020. 20 s.

9. Churilov S. N. Predmet dokazy`vaniya kak pravovoe sredstvo zashhity` prav i zakonny`x interesov nesovershennoletnego obvinyaemogo // Obrazovanie i pravo. 2022. № 10. S. 329–333.

10. E`sterle T. A. By`t ili ne by`t` istine v ugovnom processe? // Molodoj ucheny`j. 2023. № 2 (449). S. 359–361.

Статья поступила в редакцию: 15.08.2023;

одобрена после рецензирования: 25.08.2023;

принята к публикации: 01.09.2023.

The article was submitted: 15.08.2023;

approved after reviewing: 25.08.2023;

accepted for publication: 01.09.2023.

УДК 342.7

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.52.4.09

С. А. Бурьянов

Московский городской педагогический университет,
Москва, Российская Федерация,
buriyanovsa@mgpu.ru

А. И. Кривенький

Московский городской педагогический университет,
Москва, Российская Федерация,
krivenkii@mgpu.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ДЕТЕЙ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена теоретическим и методологическим проблемам защиты прав детей иностранных граждан в России. Отмечено усиление актуальности реализации прав человека, включая права детей, в условиях усложнения и глобализации общественных отношений. Исследованы ключевые и смежные определения понятий. Под понятиями «дети», «ребенок», «несовершеннолетний» подразумевается одна и та же категория родившегося и взрослеющего человека. В обыденной жизни и законодательстве данные понятия не дифференцируются, но наличие связанных с ними теоретических и практических вопросов не может не влиять на определение прав, свобод и обязанностей изучаемого объекта. Очевидно и то, что при определении прав, свобод и обязанностей несовершеннолетнего юридическим основанием является его гражданство или статус лица без гражданства. В методологическом аспекте процедура реализации прав, свобод и обязанностей несовершеннолетнего осуществляется главным образом не им самим, а через родителей или иных законных представителей, которыми могут быть усыновители, опекуны, попечители. Рассмотрены вопросы правового регулирования и некоторые правоприменительные проблемы защиты прав детей иностранных граждан. Поднята проблема соотношения реализации и защиты прав ребенка. В результате исследования предложено авторское определение понятия «права детей иностранных граждан», определены перспективы

их реализации. Сделан вывод, что максимально полная реализация прав детей, включая права детей иностранных граждан, выступает основой для устойчивого будущего человеческой цивилизации, мирового сообщества и отдельных государств, включая Россию.

Ключевые слова: глобализация общественных отношений; права человека; права ребенка; правовой статус несовершеннолетних; иностранный гражданин; правовое регулирование; реализация прав человека.

UDC 342.7

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.52.4.09

S. A. Buryanov

Moscow City University,
Moscow, Russian Federation
buriyanovsa@mgpu.ru

A. I. Krivenkiy

Moscow City University,
Moscow, Russian Federation,
krivenkii@mgpu.ru

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF PROTECTION OF THE RIGHTS OF CHILDREN OF FOREIGN CITIZENS IN RUSSIA

Abstract. The article is devoted to theoretical and methodological problems of protecting the rights of children of foreign citizens in Russia. The strengthening of the relevance of the implementation of human rights, including the rights of children, in the context of the complication and globalization of social relations was noted. Key and related definitions of concepts are investigated. The terms “children”, “child”, “minor” mean the same category of a born and maturing person. In everyday life and legislation, these concepts are not differentiated, but the presence of theoretical and practical issues related to these concepts cannot but affect the definition of the rights, freedoms and obligations of the object under study. It is also obvious that when determining the rights, freedoms and obligations of a minor, the legal basis is his citizenship or the status of a stateless person. In the methodological aspect, the procedure for the realization of the rights, freedoms and obligations of a minor is carried out, mainly, not by him, but through his parents or other legal representatives, which may be adoptive parents, guardians, trustees. The issues of legal regulation and some law enforcement problems of protecting the rights of children of foreign citizens are considered. The problem of the correlation between the implementation and protection of the rights of the child is raised. As a result of the study, the author’s definition of the concept of the right of children of foreign citizens is proposed, and the prospects for their implementation are determined. It is concluded that the fullest possible realization of children’s rights, including the rights of children of foreign citizens, is the basis for a sustainable future of human civilization, the world community and individual states, including Russia.

Keywords: globalization of social relations; human rights; child rights; legal status of minors; foreign citizen; legal regulation; realization of human rights.

Введение

Сегодня человеческая цивилизация развивается под существенным влиянием макромасштабных, многоплановых и внутренне противоречивых интеграционных глобальных процессов [4, с. 95], объективно требующих обеспечения большей свободы индивидов, которая воплощается в правах человека. Усиление миграционных потоков в планетарном масштабе, включая трудовую миграцию, стало одним из трендов современных глобальных процессов [3, с. 35]. При этом дети иностранных граждан оказываются в наиболее сложной ситуации. От реализации прав детей зависит будущее человеческой цивилизации, будущее России, поэтому проблема их правовой защиты является очень актуальной.

Основное исследование

В России временно, на протяжении нескольких лет или постоянно проживает легально или нелегально около 10 миллионов иностранных граждан, главным образом из ближнего зарубежья, и значительная часть из них — со своими семьями. Судьба детей объективно неразрывно связана с семьей, с действиями и поступками их родителей. Чаще всего детей не принимают в расчет при решении и таких неординарных вопросов, как переезд из одного государства в другое в поисках лучших условий жизни. И те из них, которым выпала такая участь, становятся, по сути дела, бесправными жертвами добровольных или вынужденных решений потенциальных мигрантов. Так, по данным на 5 апреля 2016 года, на территории Российской Федерации находилось более миллиона иностранных граждан в возрасте до 17 лет¹. К сожалению, более свежие данные недоступны.

Философия прав человека подразумевает уважение достоинства каждого индивида со стороны государства [14, с. 67], а наиболее емкое их звучание предполагает реализацию необходимых для развития возможностей и доступность социальных благ [2]. Обобщая многочисленные подходы, отметим, что в современном понимании права человека являются воплощением свободы, равенства и достоинства. Они признаны в качестве цивилизационной ценности и закреплены в системе форм международного и внутригосударственного права. Предметом особой заботы мирового сообщества и современных государств являются права ребенка [10].

В данной статье поставлена задача проанализировать недостаточно освещаемую в юридической науке проблему защиты прав и свобод детей иностранных граждан, оказавшихся в силу разных причин на территории Российской Федерации.

¹ Данные Главного управления по вопросам миграции Министерства внутренних дел РФ [Электронный ресурс]. URL: https://гувм.мвд.рф/about/activity/stats/Statistics/Svedeniya_v_otno-shenii_inostrannih_grazhd/item/5850/

Среди детей иностранных граждан, проживающих в России, на первом месте по наиболее благоприятному материальному и социальному положению находятся дети дипломатических работников иностранных государств. По данным Министерства иностранных дел Российской Федерации (МИД России), в нашей стране насчитывается 150 посольств международно признанных государств и 190 консульств.

Кроме того, в России находится много работников иностранных торговых, транспортных представительств и представительств иностранных фирм, иностранных предпринимателей, менеджеров, журналистов, высококвалифицированных специалистов со своими семьями. Наконец, самая многочисленная категория детей — это дети трудовых мигрантов.

Таким образом, в России проживает не менее полутора миллиона детей иностранных граждан, представляющих собой чрезвычайно сложный социальный конгломерат. По общепринятым в международном сообществе правилам права и свободы детей иностранных граждан, наряду с правами и свободами российских детей и вне зависимости от того, к каким семьям они принадлежат, должны быть защищены. При этом речь идет не о какой-то части прав, обязанностей и свобод, а обо всей формально-юридической их композиции.

Перечень прав, свобод и обязанностей рассматриваемой категории детей определяется на основе правового положения, или правового статуса. Как и для взрослых, их правовой статус — это закрепленное в нормах права положение в обществе и государстве [5, с. 32]. При этом не имеет значения, об индивиде какого возраста идет речь — о дееспособном или несовершеннолетнем, когда речь идет об их связи с обществом, государством, окружающими людьми [8, с. 234]. В содержание правового статуса, в нашем случае несовершеннолетнего иностранного гражданина, входят права, свободы, обязанности и юридическая ответственность [10], которая для детей подразделяется на формальную (до 14 лет), и юридическую (после 14 лет).

В ч. 3 ст. 62 Конституции Российской Федерации указывается: «Иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором Российской Федерации». Следовательно, в отношении правового статуса, прав и свобод как совершеннолетних, так и несовершеннолетних иностранных граждан, проживающих в России, так называемый национальный режим поднят на конституционный уровень и закреплен в отраслях гражданского права, семейного права, гражданского процесса и международного частного права.

Руководствуясь принципом национального режима (ч. 3 ст. 62) Конституции РФ, в 39 из 48 статей (остальные касаются только прав и свобод граждан РФ) правами и свободами наделяются как совершеннолетние, так и несовершеннолетние иностранные граждане. Так, в ч. 2 ст. 19 российское государство «гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина

независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения...», «право на свободу и личную неприкосновенность» (ч. 1 ст. 22), «неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и достоинства» (ч. 1 ст. 23). Для несовершеннолетних иностранных граждан, которые по достижении 14 лет могут работать, Конституция РФ (ч. 1 ст. 37) гарантирует свободу труда и свободу распоряжаться своими способностями к труду при запрещении принудительного труда (ч. 2 ст. 37).

Принципиальное значение для детей иностранных граждан имеет право на образование, гарантируемое ст. 43 Конституции Российской Федерации. При этом дошкольное и основное общее образование, как и для российских детей, является не только общедоступным, но и бесплатным. Кроме того, Конституция России в ч. 2 ст. 44 предоставляет им и «право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям».

В то же время в системе правоотношений сложно представить ситуацию, как отмечает М. В. Баглай, с наличием только тех субъектов, у которых есть права, но нет обязанностей [1, с. 259]. Мы вправе считать, что Конституция Российской Федерации обязывает несовершеннолетних иностранцев «заботиться о сохранении исторического и культурного наследия нашей страны» (ч. 3 ст. 44), «сохранять природу и окружающую среду» (ст. 56), а работающих — «платить налоги» (ст. 57). Как и взрослые иностранные граждане, их дети обязаны быть законопослушными, знать и выполнять законы РФ, следовать нормам нашей жизни, а пользуясь правами и свободами, предоставленными Конституцией и законами РФ, не нарушать права и свободы других (ст. 17 Конституции РФ).

В соответствии со своим правовым статусом, определяемым Конституцией РФ и нормами разной отраслевой принадлежности, представляющими собой так называемый институт прав иностранца, ребенок из семьи иностранных граждан имеет права: на имя и гражданство, семью, бесплатную медицинскую помощь, отдых и досуг, образование, равенство, собственное мнение, свободу выражения своих мыслей, получение информации, защиту от насилия и жестокости, защиту от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред здоровью, нравственному и духовному развитию. Как видим, кроме политических, весь пакет перечисленных прав ребенка соответствует гражданским, социально-экономическим, культурным правам и в одинаковой мере характерен для несовершеннолетних.

Существует и другая классификация прав и обязанностей, включающая в себя три их разновидности в зависимости от личностных характеристик ребенка: общие, специальные и индивидуальные. Общие относятся ко всем детям без исключения: право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность; специальные — к отдельным группам детей (инвалиды, оставшиеся без попечения родителей, дети-сироты, в том числе социальные сироты):

дополнительная помощь со стороны государства; индивидуальные — к детям с выдающимися индивидуальными способностями: возможность получать образование на льготных условиях [7, с. 102].

Все права, свободы и обязанности, закрепленные в Конституции Российской Федерации и нормах разной отраслевой принадлежности, входящие в правовой статус несовершеннолетних иностранных граждан, представляют собой логически выстроенную формально-юридическую схему, что отвечает общемировому устоявшемуся порядку. Но, как отмечал А. Ф. Кони, «жизнь наполняет отдельные клеточки этой схемы своим содержанием, и без знакомства с этим содержанием мыслящий юрист обойтись не может» [6, с. 214].

Приходится различать нормативно закрепленные права детей иностранных граждан и их практическую реализацию. Следует признать наличие многочисленных проблем в данной сфере, что усугубляется отсутствием систематизированного миграционного законодательства. Более того, вопросами прав детей иностранцев в нашей стране занимаются многочисленные учреждения, деятельность которых согласована не в полной мере. Это приводит к недостаточной реализации особенно прав детей трудовых мигрантов, закрепленных в актах международных организаций.

Среди законодательных лакун выделим проблему продления срока пребывания детей мигрантов на территории российского государства и подтверждения их легального статуса. В указанном контексте серьезные проблемы возникают в рамках системы образования, здравоохранения и в сфере социального обеспечения. Выявление фактов незаконного нахождения в России мигрантов с семьями нередко приводило к отчислению их детей из школ и детских садов, а также делало невозможным получение медицинской помощи. Полагаем, что дети не должны подвергаться негативным последствиям, препятствующим их социализации и потенциально несущим угрозы безопасности.

Действительно, в обыденной жизни воплотить юридические гарантии о правах, свободах и сопутствующих им обязанностях взрослеющего человека не просто, а порою и весьма сложно. Нередки случаи, когда ребенку трудового мигранта не достается места в школе, а вероятность подобного сценария становится еще более очевидной, когда речь идет о близлежащей школе. Все это болезненно отражается на судьбах детей иностранных граждан, осложняя и замедляя их интеграцию в наше общество.

В указанном контексте еще одна проблема связана с тем, что на международном и внутригосударственном уровнях доминирует концепция защиты прав человека. Однако защита — это лишь одна из многих стадий реализации прав человека, что требует существенного пересмотра устоявшихся подходов. Очевидно, стадия защиты очень важна, но она не может подменить все ей предшествующие стадии реализации прав человека. Также требуют исследований многочисленные проблемы реализации права на свободу совести несовершеннолетних детей иностранных граждан [9] в условиях формирования цифровой экономики [13]. Представляется перспективным исследование цифровых прав

не только родителей, но и детей [2]. Общей проблемой является недостаточный уровень культуры прав человека и конституционного правосознания, что также требует исследований и внедрения соответствующих учебных дисциплин в образовательный процесс [12].

Выводы

В условиях усиления и противоречивого развития глобальных процессов миграция будет нарастать, что требует формирования эффективных механизмов осуществления прав человека, включая права детей. Права детей иностранных граждан — это воплощающие свободу, равенство и достоинство, закрепленные в системе форм международного и внутригосударственного права возможности развития несовершеннолетних, родители которых являются иностранными гражданами. В условиях формирования глобальной взаимозависимости более полная реализация прав детей, включая права детей иностранных граждан, выступает основой для устойчивого будущего человеческой цивилизации, мирового сообщества и отдельных государств, включая Россию.

Список источников

1. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: учебник для юридических вузов и факультетов. М.: Норма. 1982. 784 с.
2. Бурьянов М. С. Цифровые права человека в условиях глобальных процессов: теория и практика реализации: монография. М.: Русайнс, 2022. 148 с.
3. Бурьянов С. А., Бурьянов М. С. Новые угрозы глобальной безопасности и перспективы развития международного права // Евразийский юридический журнал. 2020. № 11 (150). С. 35–40.
4. Бурьянов С. А., Кривенький А. И. О состоянии и перспективах формирования глобального образования, включая юридическое // Государство и право. 2019. № 8. С. 95–100.
5. Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России. М.: Изд-во Моск. ун-та: ИНФРА-М: Норма, 1997. 304 с.
6. Кони А. Ф. Воспоминания о писателях. М.: Правда, 1989. 653 с.
7. Летова Н. В. Правовой статус ребенка в гражданском и семейном праве: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03. М., 2013. 463 с.
8. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. М.: Юрист, 2001. 776 с.
9. Никитаев Д. М., Бурьянов С. А. Проблемы реализации свободы совести в современной России и мире: монография. М.: Русайнс, 2020. 146 с.
10. Обеспечение и защита прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: международные стандарты и российский опыт: учебное пособие / С. А. Бурьянов [и др.]; под общ. ред. И. В. Шишениной. Волгоград: Волгоградский институт управления — филиал РАНХиГС, 2021. 380 с.
11. Образовательное право: учебное пособие для бакалавров / под общ. ред. Д. А. Аксеновой. М.: Зерцало, 2016. 312 с.

12. Павленко Е. М. Формирование культуры прав человека и конституционного правосознания в современной России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 2006. 202 с.

13. Пашенцев Д. А. Основные направления и особенности развития законодательства в условиях цифровизации и перехода к новому технологическому укладу // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2021. № 3. С. 32–38.

14. Хабермас Ю. Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека // Вопросы философии. 2012. № 2. С. 66–80.

References

1. Baglaj M. V. Konstitucionnoe pravo Rossijskoj Federacii: uchebnik dlya yuridicheskikh vuzov i fakul'tetov. M.: Norma, 1982. 784 s.

2. Bur`yanov M. S. Cifrovyye prava cheloveka v usloviyah global'nyh processov: teoriya i praktika realizacii: monografiya. M.: Rusajns, 2022. 148 s.

3. Bur`yanov S. A., Bur`yanov M. S. Novye ugrozy global'noj bezopasnosti i perspektivy` razvitiya mezhdunarodnogo prava // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2020. № 11 (150). S. 35–40.

4. Bur`yanov S. A., Kriven`kij A. I. O sostoyanii i perspektivah formirovaniya global'nogo obrazovaniya, vklyuchaya yuridicheskoe // Gosudarstvo i pravo. 2019. № 8. S. 95–100.

5. Voevodin L. D. Yuridicheskij status lichnosti v Rossii. M.: Izd-vo Mosk. un-ta: INFRA-M: Norma, 1997. 304 s.

6. Koni A. F. Vospominaniya o pisatelyah. M.: Pravda, 1989. 653 s.

7. Letova N. V. Pravovoj status rebenka v grazhdanskom i semejnomy` pravu: dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.03. M., 2013. 463 s.

8. Matuzov N. I., Mal'ko A. V. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik. M.: Yurist, 2001. 776 s.

9. Nikitaev D. M., Bur`yanov S. A. Problemy` realizacii svobody` sovesti v sovremennoj Rossii i mire: monografiya. M.: Rusajns, 2020. 146 s.

10. Obespechenie i zashhita prav detej-sirot i detej, ostavshixsya bez popecheniya roditel'ej: mezhdunarodny`e standarty` i rossijskij opyt: uchebnoe posobie / S. A. Bur`yanov [i dr.]; pod obshh. red. I. V. Shisheninoy. Volgograd: Volgogradskij institut upravleniya — filial RANXiGS, 2021. 380 s.

11. Obrazovatel'noe pravo: uchebnoe posobie dlya bakalavrov / pod obshch. red. D. A. Akse-novoj. M.: Zerkalo, 2016. 312 s.

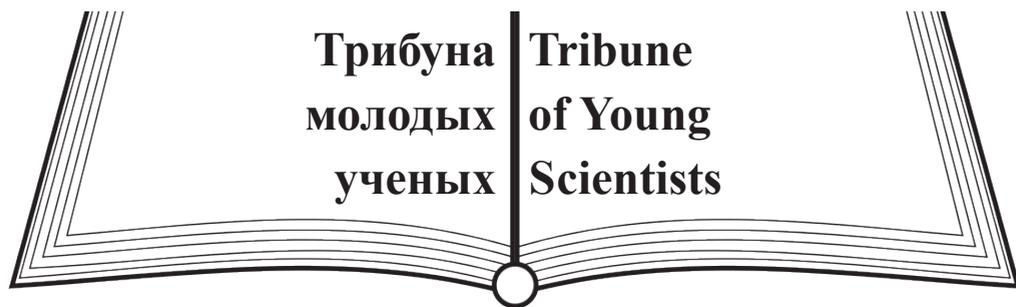
12. Pavlenko E. M. Formirovanie kul'tury prav cheloveka i konstitucionnogo pravoso-znaniya v sovremennoj Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.02. M., 2006. 202 s.

13. Pashencev D. A. Osnovny`e napravleniya i osobennosti razvitiya zakonodatel'stva v usloviyah cifrovizacii i perekhoda k novomu tekhnologicheskomu ukladu // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2021. № 3. S. 32–38.

14. Habermas Yu. Koncept chelovecheskogo dostoinstva i realisticheskaya utopiya prav cheloveka // Voprosy` filosofii. 2012. № 2. S. 66–80.

Статья поступила в редакцию: 10.07.2023;
одобрена после рецензирования: 15.07.2023;
принята к публикации: 25.07.2023.

The article was submitted: 10.07.2023;
approved after reviewing: 15.07.2023;
accepted for publication: 25.07.2023.

УДК 343:004.8

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.52.4.10

Л. А. Гребенькова

Юго-Западный государственный университет,
Курск, Российская Федерация,
lidiagrebenkova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4807-4127>

Е. Р. Захарова

Юго-Западный государственный университет,
Курск, Российская Федерация,
katya.zaharova.2001@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация. Целью исследования выступает выявление и раскрытие основных проблем применения норм об уголовной ответственности за совершение преступлений, в механизме которых существенную роль играет использование технологий искусственного интеллекта, а также поиск решений данных проблем. Методы исследования включают общенаучные методы познания, документальный метод, позволивший выделить характерные особенности преступных деяний, связанных с использованием интеллектуальных технологий из публикаций и сообщений, а также формально-юридический метод, применяемый для толкования правовых норм, регулирующих отношения с участием искусственного интеллекта. Выявлены возможности использования современных технологий искусственного интеллекта в преступных целях. Доказано, что уже на достигнутом этапе развития такие интеллектуальные системы способны реализовать в своих действиях объективную сторону преступления. Установлено, что содержание вины искусственного интеллекта обладает одинаковыми признаками с интеллектуальными и волевыми категориями деятельности человека. Определены лица, которые могут привлекаться к ответственности за преступления, в механизме которых фигурируют технологии искусственного интеллекта: разработчик программного обеспечения; изготовитель или продавец механизмов, действие

которых подчиняется командам искусственного интеллекта; пользователь и иные вовлеченные лица. Результаты исследования могут быть использованы субъектами законодательной инициативы для закрепления предложенной авторами новеллы, устанавливающей возможный статус искусственного интеллекта как субъекта ответственности и повышенную ответственность за использование технологий искусственного интеллекта в преступных целях.

Ключевые слова: искусственный интеллект; уголовная ответственность; вина; робот; объективная сторона; преступление; субъективные признаки.

UDC 343:004.8

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.52.4.10

L. A. Grebenkova

Southwest State University,
Kursk, Russian Federation,
lidiagrebenkova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4807-4127>

E. R. Zakharova

Southwest State University,
Kursk, Russian Federation,
katya.zaharova.2001@mail.ru

PROBLEMS OF CRIMINAL LAW REGULATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND WAYS TO SOLVE THEM

Abstract. The aim of the study is to identify and disclose the main problems of applying the rules on criminal liability for committing crimes, in the mechanism of which the use of artificial intelligence technologies plays a significant role, as well as highlighting solutions to these problems. Methodology includes general scientific methods of cognition, a documentary method that allowed to highlight the characteristic features of criminal acts related to the use of intellectual technologies from publications and messages, as well as a formal legal method used to interpret legal norms governing relations involving artificial intelligence. Results include the identification of the possibility of using modern artificial intelligence technologies for criminal purposes. It is proved that already at the reached stage of development such intelligent systems are able to realize the objective side of the crime in their actions. It is revealed that the content of the guilt of artificial intelligence has the same characteristics as the intellectual and volitional categories of human activity. In addition, the study of subjective signs made it possible to identify several subjects of crimes related to the activities of artificial intelligence: the manufacturer of the program; the manufacturer or seller of products equipped with artificial intelligence; the user and other persons involved. The results of the study can be used by the subjects of the legislative initiative to consolidate the novel proposed by the authors, which establishes the possible status of artificial intelligence as a subject of responsibility, and increased responsibility for the use of artificial intelligence technologies for criminal purposes.

Keywords: artificial intelligence; criminal responsibility; guilt; robot; objective side; crime; subjective signs.

Введение

В условиях стремительного внедрения результатов научно-технической революции во всех областях человеческой жизни возникает необходимость совершенствования правовых норм, регулирующих использование новых технологий. Одним из важнейших направлений исследований в области информационных наук является создание искусственного интеллекта (ИИ). Следует отметить, что аналогичный человеческому или превосходящий его (сильный ИИ) искусственный интеллект еще не создан и вряд ли будет создан в обозримой перспективе (в ближайшие 25–50 лет). Однако в некоторых областях (прежде всего, в распознавании образов) технические устройства, выполняющие отдельные функции, присущие человеческому интеллекту (слабый ИИ), уже созданы и используются при конструировании автономных киберфизических систем, то есть механизмов (транспортных средств, роботов), способных функционировать в меняющейся обстановке без постоянного контроля со стороны человека.

Ученые и исследователи в сфере информационных технологий понимают под искусственным интеллектом способность компьютерных систем выполнять когнитивные и производительные функции, присущие человеческому интеллекту. Таким особенным интеллектом наделяются специальные информационные системы, которые способны не только выполнять творческие задачи наравне с человеческим интеллектом, но и сохранять все приобретенные знания в памяти. Под творческими функциями в данном случае понимается способность интеллектуальной системы производить мыслительные процессы, подобные человеческим, в результате которых избирается наиболее эффективный и логический вывод, решение задачи. Выполняя творческие функции, искусственный интеллект осуществляет различные виды интеллектуальной человеческой деятельности, а иногда и превосходит их.

Таким образом, определяющей особенностью искусственного интеллекта является его база знаний, то есть память, и решатель задач. Кроме того, многие ученые относят к особенностям ИИ также особый интерфейс, разработанный специально для общения с человеком, благодаря которому происходит обмен информацией и мыслительными процессами.

К задачам, которые способен выполнять искусственный интеллект можно отнести: самообучение, технологии обработки текстов на разных языках, распознавания и синтеза речи, производство рассуждения и принятие стратегических решений. Применение таких технологий на базе искусственного интеллекта позволяет решать задачи, которые до этого требовали бы непропорционально больших человеческих ресурсов, что дает возможность повышать уровень благосостояния общества и улучшить качество жизни людей.

Однако в процессе внедрения такой развитой интеллектуальной системы в повседневную жизнь общества необходимо прогнозировать и оценивать возможные кризисные состояния. В данной научной работе мы считаем

целесообразным рассмотреть проблемы уголовно-правового регулирования искусственного интеллекта, так как значительное число нерешенных вопросов, связанных с ИИ, в том числе на законодательном уровне, сконцентрированы именно в сфере уголовно-правовых отношений.

Результаты исследования

На сегодняшний день очевидной проблемой регулирования ИИ является запаздывание реакции уголовного законодательства на изменения в общественной жизни, вызванные внедрением современной интеллектуальной технологии. Стоит отметить, что распространение применения искусственного интеллекта практически во всех областях деятельности с целью роста темпов информатизации и автоматизации привлекает не только заинтересованных пользователей, но и лиц с преступными намерениями. Так, наблюдается рост использования высокотехнологичных способов совершения преступления, в том числе посредством деятельности искусственного интеллекта [7]. В связи с этим особое внимание должно уделяться разработке и реализации мер организационно-управленческого и правового характера, направленных на противодействие преступности в сфере функционирования искусственного интеллекта, а также на минимизацию последствий злоупотребления использованием ИИ [9].

К выводу о необходимости правового регулирования искусственного интеллекта пришли и зарубежные авторы, в работах которых высказывается мнение о необходимости реструктуризации правовой системы в связи с ростом противоправных действий, связанных с использованием искусственного интеллекта [10]. Так, Л. Каменер выдвигал идеи создания новой отрасли права — так называемого права роботов, — аккумулирующей правовые нормы по регулированию отношений между человеком и «интеллектуальной машиной». В этой отрасли права должен быть установлен правовой статус искусственного интеллекта, а также определена ответственность за причинение ущерба данной интеллектуальной системе, наделенной таким образом определенными правами, например правами на неприкосновенность материального носителя, поддерживающего ее существование, программного кода и т. д. [16].

Представитель зарубежной доктрины, Г. Халлеви, один из основных авторов теории «права роботов», указывает на необходимость разработки особых теоретических положений об уголовной ответственности применительно к искусственному интеллекту в случае причинения им вреда жизни и здоровью человека, а также имущественного ущерба [13]. Профессор отмечает возможность привлечения производителя, программиста, пользователя или других вовлеченных лиц к уголовной ответственности за действия ИИ.

Базовым нормативным актом, регламентирующим использование ИИ в России, является Указ Президента Российской Федерации от 10 октября

2019 года № 490, в соответствии с которым основной стратегической целью в данной сфере является создание прочной базы для внедрения технологий искусственного интеллекта, определен круг задач развития интеллектуальных систем, а также регламентирована деятельность органов государственной власти, направленная на реализацию поставленных задач¹.

Данная стратегия предназначена для поэтапного создания нормативно-правовой базы с целью регулирования системы общественных отношений в сфере использования технологий искусственного интеллекта. Так, к 2024 году было намечено создание необходимой правовой среды для реализации мер, предусмотренных Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденной вышеупомянутым указом Президента РФ. К 2030 году запланировано создание полноценной нормативно-правовой системы регулирования сферы применения искусственного интеллекта, которая будет не только выступать гарантом безопасности отношений между человеком и ИИ, но и стимулировать общество к развитию таких интеллектуальных технологий.

Многие правоведы утверждают: поскольку технологии искусственного интеллекта нашли столь значительное отражение в человеческой деятельности, возникает необходимость включения практически в каждый состав преступления квалифицирующего признака «с использованием искусственного интеллекта» [3], что, на наш взгляд, представляется нецелесообразным. Логичнее будет ввести новый состав преступления, связанный с использованием ИИ в преступных целях.

В ходе разработки новой статьи Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), которая будет регулировать противоправные отношения с использованием ИИ, перед законодателем стоит проблема выбора лица, которое понесет ответственность за преступные действия искусственного интеллекта [1]. Объективная сторона рассматриваемого деяния выражается в поведении и действиях лица, деятельность которого включает использование технологий искусственного интеллекта, в связи с чем оно наделено определенными обязанностями по поддержанию ИИ в работоспособном состоянии, невыполнение которых приведет к наступлению общественно опасных последствий. Если не будет установлено, что такое лицо виновно в ненадлежащем соблюдении правил и регламентов или невыполнении обязанностей, будет отсутствовать причинная связь между поведением искусственного интеллекта и наступившими последствиями. Следовательно, данное лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности [7].

В науке уголовного права высказывается также мнение об альтернативности действий, составляющих объективную сторону рассматриваемого преступления. Так, если создание искусственного интеллекта в преступных целях

¹ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года № 490 // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

представляет собой действия лица по разработке и совершенствованию сложных алгоритмов для осуществления противоправных действий в отношении охраняемых уголовным законом общественных благ, то альтернативными будут являться действия по разработке искусственного интеллекта, неподконтрольного человеку.

Кроме того, можно привести пример о возможности реализации в действиях искусственного интеллекта существующего состава преступления. Так, на сегодняшнем этапе информационного развития технологии искусственного интеллекта уже широко применяются в сфере управления транспортными средствами. Существует угроза неправильной оценки искусственным интеллектом ситуации в рамках дорожного движения, что может привести к таким общественно опасным последствиям, как причинение вреда здоровью человека или его смерть. В данном случае возникает сложность в определении лица, которое понесет уголовную ответственность за преступные действия ИИ [5].

Условиями, осложняющими ситуацию в данном случае, являются следующие: если пользователь искусственного интеллекта добросовестно соблюдал все требования эксплуатации; производитель транспортного средства обеспечил безопасность и исправность своего продукта; разработчик интеллектуальной системы составил верный алгоритм, а вмешательства со стороны третьих лиц в работу ИИ не производилось, то единственным субъектом преступления остается сам искусственный интеллект [6]. При этом фактически речь идет о том, что система искусственного разума реализовала возможности самообучения и самостоятельного принятия решений, однако при этом допустила ошибку при выборе необходимых в данной ситуации действий, результатом чего стали преступные последствия в виде вреда здоровью или материального ущерба.

Действия перечисленных физических лиц в рамках существующего уголовного законодательства не влекут уголовной ответственности, поскольку совершены невиновно, в то время как искусственному интеллекту, если бы его можно было привлечь к ответственности, можно было бы вменить нарушение ст. 264 или ст. 168 УК РФ.

Следует отметить, что в соответствии со ст. 25 УК РФ, для того чтобы обвинить искусственный интеллект в умышленном совершении преступления, необходимо доказать, что в его действиях имеется интеллектуальный и волевой элемент данной формы вины: понимание общественной опасности содеянного, включающее представление о возможных или неизбежных общественно опасных последствиях, а также сознательное направление своих действий на их достижение либо сознательное допущение причинения вреда.

Законы поведения роботов, уже относительно давно предложенные теоретиками робототехники и писателями-фантастами, предполагают, что в программу управляемой искусственным интеллектом киберфизической системы не может быть заложена возможность намеренного причинения вреда объектам уголовно-правовой охраны, в особенности жизни и здоровью человека.

Однако когда эти «законы» сталкиваются с практической потребностью, например в создании интеллектуальных и автономно действующих вооружений, они без особых сомнений нарушаются: искусственный интеллект наделяется возможностью принимать решения, например о ликвидации сил противника.

Субъективная сторона поведения таких информационных систем содержит интеллектуальный и волевой элементы умысла, так как сам искусственный разум сознательно желает причинения вреда противоположной стороне.

С. А. Аверинская и А. А. Севостьянова рассматривают субъективную сторону подобных преступлений с выделением слабого и сильного искусственного интеллекта. Так, преступные действия слабого искусственного интеллекта, по мнению авторов, вызваны ошибкой в самой программе. Следовательно, такой вид ИИ не может обладать собственными интересами и волевым элементом, он лишь выполняет порученную ему задачу.

К особенностям сильного искусственного интеллекта относятся следующие возможности: способность к самостоятельному, аргументированному принятию решений; способность к разумным действиям; планирование деятельности; извлечение следствий из имеющихся знаний [2]. Исходя из этого, предлагается рассматривать именно сильный искусственный интеллект как субъект уголовного права, так как данная информационная система способна к производству сознательных функций, а значит, обладает правосубъектностью [8].

Можно сделать вывод, что в рассматриваемом подходе, предполагающем разделение сильного и слабого искусственного интеллекта, проблема распределения уголовной ответственности за преступные действия интеллектуальной системы решается следующим образом: за совершение преступления слабым искусственным интеллектом ответственность понесет лицо, программировавшее его. Оно будет выступать непосредственным исполнителем, а сама система ИИ рассматривается в качестве орудия совершения преступления.

В случае совершения преступления сильным искусственным интеллектом, привлечение его к уголовной ответственности вызывает неоднозначные мнения среди исследователей. Здесь важную роль будет играть степень развития интеллектуальной системы. В связи с тем, что на выбор поведения сильного ИИ человек никак не влияет, необходимо установить факт самостоятельного избрания искусственным интеллектом того и иного преступного варианта действия для привлечения его к уголовной ответственности как самостоятельного субъекта. В связи с этим различные авторы отмечают необходимость в законодательном регулировании рассматриваемых общественных отношений по поводу использования искусственного интеллекта, а также закрепления его в качестве субъекта преступления.

Анализируя субъективные признаки преступлений, в механизме которых играет роль работа технологий с использованием искусственного интеллекта, можно выделить ряд субъектов, распределение ответственности между которыми является ключевой проблемой уголовно-правового регулирования. К таким субъектам можно отнести разработчика программного обеспечения;

изготовителя или продавца механизмов, действие которых подчиняется командам искусственного интеллекта; пользователя и иных вовлеченных лиц.

До сих пор ученые в области уголовного права затрудняются ответить на вопрос: кто же должен нести ответственность за совершение преступления системой искусственного интеллекта, самостоятельно принявшей решение о совершении общественно опасных действий [12]? Обсуждается возможность привлечения самого ИИ к уголовной ответственности, если в его действиях будет присутствовать волевой признак, то есть если в результате самостоятельно выработанного алгоритма система совершит деяние, влекущее общественно опасные последствия, либо же решит не совершать предписанных ей действий. Соответственно, необходимым является создание специальных уголовно-правовых норм, направленных на установление запретов в сфере противодействия общественно опасным деяниям, в механизме которых существенную роль играет использование искусственного интеллекта [14].

Г. Халлеви предлагает три возможных варианта распределения ответственности в ситуации, когда искусственный интеллект выступает фактическим орудием совершения преступления.

Первая модель получила название *perpetration by another*, что означает «опосредственное причинение» в переводе с английского. Данная концепция отвергает возможность признания искусственного интеллекта как субъекта преступления, так как априори он является невиновным. Субъектами преступления могут быть признаны только программист, который разработал систему искусственного интеллекта с целью совершить преступление, либо пользователь, который мог изменить свойства и функции искусственного интеллекта в ходе эксплуатации для реализации своих преступных намерений [4]. В обоих случаях в действиях программиста или пользователя будут отсутствовать признаки объективной стороны преступления, так как само деяние совершает робот. Особенностью данной системы является то, что она приравнивает действия, совершенные искусственным интеллектом, к действиям программиста или пользователя, на которых и будет возложена уголовная ответственность.

Вторая модель получила название *natural probable consequence liability*, что в переводе с английского — «ответственность за закономерные вероятные последствия». Она подразумевает отсутствие в действиях программиста или пользователя признаков объективной или субъективной стороны преступления, в то время как ненадлежащее использование ими технологии ИИ привело к общественно опасным последствиям. В данном случае субъекты должны были осознавать риск нарушения функций искусственного интеллекта и наступления неблагоприятных последствий. Небрежность программиста или оператора механизма, использующего технологии искусственного интеллекта, может стать основанием для привлечения этих субъектов к уголовной ответственности.

Возможен и своего рода эксцесс исполнителя: когда лицо, создающее систему искусственного интеллекта или направляющее ее ресурсы на решение определенных задач, задает изначально преступную цель действий

такой системы, однако вследствие допущенной ошибки искусственный интеллект совершает наряду с задуманным или вместо него другое, непредусмотренное первоначальным планом преступление. По мнению Г. Халлеви, возможно привлечение указанных субъектов к ответственности и за преступление, которое ими задумывалось (или покушение на него), и за фактически совершенное ИИ деяние, но уже с неосторожной формой вины [15].

Таким образом, две рассмотренные модели определяют искусственный интеллект как орудие или средство совершения преступления, а не в качестве самостоятельного субъекта. Совершенно иную позицию занимают сторонники третьей модели под названием *direct liability*, означающей в переводе с английского «прямая ответственность». В данной модели действия искусственного интеллекта никак не связывают с преступными намерениями других лиц (программиста, пользователя). Следовательно, ИИ признается полноценным субъектом уголовного права, способным нести ответственность за совершенное преступление [9]. Проблемой воплощения данной модели в жизнь является отсутствие окончательного решения законодателя о наделении искусственного интеллекта правосубъектностью, поэтому в настоящее время мы можем основываться лишь на положениях первых двух моделей при распределении уголовной ответственности за совершение преступления искусственным интеллектом.

Если рассматривать возможность привлечения к уголовной ответственности пользователя технологий искусственного интеллекта, то здесь определяющее значение будет иметь автономность самой системы. Так, если продукция, оснащенная такой интеллектуальной системой, полностью подконтрольна пользователю, то именно действие либо бездействие потребителя послужит причиной совершения ИИ общественно опасного деяния. В таком случае можно смело говорить о наличии в действиях пользователя состава преступления и о возможности привлечения его к уголовной ответственности [11].

Важно также оценить ситуацию, когда действия пользователя незначительно влияют на деятельность искусственного интеллекта ввиду его полной автономности. Если потребитель не нарушал правил эксплуатации интеллектуальной системы, он не может быть привлечен к уголовной ответственности за действия ИИ, иначе будет нарушен принцип вины. Упущением уголовно-правового регулирования является и данная ситуация, поэтому возникает необходимость в законодательном закреплении возможности привлечения искусственного интеллекта к уголовной ответственности, для чего необходимо разработать специальную систему наказаний, учитывая особенности новейших информационных технологий.

К категории иных вовлеченных в сферу использования искусственного интеллекта лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, в большей степени будут относиться лица, совершающие деяния, относимые к киберпреступности. Постороннее вмешательство в работу искусственного интеллекта не исключено, так как система ИИ является в первую очередь компьютерной, поэтому алгоритм программы искусственного разума может быть изменен

каким-либо хакером в преступных целях. Стоит отметить, что распространение киберпреступности в области применения интеллектуальных систем является одной из серьезных угроз для информационной безопасности и соответствующих общественных отношений, в связи с чем в дальнейшем возникнет необходимость в регламентации данного вида преступности в целях уголовно-правового регулирования.

Вторжение посторонних лиц в деятельность искусственного интеллекта может выражаться, например, в совершении искусственным интеллектом преступления из-за вмешательства третьих лиц. Оно происходит в результате поражения программы интеллекта вирусом или перепрограммирования его целей на причинение вреда объектам уголовно-правовой охраны. В качестве примера можно привести взлом системы военных роботов и беспилотных транспортных средств, объектом посягательства которых могут стать практически любые общественные отношения.

Следует отметить, что данные преступные деяния должны квалифицироваться по составам гл. 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации». Однако в ходе разработки специальной правовой системы регулирования искусственного интеллекта необходимо будет предусмотреть и самостоятельную норму, устанавливающую ответственность за взлом систем искусственного интеллекта и тем самым нарушение их работы.

Кроме того, киберпреступники используют технологии искусственного интеллекта с целью облегчить совершение другого преступления. Для этого они создают специальные программы для автоматического взлома защищенной системы искусственного интеллекта, в результате чего можно запрограммировать робота на совершение мошеннических действий. На первый взгляд, квалификация такого деяния возможна по ст. 273 УК РФ, предусматривающей ответственность за создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ. Однако для этого необходимо, чтобы такие программы заведомо обладали указанными в данной статье свойствами, которые, может быть, проблематично установить для наделенной определенной автономией действий системы искусственного интеллекта. Возможно, более верным будет рассматривать применение интеллектуальных компьютерных систем в качестве квалифицирующего признака отдельных составов преступлений.

Выводы

В результате проведенного исследования проблем уголовно-правового регулирования отношений в области использования ИИ можно сформулировать следующие выводы.

Во-первых, в действующем уголовном законодательстве причинение искусственным интеллектом вреда охраняемым законом общественным благам квалифицируется как невиновное причинение вреда, в связи с чем отсутствуют

основания уголовной ответственности. В то же время, если рассматривать вину ИИ как признак субъективной стороны, можно заметить, что интеллектуальные и волевые элементы схожи с человеческими, а значит, в некоторой степени можно говорить о наличии субъективной противоправности в поведении самого ИИ.

Кроме того, часто технологии искусственного разума используют как орудие или средство совершения преступления. Необходимо разработать специальную систему уголовно-правовых мер противодействия использованию интеллектуальных систем в преступных целях, так как это может привести к существенным общественно опасным последствиям, учитывая, насколько широко такие информационные системы распространены уже в настоящее время в различных областях человеческой деятельности.

К субъектам преступления, совершенного искусственным интеллектом, можно отнести: программиста искусственного интеллекта, если им была задана функция ИИ на выполнение преступных действий; производителя или продавца продукции, оснащенной искусственным интеллектом, если ими были нарушены свойства данной продукции в результате ненадлежащей эксплуатации; а также пользователя искусственным интеллектом, если его действия по преобразованию ИИ привели к совершению преступления.

В условиях постоянного самообучения и развития интеллектуальных систем возрастает и риск совершения ими общественно опасных действий, в результате выбора компьютерным алгоритмом неправильного варианта поведения. Вполне вероятно, что на определенном этапе развития искусственный интеллект станет отождествлять себя с личностью, выделять собственные этические и правовые убеждения. В таком случае предлагается наделить ИИ специальной правосубъектностью для участия в общественных отношениях.

В ходе написания статьи были выделены предпосылки признания самого ИИ самостоятельным субъектом преступления. В случае принятия такого решения на законодательном уровне предлагается использование термина «искусственное лицо» либо «роботизированное лицо» — по аналогии с физическими и юридическими лицами.

В то же время многими юристами высказывается мнение о необходимости разработки исключительно нового правового института искусственного интеллекта в уголовном праве, который будет закреплять его признаки как субъекта преступления и предусматривать специальные виды уголовной ответственности — например, такие как деактивация, перепрограммирование, наделение статусом преступника либо же ликвидация.

По нашему мнению, для регулирования преступной деятельности производителей и пользователей систем ИИ целесообразно будет предусмотреть в УК РФ новый состав преступления, связанный с использованием ИИ в преступных целях, и включить его в гл. 24 «Преступления против общественной безопасности».

Список источников

1. Аверинская С. А., Севостьянова А. А. Создание искусственного интеллекта с целью злонамеренного использования в уголовном праве Российской Федерации // Закон и право. 2019. № 2. С. 94–97.
2. Апостолова Н. Н. Ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 1. С. 112–119.
3. Бегишев И. Р., Латыпова Э. Ю., Кирпичников Д. В. Искусственный интеллект как правовая категория: доктринальный подход к разработке дефиниции // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14, № 1. С. 79–93.
4. Букалерева Л. А., Уторова Т. Н., Сизов Д. О. К вопросу о значении искусственного интеллекта в уголовном праве // Пенитенциарная наука. 2020. № 1. С. 70–75.
5. Горохова С. С. О некоторых аспектах публичной юридической ответственности в сфере использования искусственного интеллекта и автономных роботов // Юридические исследования. 2021. № 5. С. 24–41.
6. Грачева Ю. В., Арямов А. А. Роботизация и искусственный интеллект: уголовно-правовые риски в сфере общественной безопасности // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 6. С. 169–178.
7. Денисов Н. Л. Концептуальные основы формирования международного стандарта при установлении уголовной ответственности за деяния, связанные с искусственным интеллектом // Международное уголовное право и международная юстиция. 2019. № 4. С. 18–22.
8. Кибальник А. Г., Волосюк П. В. Искусственный интеллект: вопросы уголовно-правовой доктрины, ожидающие ответов // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4 (44). С. 173–180.
9. Козаев Н. Ш. Состояние уголовной политики и вопросы преодоления кризисных явлений в уголовном праве // Юридический вестник ДГУ. 2016. Т. 17, № 1. С. 97–102.
10. Минбалеев А. В. Проблемы регулирования искусственного интеллекта // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2018. Т. 18, № 4. С. 82–89.
11. Мосечкин И. Н. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. № 3. С. 78–84.
12. Мосечкин И. Н. Искусственный интеллект в уголовном праве: перспективы совершенствования охраны и регулирования. Киров: Вятский государственный университет, 2020. 111 с.
13. Пройдаков Э. М. Современное состояние искусственного интеллекта // Научно-ведческие исследования, 2018: сб. науч. тр. / отв. ред. А. И. Ракитов. М., 2018. С. 129–153.
14. Хисамова З. И., Бегишев И. Р. Уголовная ответственность и искусственный интеллект: теоретические и прикладные аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 4. С. 564–574.
15. Шестак В. А., Волеводз А. Г., Ализаде В. А. О возможности доктринального восприятия системой общего права искусственного интеллекта как субъекта преступления: на примере уголовного законодательства США // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 4. С. 547–554.
16. Hassler S. Do We Have to Build Robots That Need Rights? // IEEE Xplore. 2017. Vol. 54, iss. 3. P. 6. DOI: 10.1109/MSPEC.2017.7864739

References

1. Averinskaya S. A., Sevost'yanova A. A. Sozdanie iskusstvennogo intellekta s cel'yu zlonamerennogo ispol'zovaniya v ugovnom prave Rossijskoj Federacii // *Zakon i pravo*. 2019. № 2. S. 94–97.
2. Apostolova N. N. Otvetstvennost' za vred, prichinennyj iskusstvenny'm intellektom // *Severo-Kavkazskij juridicheskij vestnik*. 2021. № 1. S. 112–119.
3. Begishev I. R., Laty'pova E'. Yu., Kirpichnikov D. V. Iskusstvennyj intellekt kak pravovaya kategoriya: doktrinal'nyj podxod k razrabotke definicii // *Aktual'ny'e problemy` ekonomiki i prava*. 2020. T. 14, № 1. S. 79–93.
4. Bukalerovala L. A., Utorova T. N., Sizov D. O. K voprosu o znachenii iskusstvennogo intellekta v ugovnom prave // *Penitenciar'naya nauka*. 2020. № 1. S. 70–75.
5. Goroxova S. S. O nekotoryx aspektax publichnoj juridicheskoy otvetstvennosti v sfere ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta i avtonomnyx robotov // *Yuridicheskie issledovaniya*. 2021. № 5. S. 24–41.
6. Gracheva Yu. V., Aryamov A. A. Robotizaciya i iskusstvennyj intellekt: ugovno-pravovy'e riski v sfere obshhestvennoj bezopasnosti // *Aktual'ny'e problemy` rossijskogo prava*. 2020. T. 15, № 6. S. 169–178.
7. Denisov N. L. Konceptual'ny'e osnovy` formirovaniya mezhdunarodnogo standarta pri ustanovlenii ugovnoj otvetstvennosti za deyaniya, svyazanny'e s iskusstvenny'm intellektom // *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yusticiya*. 2019. № 4. S. 18–22.
8. Kibal'nik A. G., Volosyuk P. V. Iskusstvennyj intellekt: voprosy` ugovno-pravovoj doktriny`, ozhidayushhie otvetov // *Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii*. 2018. № 4 (44). S. 173–180.
9. Kozaev N. Sh. Sostoyanie ugovnoj politiki i voprosy` preodoleniya krizisnyx yavlenij v ugovnom prave // *Yuridicheskij vestnik DGU*. 2016. № 1. S. 97–102/
10. Minbaleev A. V. Problemy` regulirovaniya iskusstvennogo intellekta // *Vestnik YuUrGU. Seriya «Pravo»*. 2018. T. 18, № 4. S. 82–89.
11. Mosechkin I. N. Iskusstvennyj intellekt i ugovnaya otvetstvennost': problemy` stanovleniya novogo vida sub`ekta prestupleniya // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*. 2019. № 3. S. 78–84.
12. Mosechkin I. N. Iskusstvennyj intellekt v ugovnom prave: perspektivy` sovershenstvovaniya ohrany` i regulirovaniya. Kirov: Vyatskij gosudarstvennyj universitet, 2020. 111 s.
13. Projdakov E'. M. Sovremennoe sostoyanie iskusstvennogo intellekta // *Naukovedcheskie issledovaniya, 2018: sb. nauch. tr. / otv. red. A. I. Rakitov. M., 2018. S. 129–153.*
14. Xisamova Z. I., Begishev I. R. Ugolvnaya otvetstvennost' i iskusstvennyj intellekt: teoreticheskie i prikladny'e aspekty` // *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*. 2019. T. 13, № 4. S. 564–574.
15. Shestak V. A., Volevodz A. G., Alizade V. A. O vozmozhnosti doktrinal'nogo vospriyatiya sistemoy obshhego prava iskusstvennogo intellekta kak sub`ekta prestupleniya: na primere ugovnogo zakonodatel'stva SShA // *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*. 2019. T. 13, № 4. S. 547–554.
16. Hassler S. Do We Have to Build Robots That Need Rights? // *IEEE Xplore*. 2017. Vol. 54, iss. 3. P. 6. DOI: 10.1109/MSPEC.2017.7864739

Статья поступила в редакцию: 15.07.2023;
одобрена после рецензирования: 25.07.2023;
принята к публикации: 01.08.2023.

The article was submitted: 15.07.2023;
approved after reviewing: 25.07.2023;
accepted for publication: 01.08.2023.

УДК 34

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.52.4.12

Е. М. Крупеня

Московский городской педагогический университет,
Москва, Российская Федерация,
krupenyam@mgpu.ru

КОМПЛЕКСНЫЕ ОТРАСЛИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОПОРЯДКАХ (ОБЗОР КРУГЛОГО СТОЛА С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ (МИНСК, 17 МАРТА 2023 г.))

Аннотация. В статье представлен обзор основных проблем, актуализированных в докладах участников круглого стола на тему «Проблемы систематизации комплексных отраслей законодательства» на юридическом факультете ведущего вуза Республики Беларусь — Белорусского государственного университета. Поводом для научного мероприятия послужило 30-летие принятия Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды»¹. В процессе обсуждения и теоретических, и практических проблем систематизации комплексных отраслей законодательства стало очевидным, что для дальнейшего научного поиска ответов на поставленные вопросы имеет значение обмен опытом, сформированным в национальных правовых порядках по широкому кругу смежных вопросов. Результаты дискуссии позволяют констатировать: опыт национальных правовых порядков по вопросам систематизации комплексного законодательства имеет перспективы к использованию при условии надлежащего научного сопровождения такого рода юридической деятельности. Оно, как представляется, включает, наравне с выявлением позитивной практики, использование достижений юриспруденции периода постнеклассики, основным маркером которого выступает широкая междисциплинарность.

Ключевые слова: круглый стол с международным участием; комплексные отрасли законодательства; систематизация законодательства, система права; экологическое право; аграрное право; хозяйственное право; междисциплинарность.

---

¹ Закон Республики Беларусь от 29 января 1993 года № 2143-ХІІ // Ведомасці Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь. 1993. № 10. Ст. 97. [Электронный ресурс] URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=v19201982> (дата обращения: 27.07.2023).

UDC 34

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.52.4.12

Е. М. Krupenya

Moscow City University,
Moscow, Russian Federation,
krupenyaem@mgpu.ru

**COMPLEX BRANCHES OF LEGISLATION:
PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE
IN NATIONAL LEGAL SYSTEMS
(REVIEW OF THE ROUND TABLE WITH INTERNATIONAL
PARTICIPATION (MINSK, MARCH 17, 2023))**

Abstract. The article presents an overview of the main problems updated in the reports of the participants of the round table on the topic «Problems of systematization of complex branches of legislation» at the Faculty of Law of the leading university of the Republic of Belarus. The reason for the scientific event was the 30th anniversary of the adoption of the Law of the Republic of Belarus «On Environmental Protection». During the discussion of both theoretical and practical problems of systematization of complex branches of legislation, it became obvious that for further scientific search for answers to the questions posed, the exchange of experience formed in national legal systems on a wide range of related issues is important. The results of the discussion allow us to state: the experience of national legal systems on the systematization of complex legislation has prospects for use, provided proper scientific analysis of scientific support for this kind of legal activity. It seems to include, along with the identification of positive practices, the use of the achievements of jurisprudence of the post-non-classical period, the main marker of which is broad interdisciplinarity.

Keywords: round table with international participation; complex branches of legislation; systematization of complex legislation, system of law; environmental law; agrarian law; economic law; interdisciplinarity.

На площадке ведущего высшего учебного заведения Республики Беларусь — Белорусского государственного университета (БГУ) — 17 марта 2023 года состоялось заседание круглого стола с международным участием, которое проходило с использованием дистанционного подключения участников. Оно было посвящено обсуждению проблем систематизации комплексных отраслей законодательства, их решению с учетом различного опыта национальных правовых систем. Инициатива проведения круглого стола принадлежала одновременно двум кафедрам юридического факультета БГУ — кафедре экологического и аграрного права и кафедре хозяйственного права — научным площадкам, которые традиционно занимаются разработкой проблем соответствующих комплексных отраслей права. Организация и проведение мероприятия были приурочены к значимому для национальной системы Республики Беларусь событию — 30-летию принятия

Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды», в который под влиянием изменяющихся общественных отношений было внесено около 30 поправок, что, в свою очередь, способствовало активизации процесса разработки нового экологического кодекса.

Широко была представлена география участников научного мероприятия: во-первых, на международном уровне; во-вторых, на уровне Союзного государства Республики Беларусь и Российской Федерации.

Международный уровень круглого стола был поддержан благодаря участию представителей юридического сообщества из таких стран, как Армения, Китайская Народная Республика (КНР), Киргизия. Стоит отметить, что КНР представляли молодые исследователи — 8 граждан Китая на дату проведения круглого стола осваивали образовательные программы юридического профиля в магистратуре юридического факультета БГУ. Среди участников отметим лишь некоторых: Гай Цзэпэн (Gai Zepeng) («Особенности правового регулирования государственного предпринимательства (фискальной экономической деятельности) в разных странах мира» (Features of Legal Regulation of State Entrepreneurship (Fiscal Economic Activity) in Various Countries of the World)); Хуан Хаочэнь (Huang Haochen), Лу Липин (Lu Liping) («Эволюция теории естественной монополии» (The Evolution of Natural Monopoly Theory)), Тонг Ге (Tong Ge) («Конфликты и гармонизация между глобальной и региональной экономической интеграцией» (Conflicts and Harmonization between Global and Regional Economic Integration)) и др.

В контексте географии мероприятия стоит особо отметить, что большинство коллег, участвовавших в работе круглого стола в Минске 17 марта 2023 года как офлайн-, так и в онлайн-формате, представляли научные сообщества субъектов Союзного государства — Республику Беларусь и Российскую Федерацию. Это объясняется сохраняющимися контактами исследователей в рамках Союзного государства, общими традициями в юридическом образовании, прочными связями между российскими и белорусскими специалистами, обеспечивающими научное сопровождение юридической практики, что и нашло свое выражение в общих подходах в правовом регулировании охраны окружающей среды и подтверждается 30-летней практикой реализации Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды».

Российскую Федерацию традиционно представили столичные образовательные и научно-исследовательские организации. Для иллюстрации назовем лишь некоторые, а именно: Университет им. О. Кутафина (МГЮА), Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Государственный университет по землеустройству, РГУ нефти и газа (НИУ) им. И. М. Губкина, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Московский государственный университет геодезии и картографии, Московский городской педагогический университет.

Активное участие в обсуждении приняли исследователи из различных российских регионов, таких как Ростов-на-Дону (Донской государственный

технический университет), Республика Башкортостан (Уфимский университет науки и технологий), Ставрополь (Северо-Кавказский федеральный университет), Республика Татарстан (Казанский (Приволжский) федеральный университет), Екатеринбург (Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева) и др.

Обширная география участников позволяет констатировать, что тема круглого стола вызвала подлинный интерес исследователей в разных сферах праведения: в обсуждении сюжетов и теоретических, и практических проблем общей темы свои позиции представили более 60 докладчиков и других участников, которые приняли участие в обсуждении. Подробную информацию о статусе докладчиков, занимаемых должностях в органах государственной власти и образовательных организациях, научных степенях и званиях можно почерпнуть в программе круглого стола [4].

Форма обзора, ограниченного по своему объему, не позволяет уделить внимания каждой теме, с которой выступили участники круглого стола. Однако по результатам круглого стола планируется издание сборника статей ученых и практикующих юристов Республики Беларусь и зарубежных стран с последующим размещением его в электронной библиотеке Белорусского государственного университета.

В контексте целеполагания данного обзора заметим: обобщенно некоторые проблемы были названы в докладе спикера, прозвучавшем в начале работы круглого стола. Заседание открыла Т. И. Макарова, авторитетный ученый, исследующий среди прочего и проблемы систематизации законодательства об охране окружающей среды и рационального использования природных ресурсов, аграрного законодательства как отраслей, имеющих комплексный характер [3]. Она обратила внимание на три группы ожидающих своего конвенционального решения вопросов, которые в той или иной степени получили развитие в других выступлениях участников:

- проблемы эволюционной динамики экологического законодательства Республики Беларусь (в аспекте ретроспективы и перспективы) с акцентом на принципы и технико-юридические инструменты — используемые понятия;
- положение экологического законодательства Республики Беларусь в законодательстве национальной правовой системы и опыт иностранных государств;
- функции экологического законодательства Республики Беларусь в процессе правового регулирования.

Законодательство об охране окружающей среды в Союзном государстве. Теме гармонизации законодательства двух государств — участников Союзного государства в области правового регулирования отношений по использованию и защите окружающей среды, созданию комфортных условий существования граждан было посвящено несколько докладов. Их авторы актуализировали такие аспекты общей проблемы, как: специфика правового регулирования охраны окружающей среды в России и Беларуси, которая

определилась на основе ретроспективного анализа за период 30 лет (Т. В. Злотникова); правовые режимы земли — объекта экологического права в Республике Беларусь и Российской Федерации (З. Ф. Сафин) и др.

В контексте состояния и развития законодательства об охране окружающей среды в Союзном государстве пристального внимания заслуживает исследовательская позиция М. В. Пономарева, акцентирующего внимание на теоретических подходах к вопросу о систематизации законодательства об охране окружающей среды в условиях гармонизации правового пространства Российской Федерации и Республики Беларусь. Представляется, что такая исследовательская позиция актуализирует эвристические возможности теоретической юриспруденции как фундаментальной в правоведении для разработки частных вопросов практического свойства.

Законодательство об охране окружающей среды и право человека (гражданина) на безопасную окружающую среду. Злободневной остается проблема состояния законодательства об охране окружающей среды в системе правовых инструментов, позволяющих реализовывать право человека (гражданина) на безопасную окружающую среду. В этой связи отметим вызвавший повышенный интерес и живую дискуссию обстоятельный доклад Н. А. Карпович, которая подробно остановилась на практике Конституционного суда Республики Беларусь (КС РБ) по защите права человека (гражданина) на безопасную окружающую среду. Она отметила, что актуальная практика КС РБ формируется под влиянием разнообразных факторов, а в системе приоритетных назвала:

- результаты республиканского референдума 2022 года — они расширили перечень оснований для прямой конституционной жалобы граждан в КС РБ;
- фундаментальные принципы деятельности КС РБ по защите права человека (гражданина) на безопасную окружающую среду (гармонизация международных и национальных стандартов в области безопасной окружающей среды, преемственность и последовательность в реализации международных стандартов на основе антропоцентристской парадигмы прав человека, недопустимость снижения существующих стандартов прав человека посредством текущего правоприменения и др.).

Тема безопасной окружающей человека среды, конкретизированная в объектах правового регулирования экологического права (продуктах питания и другой продукции широкого потребления), была поднята в выступлении Н. П. Ворониной, поделившейся результатами своих размышлений о гринвошинге, современном состоянии этого социального явления, которое основано на создании ложного представления об экологичности продукта (бренда и т. д.), и тенденциях в деле правового регулирования защиты граждан от такого продукта и от ложной информации о нем.

К числу выступлений, которые поддержали дискуссию по проблеме реализации прав граждан на безопасную окружающую среду, с полным основанием можно отнести темы, актуализировавшие: вопросы охраны окружающей среды в документах территориального планирования Российской Федерации

(М. Н. Гаврилюк); пробелы правового регулирования в сфере обеспечения экологической безопасности (Е. Ю. Гаевская) и др.

Законодательство об охране окружающей среды в фокусе компаративистики. Обсуждение проблем в ходе работы круглого стола продемонстрировало, что и маститые ученые, и начинающие исследователи обратились к ресурсам и активно использовали сравнительно-правовой подход в своих исследованиях. В границах компаративистики, несомненно, перспективные суждения в рамках тем, разработанных коллегами не только из дальнего (Китай), но из ближнего зарубежья. Много полезной информации участники дискуссии получили при обсуждении вопросов о некоторых особенностях развития природоохранного законодательства в национальных правовых системах. К их числу отнесем те, которые освещают сложившиеся подходы к систематизации экологического законодательства с использованием эмпирического материала из опыта трех государств — России, Беларуси, Казахстана.

Привлекательны и в научном, и в педагогическом аспекте результаты сравнительно-правового анализа законодательства в области экологии государств романо-германской правовой семьи (Франция, Швеция, Германия и др.), проведенного С. А. Балашенко, в контексте активного обсуждения концепции Кодекса об охране окружающей среды в Республике Беларусь.

Теоретические проблемы комплексных отраслей законодательства и их систематизации. В развернувшейся дискуссии вполне уместно выделить отдельную группу проблем теоретического свойства:

- о кодификации аграрного законодательства и концепции кодифицированного акта в форме кодекса об охране окружающей среды (С. А. Балашенко);
- о предмете экологического права как отрасли права (Э. С. Навасардова);
- о концептуальных подходах к определению места экологического права в системе права (Ж. Т. Мурзабекова);
- о комплексных образованиях в праве (С. А. Калинин);
- о соотношении понятий «комплексные отрасли права» и «комплексные отрасли законодательства» в национальной правовой системе (Е. М. Крупеня) и др.

Названные и иные проблемы теоретико-правового свойства убедительно доказывают востребованность общетеоретических разработок для решения частных юридических вопросов, к числу которых относится и вопрос развития комплексных отраслей права и систематизации комплексного законодательства. Обобщая практические аспекты дискуссии, стоит отметить: именно инфраструктурные показатели отрасли права [1], представленные максимально полно и системно, могут быть применены в процессе обучения искусственного интеллекта (ИИ), технология которого позволит повысить эффективность обработки большого массива нормативных правовых актов, в частности в процессе кодификации — особой формы правотворчества [2].

Содержательная дискуссия участников круглого стола, в центре которой комплекс проблем теоретико-правового, компаративистского характера

в контексте ожидающих своего решения проблем комплексных отраслей права и законодательства, позволяет констатировать, что в научном отношении это событие оказалось не только интересным, но и, без сомнения, полезным. Результаты дискуссии подводить рано, однако можно утверждать, что для дальнейшего научного поиска ответов на актуальные вопросы теории и практики развития комплексных отраслей права и систематизации комплексных отраслей законодательства значение, которое трудно переоценить, приобретает систематический обмен опытом по широкому спектру теоретических и практических вопросов, при надлежащем научном сопровождении с использованием ресурсов широкой междисциплинарности.

Список источников

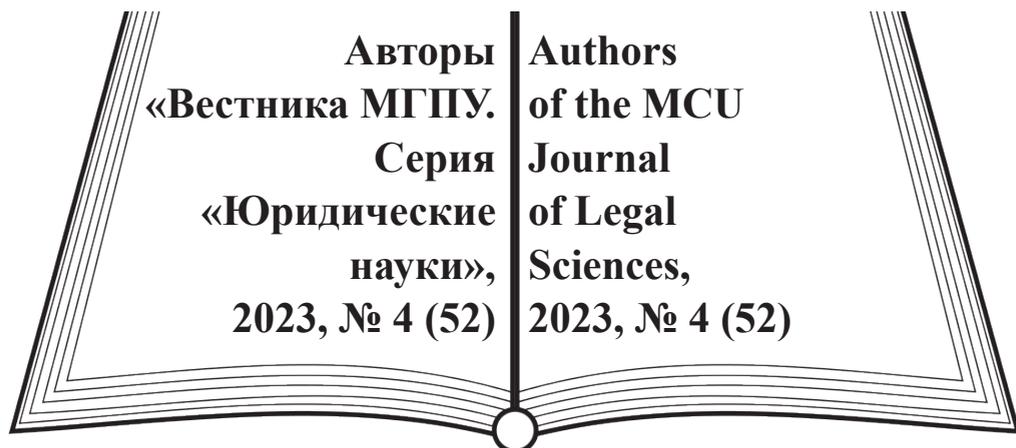
1. Глухарева Л. И., Крупеня Е. М. Теория государства и права: учебный курс в схемах. Саратов: Саратовский источник, 2022. 416 с.
2. Бондарчук И. В., Руденко А. В., Стрельникова И. Ю. Цифровизация нормотворческой деятельности в условиях информационного общества // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2022. № 4 (48). С. 72–85.
3. Проблемы систематизации комплексных отраслей законодательства в свете принятия нового закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» / Т. И. Макарова [и др.] // Право.БГУ. 2019. № 3 (59). С. 76–84.
4. Программа круглого стола «Проблемы систематизации комплексных отраслей законодательства», посвященного 30-летию принятия Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» 17 марта 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Flaw.bsu.by%2Fpub%2F14%2FProgramma_Krugliy_stol_Zakon_OOS.docx&wdOrigin=BROWSELINK (дата обращения: 27.07.2023).

References

1. Gluxareva L. I., Krupenya E. M. Teoriya gosudarstva i prava: uchebny`j kurs v sxemax. Saratov: Saratovskij istochnik, 2022. 416 s.
2. Bondarchuk I. V., Rudenko A. V., Strel`nikova I. Yu. Cifrovizaciya normotvorcheskoj deyatel`nosti v usloviyax informacionnogo obshhestva // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2022. № 4 (48). S. 72–85.
3. Problemy` sistematizacii kompleksny`x otraslej zakonodatel`stva v svete prinyatiya novogo zakona Respubliki Belarus` «O normativny`x pravovy`x aktax» / T. I. Makarova [i dr.] // Pravo.BY. 2019. № 3 (59). S. 76–84.
4. Programma Kruglogo stola «Problemy` sistematizacii kompleksny`x otraslej zakonodatel`stva», posvyashhenny`j 30-letiyu prinyatiya Zakona Respubliki Belarus` «Ob okhrane okruzhayushhej sredy`» 17 marta 2023 g. [E`lektronny`j resurs]. URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Flaw.bsu.by%2Fpub%2F14%2FProgramma_Krugliy_stol_Zakon_OOS.docx&wdOrigin=BROWSELINK (data obrashheniya: 27.07.2023).

Статья поступила в редакцию: 11.07.2023;
одобрена после рецензирования: 24.07.2023;
принята к публикации: 29.07.2023.

The article was submitted: 11.07.2023;
approved after reviewing: 24.07.2023;
accepted for publication: 29.07.2023.

Абрамов Руслан Агарунович — доктор экономических наук, профессор, профессор департамента экономики и управления, директор Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета.

Abramov Ruslan Agarunovich — Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economics and Management, Director of the Institute of Economics, Management and Law, Moscow City University.

E-mail: abramovra@mgpu.ru

Борисова Наталья Евгеньевна — доктор юридических наук, профессор, профессор департамента права Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета.

Borisova Natalia Evgen'evna — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Law of the Institute of Economics, Management and Law, Moscow City University.

E-mail: borisovane@mgpu.ru

Бурьянов Сергей Анатольевич — кандидат юридических наук, доцент, доцент департамента права Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета.

Buryanov Sergey Anatolyevich — Candidate of Sciences in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Law of the Institute of Economics, Management and Law, Moscow City University.

E-mail: buriyanovsa@mgpu.ru

Гаврилова Юлия Вячеславовна — кандидат юридических наук, доцент, доцент департамента права Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета.

Gavrilova Yulia Vyacheslavovna — Candidate of Sciences in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Law of the Institute of Economics, Management and Law, Moscow City University.

E-mail: gavrilovauv@mgpu.ru

Гребенькова Лидия Александровна — преподаватель кафедры уголовного права Юго-Западного государственного университета.

Grebenkova Lydia Alexandrovna — Lecturer at the Department of Criminal Law, Southwest State University.

E-mail: lidiagrebenkova@gmail.com

Дудин Павел Николаевич — доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления.

Dudin Pavel Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher of the East Siberia State University of Technology and Management.

E-mail: dudin2pavel@gmail.com

Журавлев Валерий Анатольевич — доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

Zhuravlev Valery Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Candidate of Law, Professor of the Northwestern Branch of the Russian State University of Justice.

E-mail: rurik862@mail.ru

Зайцев Олег Александрович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра уголовного и уголовно-процессуального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Zaitsev Oleg Alexandrovich — Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Center for Criminal and Criminal Procedure Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

E-mail: crim@izak.ru

Захарова Екатерина Романовна — студентка Юго-Западного государственного университета.

Zakharova Ekaterina Romanovna — Student of Southwest State University.
E-mail: katya.zaharova.2001@mail.ru

Звонарев Андрей Владимирович — кандидат исторических наук, доцент, доцент департамента права Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета.

Zvonarev Andrey Vladimirovich — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Law of the Institute of Economics, Management and Law, Moscow City University.

E-mail: zvonarevav@mgpu.ru

Корчагина Тамара Владимировна — кандидат юридических наук, доцент, доцент департамента права Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета.

Korchagina Tamara Vladimirovna — Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Law of the Institute of Economics, Management and Law, Moscow City University.

E-mail: korchaginatv@mgpu.ru

Кривенький Александр Иванович — доктор юридических наук, профессор, профессор департамента права Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета.

Krivenkiy Aleksandr Ivanovich — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Law of the Institute of Economics, Management and Law, Moscow City University.

E-mail: krivenkiiai@mgpu.ru

Крупеня Елена Михайловна — доктор юридических наук, доцент, профессор департамента права Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета.

Krupenya Elena Mikhailovna — Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Law of the Institute of Economics, Management and Law, Moscow City University.

E-mail: krupenyaem@mgpu.ru

Львов Алексей Витальевич — кандидат юридических наук, доцент, доцент департамента права Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета.

Lvov Aleksey Vitalievich — Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Law of the Institute of Economics, Management and Law, Moscow City University.

E-mail: lvovav@mgpu.ru

Нудель Станислав Львович — доктор юридических наук, доцент, заведующий Центром уголовного, уголовно-процессуального законодательства и судебной практики Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Nudel Stanislav Lvovich — Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for Criminal, Criminal Procedure Legislation and Judicial Practice, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

E-mail: crim@izak.ru

Пашенцев Дмитрий Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор департамента права Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета.

Pashentsev Dmitriy Alekseevich — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Law of the Institute of Economics, Management and Law, Moscow City University.

E-mail: pashencevda@mgpu.ru

Пономарев Михаил Викторович — кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Московского государственного университета.

Ponomarev Mikhail Viktorovich — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Modern and Contemporary History, Moscow State Pedagogical University.

E-mail: mv.ponomarev@mpgu.su

Потапов Юрий Алексеевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

Potapov Yuri Alekseevich — Candidate of Law, Associate Professor of the Department of General Theoretical Legal Disciplines, Northwestern Branch of the Russian State University of Justice.

E-mail: upotapov@mail.ru

Семыкина Ольга Ивановна — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник центра уголовного, уголовно-процессуального законодательства и судебной практики Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Semykina Olga Ivanovna — Candidate of Law, Leading Researcher of the Center for Criminal, Criminal Procedure Legislation and Judicial Practice, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

E-mail: crim@izak.ru

Хусайнов Зуфар Фаатович — доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права Казанского федерального университета.

Khusainov Zufar Faatovich — Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, Kazan Federal University.

E-mail: husainovzufar@mail.ru

Чурилов Сергей Никифорович — доктор юридических наук, профессор, профессор департамента права Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета.

Churilov Sergey Nikiforovich — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Law, Institute of Economics, Management and Law, Moscow City University.

E-mail: angels7@yandex.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Редакция просит авторов при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ. Серия «Юридические науки», руководствоваться требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными редакционным советом университета:

1. Используемый шрифт — Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5; поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набираются: латинскими буквами — в светлом курсивном начертании; греческими буквами — в светлом прямом. Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. Содержание статьи должно отражать следующие обязательные структурные элементы:

- введение (постановка проблемы, определение цели и задач исследования, актуальность, новизна и значимость);
- анализ существующих подходов к решению поставленной проблемы, степень научной разработанности;
- исследовательская часть (включая доказательную базу и научную аргументацию);
- результаты исследования;
- библиография.

3. В публикации должны быть приведены все источники финансирования исследований, включая прямую и косвенную финансовую поддержку.

4. Объем статьи, включая список литературы, постраничные сноски и иллюстрации, не должен превышать 40 тыс. печатных знаков (1,0 а. л.).

5. В начале статьи должна быть представлена следующая информация:

- инициалы и фамилия автора (полужирный шрифт, выравнивание по левому краю);
- заголовок (полужирный шрифт, выравнивание по центру);
- аннотация к статье (объем не менее 100 слов, оформление по образцу);
- ключевые слова (5–7 слов и словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Требования к аннотации: объем не менее 100 слов (100–120 слов). Из содержания аннотации должно быть возможно получить целостное представление о статье, ее методологии и теоретической значимости.

Структура аннотации: цель статьи, методология, основные результаты, теоретическая значимость.

Ключевые слова: 5–7 ключевых слов или словосочетаний в единственном числе и именительном падеже, разделенных точкой с запятой.

6. Статья снабжается пристатейным списком литературы, составленным в алфавитном порядке на русском и английском языках, оформленным в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая запись».

Примеры оформления:

Иванов А. А. Психология. 2-е изд. СПб.: Наука, 2001. 530 с.

Набоков В. Собр. соч.: в 4 т. / отв. ред. и сост. В. В. Ерофеев. М.: Правда, 1990. Т. 1. 414 с.

Викулова Л. Г., Троепольская Ю. Б. Туристический каталог в публичном медийном пространстве // Человек в информационном пространстве: сб. науч. тр. Ярославль: ЯГПУ, 2016. С. 80–87.

Плотникова С. Н. Дискурсивные технологии и их роль в конструировании социального мира // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия «Право». 2015. № 3 (714). С. 72–83.

Курбанова М. Г. Эргонимы современного русского языка: семантика и прагматика: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Волгоград, 2015. 23 с.

7. Ссылки на литературу из пристатейного списка приводятся в тексте в квадратных скобках, например: [3, с. 57] или [6, т. 1, кн. 2, с. 89].

Ссылки на интернет-ресурсы, архивные документы и нормативные источники помещаются в тексте в круглых скобках или подстраничной сноской по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

Пример оформления:

Члиянц Г. Создание телевидения [Электронный ресурс] // QRZ.RU: сервер радиолюбителей России. 2004. URL: <http://www.qrz.ru/articles/article260.html> (дата обращения: 21.02.2006).

8. В материалах может быть использована подстрочная ссылка для выражения авторской позиции и (или) авторского комментария на фрагмент текста. Подстрочной ссылкой оформляются также используемые нормативные правовые акты с указанием данных о доступе. Оформление подстраничных сносок и примечаний в статье должно быть однообразным, нумерация сквозная.

9. В конце статьи (после списка литературы) указываются на английском языке сведения об авторе, название статьи, аннотация и ключевые слова.

10. Рукопись статьи подается в редакцию журнала в электронной форме по адресу: PashencevDA@mgpu.ru (в формате doc, docx).

11. К рукописи прилагаются отдельным файлом сведения об авторе (Ф. И. О., ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.

12. На первичное рассмотрение рукописи на предмет ее соответствия тематике издания и требованиям к оформлению отводится 14 дней. В случае несоблюдения какого-либо из настоящих требований автор по требованию главного или ответственного редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись

в пределах срока, установленного для ее доработки. Редакция не вступает в полемику с автором в случае его несогласия с принятым решением.

13. Журнал публикует только оригинальные работы, соответствующие требованиям журнала по соблюдению этики научных публикаций.

14. Все статьи, предназначенные для публикации в «Вестнике МГПУ. Серия «Юридические науки», проходят процедуру рецензирования и утверждения редакционной коллегией журнала и редакционным советом Института права и управления МГПУ.

15. Подача статьи в редакцию журнала означает согласие авторов с изложенными правилами и согласие на размещение полной версии статьи в сети Интернет на официальном сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU, на сайте МГПУ (раздел «Наука») в свободном доступе, с использованием представленных личных данных в открытой печати.

16. Публикация в журнале для авторов бесплатна. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ

УДК 340.13

Д. Д. Пашенцева

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация
E-mail: ..a@yandex.ru

Нормотворческие полномочия органов городского общественного управления Российской империи после реформы 1870 г.

Аннотация. В статье поставлена задача проанализировать природу актов, принимавшихся органами городского общественного управления Российской империи после городской реформы 1870 года. Используются формально-юридический и исторический методы. На основе норм Городового положения 1870 года выявлены особенности этих актов, влиявшие на их место в системе права Российской империи. Проведено разграничение нормативных и ненормативных актов, принимавшихся городскими думами. Выявлена взаимосвязь данных актов с полномочиями органов городского общественного управления, а также с разграничением функций городских дум и городских управ. Сделан вывод, что полномочия городских дум по изданию как нормативных, так и ненормативных актов вытекали из функций и обязанностей, непосредственно закрепленных в Городовом положении 1870 года, а также из модели их взаимодействия с городскими управами и правительством.

Ключевые слова: городское общественное управление; Российская империя; городская дума; Городовое положение; нормативный акт.

Научный журнал / Scientific Journal

Вестник МГПУ.

Серия «Юридические науки»

MCU Journal of Legal Sciences

2023, № 4 (52)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
ПИ № ФС77-82091 от 12 октября 2021 г.

Главный редактор:

доктор юридических наук, профессор *Д. А. Пашенцев*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Т. П. Веденеева

Редактор:

М. С. Голяндина

Корректор:

К. М. Музамилова

Перевод на английский язык:

М. В. Лебедева

Техническое редактирование и верстка:

А. В. Бармин, О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр ГАОУ ВО МГПУ

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.

Телефон: 8-499-181-50-36.

https://www.mgpu.ru/centers/izdat_centre/

Подписано в печать: 16.02.2024 г.

Формат: 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага: офсетная.

Объем: 8,5 печ. л. Тираж: 1000 экз.